и все-таки она хорошая
М. В. ПАНОВ
И ВСЕ-ТАКИ ОНА ХОРОШАЯ
РАССКАЗ О РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я знаю, что многие из моих читателей плохо относятся к орфографии. Ее требования, конечно, исполняют беспрекословно, но не любят нашу орфографию, не гордятся ею; нет благодарности к тому ценному, что она дарит нам. Любить орфографию, гордиться ею? Возможно ли это? И, главное, за что любить и чем гордиться? Мне бы хотелось в этой книжке рассказать, почему русская орфография достойна уважения и даже благодарности, несмотря на все ее недостатки. Недостатки есть, даже немало — и все-таки она хорошая! Вот я и буду спорить с теми, кто не ценит высоких достоинств нашего письма, буду стараться их переубедить. Для этого и написана брошюра. Кроме того, она написана и с другой целью: объяснить, в чем наше письмо может быть улучшено, чтобы оно было не «все-таки хорошим», а просто хорошим.

- Глава 1. Нужна ли орфография?
  - О чем эта книжка?
  - Сомнения в пользе орфографии
  - Простой способ избавиться от ошибок
  - Перед отъездом…
  - Город без орфографии
  - Мучения с документами
  - Корректоры-исследователи
  - Читают газету…
  - Новые наблюдения в Какографополе
  - Конец одного обсуждения
  - Слова в масках
  - Как мы читаем
  - Горы из порошинок
  - О малограмотных
  - Желанные ошибки
  - Своя, личная орфография
  - Писателям можно
- Глава 2. Что слышу, то пишу
  - Соблазны звукового письма
  - Я учу вас диссимилятивно якать
  - Для каждого села — особый учебник
  - А если приказать?
  - Отцы и дети
  - Слушаем, а не слышим
  - Законы без исключения

- Белый, как лимон
- «Глухой глухого звал»
- Сплетение звуков
- Послушная дверь
- Одно и то же при любом освещении
- Фонетическая муштра
- Не хватило бы алфавита
- «А что надо слышать, не указано»
- Различные степени наблюдательности
- О «сомнительных» звуках
- Восемь обликов одного предлога
- Отгадывание загадок
- А как же у других народов?

• Глава 3. Письмо, соединяющее поколения
- Старинная одежда
- Английские иероглифы
- Два билета на одно место
- Чьи интересы важнее?
- Фотоклин
- Прожектеры и дилетанты
- Чтение бегом
- Промьшленность
- Досадные очитки
- Вовсѣ — вовсе — во всѣ — во всё
- Староста Цап
- Художник и хѫдожник
- Интересы пишущего
- В одиночку, без помощников…

• Глава 4. Хорошая орфография
- Новые поиски
- Весьма укрепленный окоп
- Рассказ о Линь Фын-сяне
- Язык, которого не может быть
- Страна Опельсиния
- У нас вовсе не морфологическое письмо…
- Не писать ли саты, дупы?
- Самостоятельные звуки
- Самая важная глава в книге
- Пусть будет другой сосед
- В школьных учебниках
- Вся она насквозь…
- Еще два замка открыты
- Фонемная орфография лучше традиционной
- Фонемная орфография лучше фонетической

- Десять замков одним ключом
- Не пестрота, а единство
- Как это получилось?
- Великая битва

- Глава 5. Что можно улучшить?
  - «Орфографическая тайна»
  - Дрожь, сидишь, настежь, отрежь
  - Цыпленок, цыпочки, цыц, цыган
  - Чёлка и чокнулся
  - Сине-зеленый, железнодорожный…
  - Из-под мышек, в обнимку, до зарезу
  - Коротко обо всем остальном
  - Странная рифма
  - Нужны ли большие буквы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

Глава 1. Нужна ли орфография?

О чем эта книжка?

Я знаю, что многие из моих читателей плохо относятся к орфографии. Ее требования, конечно, исполняют беспрекословно, но не любят нашу орфографию, не гордятся ею; нет благодарности к тому ценному, что она дарит нам.

Любить орфографию, гордиться ею? Возможно ли это? И, главное, за что любить и чем гордиться?

Мне бы хотелось в этой книжке рассказать, почему русская орфография достойна уважения и даже благодарности, несмотря на все ее недостатки. Недостатки есть, даже немало — и все-таки она хорошая! Вот я и буду спорить с теми, кто не ценит высоких достоинств нашего письма, буду стараться их переубедить. Для этого и написана брошюра.

Кроме того, она написана и с другой целью: объяснить, в чем наше письмо может быть улучшено, чтобы оно было не «все-таки хорошим», а просто хорошим.

Сомнения в пользе орфографии

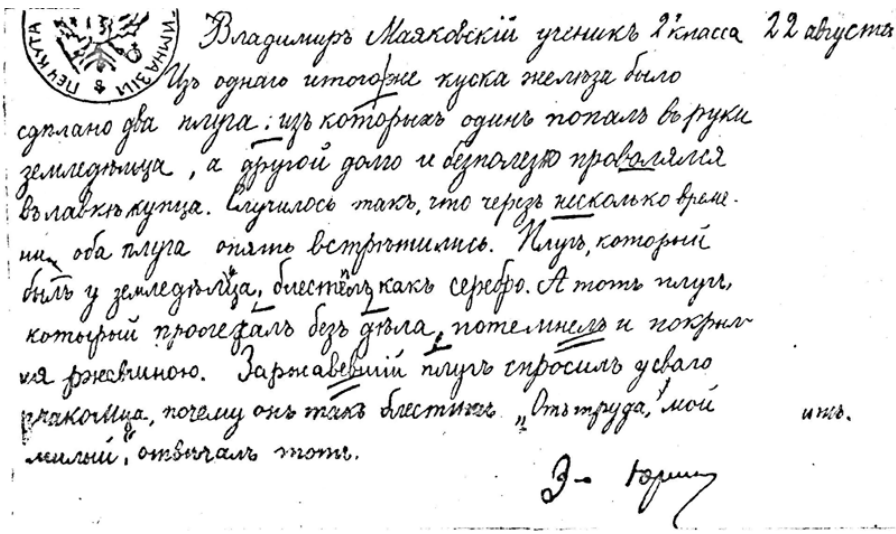
Посмотришь — как будто орфография всем приносит только неприятности, и благодарить ее не за что. Сколько школьников получают переэкзаменовки, остаются на второй год, а вся их вина только в том, что вместо одной буквы поставили в диктанте другую. Иногда и различие бывает самое незначительное: вместо *топор* написали *тапор;* значит, у кружка хвостик повели чуть ниже, чем надо, не поверху, а понизу… Без этой ошибки была бы отметка «три», а так вышла двойка. И вот, тяжелые огорчения и самому школьнику и его родителям; иногда — омрачены каникулы, иногда — потерян год. И все ведь из-за пустого, какие-то еле заметные штрихи у буквы. Много лишних волнений, беспокойств, даже страданий приносит орфография!

И разве одним школьникам? Дайте нескольким людям тему для рассказа: «Орфография подвела!» — и каждый придумает свой сюжет или вспомнит какой-нибудь особый случай. Напротив, на тему «Орфография помогла» — напишешь разве что-либо обыденное: кто-то успешно сдал экзамен, получил пятерку… Выходит, беды от орфографии многообразны, а достоинства ее… сомнительны.

Простой способ избавиться от ошибок

А что если просто не замечать орфографические ошибки? Написано *тапор,* но ведь читается так же, как и *топор.* Ну, и пусть, кто хочет, пишет *тапор;* вероятно, ничего плохого не случится.

В 1904 году Володя Маяковский держал экзамен по русскому языку. Надо было написать диктант; вот что у него получилось. Отметка «три», удовлетворительно. Но три с минусом: еще одна бы ошибка…



Владимиръ Маяковскій ученикъ 2 класса 22 августа
Изъ одного итогоже куска желѣза было
сдѣлано два плуга: изъ которыхъ одинъ попалъ въ руки
земледѣльца, а другой долго и безпрестанно проводился
въ лавкѣ купца. Случилось такъ, что черезъ нѣсколько време-
ни оба плуга опять встрѣтились. Плугъ, который
былъ у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро. А тотъ плугъ,
который прожилъ безъ дѣла, потемнѣлъ и покрыл-
ся ржавчиною. Заржавѣвшій плугъ спросилъ у своего
собесѣдника, почему онъ такъ блеститъ. „Отъ труда, мой
милый, отвѣчалъ тотъ.

Кстати, она в диктанте как раз и есть: экзаменаторы ее пропустили. Слова «и того же» (в самом начале диктанта) надо было писать раздельно; у Маяковского: «итого, же».

Учитель пропустил ошибку, и ничего плохого не произошло[1]. Напротив, было бы жаль, если б ошибку обнаружили, и на Маяковского обрушились бы тяжкие гимназические кары.

Так не лучше ли сознательно и постоянно не обращать внимания на ошибки? Тогда их и не будет. В орфографии именно так: если никто не обращает внимания на ошибку, если ничей глаз она не задевает, то ее и нет. Когда *тапор* будет восприниматься читающими так же спокойно, как и *топор,* то оба написания окажутся правильными. Допускаются же у нас, например, *будничный* и *буднишний* — два равноправных письменных варианта. Вот бы и всегда так: оба *т^{о}/$_{а}$пора* законны.

Известный языковед Роман Брандт когда-то писал: «Я бы и вообще допускал почаще двоякое и даже троякое написание: стремление к полному единству орфографии мне представляется педантством»[2]. Не стоит ли пойти дальше и всегда допускать двоякие, троякие, четвероякие и сколько угодно-якие написания?

Кроме того, не пустая ли условность наша орфография? Посмотрите диктант Маяковского: большая часть буквенных ошибок, три из четырех, сделана на букву Ь (надо было писать: *нЬсколько, потемнЬть, заржавЬвший)*. Прошло немного лет, и все стали писать без ятей. То, что было ошибкой, стало законно. Не говорит ли это о полной условности орфографии, о зыбкости ее оснований; наконец, не вызывает ли мысли о сомнительной ценности всех орфографических рекомендаций и запретов?

Орфографическая реформа 1918 года, отменившая некоторые старые правила, многих толкнула именно к такой мысли. «Реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж.

Для грамотных людей требования орфографии оправдывались наукой, и нарушать эти требования значило разрушать науку, значило разрушать родной язык, отрекаясь от его истории. Для того чтобы ясно представить себе эти прежние умонастроения, достаточно вспомнить о тех жарких спорах, которые велись на тему о том, как писать: *лЬчебница* или *лечебница, болЬ* или *боле, ветчина* или *вядчина* и т. п.

Реформа орфографии наглядно, а потому безвозвратно, уничтожила все эти иллюзии. Оказалось, что можно писать *хлеб, снег, беспричинный* и т. д., и т. д., за что раньше ставили двойку, лишали диплома или не принимали на службу писцом[3]. Практический вывод, который был сделан отсюда широкими массами, и не только ими, но и учительством, и не только низовым, но и средним, вообще почти всем обществом, был тот, что орфография — вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила»[4].

Кто же прав: те, которые разочаровались в орфографии и увидели в ней пустую и обременительную условность, или сторонники строго орфографического письма? Чтобы ответить на этот вопрос, надо поставить опыт.

Мы должны исследовать и сравнить две страны, или два района, или хоть два города, которые отличаются только одним: жители одного города — убежденные орфографисты, а жители другого — и слыхом не слыхали о правописании. Ясно, что этот опыт может быть только мысленным. Надо представить себе шумный, оживленный, торопливый современный город; он совсем как наши города, но только ничего не знает о благах орфографии.

Как там живут люди?

Конечно, такой мысленный эксперимент — вещь не очень надежная. Легко преувеличить отличия этого города от наших, орфографических городов. Еще легче не заметить различий…

Все-таки попробуем сравнить.

Перед отъездом…

Но прежде чем ехать в этот город, надо решить, что это значит: писать без всякой орфографии.

Это значит: писать каждое слово как угодно, любыми способами, лишь бы оно читалось как произносится. Условие важное, надо в нем разобраться.

Слово *растёкся* с помощью букв можно изобразить по-разному: *растёкся* (это написание для нас привычно), или *ростёкся,* или *разтёкся,* или *розтёкся,* или *растёгся,* или *ростёгся,* или *разтёгся,* или *розтёгся.* Восемь разных способов. Попробуйте прочесть вслух: все эти написания читаются одинаково. Конечно, я имею в виду нормальное, естественное, привычное для нас чтение.

Ученики, например, иногда ошибочно пишут: *расла, росши.* Они ошибаются именно потому, что в этих словах начальные *ро* и *ра* на слух одинаковы. Учитель читает диктант, а ученики не могут решить, какую букву выбрать: правила, оказывается, надо знать. Мы же сейчас как раз говорим о письме без правил — лишь бы читалось одинаково. А это условие выполнено и в написании *растёкся,* и в написании *растекся*[5].

Буквенные сочетания *ст* и *зт* тоже читаются одинаково. Сравните: *лесть и лезть, вести и везти…* Эти слова различить можно только по контексту. Сами они произносятся совершенно тождественно. И если написания *растёкся и разтёкся* прочесть естественно, ненарочито, то на слух никто не определит, когда читается одно написание, когда другое.

Наконец, совершенно одинаково звучат конечные слоги в словах *разлёгся — испёкся.* Буквенное различие (то *г,* то *к*) не мешает этим словам точно рифмоваться. Значит, и наши написания *растёкся и растегся* хорошо отвечают заданному условию: пиши как хочешь, лишь бы при чтении получилось нужное слово. Написание *растёкся,* конечно, читается правильно, а *растегся* при чтении от него не отличается. Итак, все наши 8 написаний в чтении одинаковы.

Этими восьмью способами дело не ограничивается. Можно написать еще и так: *расътёкся, росътёкся* и т. д. — те же восемь форм, но с мягким знаком после приставки. Сравните: *бросьте, о росте, заморозьте* — совершенно точные рифмы[6]. Значит, буквосочетания *сьте, зьте* и *сте* читаются одинаково. Всего получается уже 16 разных написаний одного и того же слова. Все они отвечают единственному правилу, без которого нельзя обойтись, если даже хочешь писать без правил.

Но пусть кто-нибудь, желая передать буквами слово *растёкся,* напишет: *растюкся,* или *растёпся,* или *распёкся.* Он сделает явный промах: все эти написания так, как он задумал, не читаются.

Выходит, что писать без правил надо тоже соблюдая правило. Правда, это правило, единственное, и притом нетрудное. Оно не стесняет свободу пишущего; выбор разных одежд для одного и того же слова остается большим. Слово *расчётливость,* например, можно изобразить 6336 способами (шестью тысячами тремястами тридцатью шестью), и все написания будут читаться одинаково. Как видите, выбор есть.

Теперь мы знаем, что значит писать без всякой орфографии. С таким багажом (не очень обременительным) можно отправляться в наш вымышленный город.

Город без орфографии

Называется он Какографополь. Многощумный, грохочущий, суетливый город, каких много. Как будто ничем не отличается от знакомых нам городов.

Разве только — вывесками. Почти на каждой — какой-нибудь рисунок; без рисунков почти и не видно. Написано: *«ремонд Шлябб»* — и нарисована шляпа с аккуратной заплатой (значит, только что из ремонта). Немного дальше — *«Овасчи и фрукkты».* На рисунке репа, морковь, яблоки. Недалеко снова такая же вывеска: *«О! выщчи ифругкты»,* и повторяется рисунок.

Вывески пестрят непритязательными изображениями товаров. Понятно почему: с рисунками проще; сразу видно, как прочесть вывеску.

Иной читатель, пожалуй, возмутится: зачем же так нелепо писать? Неужели не ясно, что и проще и понятнее *«Ремонт шляп»,* чем какой-то *«ремонд Шлябб»*!

Кому проще? Для кого понятнее? Вы забыли, дорогой читатель, что это город без орфографии, это Какографополь. Здесь безразлично, как написать: *Шлябб* или *шляп.* Читается одинаково; ведь фамилия *Крабб* и слово *краn* (на игральных картах) в произношении не различаются.

Мы привыкли к написаниям *овощи, шляп* и только их считаем законными. А житель Какографополя все написания: *шляп, Шляп, Шляб, Шлябб, шлябб, шльаб, шльапп, Шльапбп* и многие-многие другие считает равноправными, ни к одному из них не привык, ни одному из них не отдает предпочтения. Вернее, он ко всему привык; привык, что каждое сочетание букв надо уметь прочесть, надо так изловчиться, чтобы получилось знакомое слово. И житель Какографополя справляется с этим сравнительно быстро и почти безошибочно[7].

Вначале такой разнобой вывесок кажется забавным и даже нравится. Весело идти по городу и угадывать знакомое в незнакомом обличье. Каждое слово в какой-нибудь странной буквенной маске. У такого «остраннения» есть своя прелесть. Но скоро замаскированность каждого слова надоест и станет раздражать: «Зачем эта пестрота и непостоянство? К чему такая изобретательность попусту? Неужели нельзя было выбрать что-нибудь одно и всегда одинаково писать?».

Мучения с документами

В нашем Какографополе чуть не на каждом углу вывеска: *«Фатографффия»* или *«Фоттография»* (предоставляю читателю подумать, как еще могут писать слово *фотография* в этом городе). Очевидно, какографопольцы очень любят сниматься…

Не любят, а должны. На каждом документе в этом городе положено приклеивать фотокарточку. В любом свидетельстве, пропуске, справке, заявлении, аттестате, дипломе — фотографии и фотографии. Иногда сразу две: физиономия того, кто выдал, и того, кому выдано. А как же быть, если одно и то же лицо подписывается то *Издебский,* то *Исъдепский,* то *Изъдебзкий,* то *Иссдепзкой* … Он имеет право подписываться и так и этак (читаются все эти сочетания одинаково); он просто не привык, не умеет писать свою фамилию на один образец. В Какографополе все так делают. Спасает фотография: она позволяет установить идентичность лица, упомянутого в разных документах.

Служащие в учреждениях прошли особую школу: научились по фотографиям судить о тождественности или различии просителей. Иногда приходится производить небольшие физиономические измерения, но это редко. Обычно обходятся без этого.

Судебное следствие ведется замедленно; конечно, замедление самое небольшое, но все-таки нужно время, чтобы основательно заключить: да, двадцать различных буквосочетаний, часто встречающихся в деле, передают не двадцать разных фамилий, а одну и ту же. И не то, что кто-то скрывается от правосудия и нарочно искажает свою фамилию. Просто пишет, как душе угодно; это ведь город Какографополь, где нет никаких правописных норм.

Конечно, в такой письменной сумятице и преступнику легче ускользнуть. Как ни опытны следователи в этом городе, а все же процент нераскрытых преступлений чуть-чуть (самую каплю) больше, чем в соседнем городе, где чтут орфографию. Уже то, что следствие ведется медленнее, чем в орфографических городах, иногда бывает наруку преступнику. Так-то.

Корректоры-исследователи

В Какографополе, как и во всяком городе, выходит немало газет и журналов.

Труд корректора здесь сложен и требует большего времени, чем у нас. Это удивительно: ведь орфографии-то нет, и корректору не нужно следить за орфографическими ошибками, а работа его тяжелее. Почему?

У нас корректоры смотрят, чтобы каждое слово и предложение были напечатаны в соответствии с единым стандартом, с орфографической нормой. Это — одна из основных обязанностей корректора. Напечатано: *расщетлиеость.* Противоречит стандарту (стандарт: *расчетливость),* значит, надо выправить.

Корректор Какографополя так рассуждать не может. У него нет стандарта, нет образца, по которому он мог бы выправлять слова. Вспомните, что слово *расчетливость* в этом городе может быть написано более, чем шестью тысячами способов[8],— и все будет правильно. Но ведь не всякое сочетание букв годится для передачи слова *расчетливость,* а только шесть с лишним тысяч. Например, буквосочетания *расчутливостъ* или *расчётливесть* не годятся, потому что читаются не так, как надо.

Значит, у корректора только один выход: проанализировать каждое буквосочетание, может ли оно дать при чтении нужный результат или нет. Дело нелегкое. Недаром корректоры в Какографополе так же популярны, как кинозвезды, искусные врачи и поэты, а труд их приравнивается к труду ученого-исследователя. Большой квалификации люди! А газеты все-таки выходят иногда с опозданием, если попадает текст, трудный для корректорского анализа.

Читают газету…

Вот раннее утро. По улицам сосредоточенно и серьезно спешат прохожие. Раскупают утренние номера газет. Идут, уткнувшись в газетный лист; останавливаются; снова идут. Полностью поглощены чтением, ничего не слышат, не видят.

Да, чтение в этом городе — дело серьезное и требует полного внимания. Мы с вами каждый день читаем газеты, книги, письма, афиши, журналы, всякие документы — и всюду видим строго единообразные написания. Каждый вторник во всех газетах напечатано: *вторник,* и нигде не видно никаких других написаний. Слово не разгадывается каждый раз заново, а узнается как старый знакомый: ведь я его уже не раз встречал! Если же слово может менять свой буквенный облик, то оно всякий раз появляется как бы переодетым. Вдруг встретился какой-то чудак *Фтторнег;* не сразу догадается, что это такое… Оказывается, это наш старый приятель *вторник,* но только в новом буквенном костюме. В новой маске.

Чтобы понять слово, разумеется, не так уже много нужно усилий, дело одной секунды, но если весь текст состоит из таких замаскированных слов, то чтение окажется утомительным занятием. Каждое слово только самую каплю затруднит вас своим нестандартным видом, но капли эти следуют одна за другой…

Орфография сберегает нашу нервную энергию, позволяет с минимальным усилием понимать написанное. Когда читаем орфографический текст, то привычность написаний позволяет нам полностью погрузиться в обдумывание содержания. А что было бы при анархии письма!

То же, что в Какографополе: жители его в чтении, в самом узнавании слов видят серьезную, нелегкую работу. Им сначала надо погрузиться в узнавание текста, а уж потом (значит, еще глубже) — в самое его содержание. Поневоле, читая, ничего не будешь ни видеть, ни слышать.

В моих словах нет никакого преувеличения.

> Ребенок иногда может прочесть вслух, например, слово «парта» и не понять его. «А скажи, где лежат твои книги?» — «На парте». — «Так какое же слово ты прочитал?» — «Ах да, это парта». Такие случаи возникают тогда, когда самая техника чтения поглотила слишком много сил и внимания. Это явление встречается и у взрослых. В одном моем эксперименте, при котором условия чтения были очень затруднены, так

> что хорошо грамотные люди могли прочесть слово лишь с большим трудом, испытуемый, прочтя слова «лев» и «крыля» (вместо крылья), не мог понять в первый момент значения этих слов и вынужден был их несколько раз повторить, пока не смог осознать их значения.

Это пишет психолог Л. М. Шварц в своей книге о навыке чтения[9].

Неорфографическое письмо в Какографополе поглощает слишком много сил и внимания; чтобы понять содержание, нужно еще дополнительное усилие…

Вот свидетельство педагога: всякие изменения в письменном облике слова «привлекают внимание читателя, отвлекая его таким образом от содержания написанного. Учителя словесности знают это очень хорошо. Если ученическое сочинение написано безграмотно, то его приходится перечитывать дважды: раз, чтобы отметить орфографические ошибки, другой — чтобы вникнуть в содержание»[10].

Новые наблюдения в Какографополе

Вот трамвай. Много пассажиров. Все читают свежие газеты, молчат. Оказывается, опубликован важный какой-то декрет. Длинный: на четыре газетных полосы. Никого не удивляет, что всю первую полосу пересекли крупные буквы: *«Дикред»,* на второй странице заглавие: *«Декрет»,* на третьей: *«Диккрет»,* на четвертой — снова «*Дикред»*... Здесь это законно, это принято. В лицах читателей — напряженность, сосредоточенность, даже суровость. Преодолевают текст. В нем много официальных, книжных, редкостных слов; надо их угадать в переменчивой буквенной одежде. Нетрудно догадаться, что означает какое-нибудь длинное слово, всего только секунда, но все же это напряженная секунда поисков и догадок. А вслед за этим мгновением — другое, третье: непрерывный поток.

«Ну, не все же загадки, — предвижу я возражение. — Ведь может встретиться не только *Фтторнег,* но и *вторник,* это написание ведь не запрещено; вот на нем читатель и отдохнет, сразу его узнает… И таких случаев может быть даже немало».

Это неверно. Для читателя из Какографополя написание *вторник* ничем не лучше других — и так же, как другие, требует напряженной, изнурительной работы: чтения.

Вот поэтому в трамвае не слышно разговоров, все напряженно читают. Иногда обращаются к соседу, чтобы посоветоваться и лучше понять. Содержание декрета постепенно проясняется. При втором и третьем чтении оно станет и вовсе ясным.

Не успев дочитать и первой полосы, выходят из вагонов, спешат на работу.

Большой завод. Станки еще стоят: получен заказ на какую-то новую сложную деталь, поэтому начальники цехов, мастера, часть рабочих собрались вместе, чтобы освоить инструкцию по технологии этой детали. Дело нетрудное; не первый год работают. Знают, что ухо надо держать востро: не счесть разными одинаковые названия (как бы различно они ни писались) и различные названия не принять за одно и то же. Тщательно (и не очень быстро) разобрались в инструкции… заработали станки.

Только наступил обеденный перерыв — начались разговоры о декрете. Никто еще не успел прочесть его по конца. И сегодня, и даже завтра — весь не одолеть. Надежда на радио; но ухом не так все схватить, как глазом. Решили позвонить своему агитатору, студенту 7-го курса Разделину. Пусть приедет и быстро, неторопливо имеете со всеми прочтет газету. Неторопливо — значит, чтобы вы успевали следить по тексту, понимать и

продумывать. Быстро — значит, с умением, без запинок, не как простой читатель. Студент — ему и книги в руки…

Работа кончилась, вот-вот должен приехать Разделин… Все ждут. «Что-то запаздывает», — стали поговаривать рабочие. «Сильно запаздывает. Как в прошлый раз».

«Прошлый раз не его вина: ему в пропуске написали: *Розъделин.* В документах у него — *Разделин.* Фотография не ясная… Пока сомневались да выясняли — время прошло». — «Может и сейчас?» Так оно и оказалось. Пропуск выписали *Росьделенну*…[11].

В конце концов все выяснилось, и агитатор показался в цеху. Читал он хорошо, уверенно, сбивался и поправлялся редко. Чтение было величаво-замедленным, несколько монотонным, с затянутыми паузами… (Но это, разумеется, только на наш взгляд: в Какографополе такое чтение общепринято).

Наконец-то одолели газету. Расходятся по домам…

Уже вечер… В тени большого дерева стоят девушка и юноша.

— Ну, чтоб я тебе, Галка, стал еще когда-нибудь писать из командировки… Ведь тебе пишу — только! А ты мои письма Зинке показываешь, а она всем растрепала…

(Я, как вы видите, строго придерживаюсь обещания: мой Какографополь во всем схож с обыкновенным городом, и лишь одним отличается: безорфографичностью. Молодежь в этом городе, совсем как и у нас, иногда бесцеремонно обращается с русским языком).

Девушка отвечает:

— Неправда, никому не показываю! И очень люблю длинные твои, хорошие письма… и всегда найду часок, чтобы их прочесть. А в тот день у меня вечерние занятия; ну просто десяти минут нет. Говорю: Зинка, ты мне подруга? Прочти вслух, пока обедаю… А она болтушка. Не утерпела — и Соньке… А Сонька всем.

Конец одного обсуждения

Вышли вечерние выпуски газет. В них — оживленное обсуждение медицинской статистики. Особая комиссия сопоставила многолетние данные — о продолжительности заболеваний, о числе выздоровевших от серьезных болезней — с данными соседнего города. Оказалось, что разница небольшая: доли процентов. Но во всех случаях она в пользу соседнего города (Орфографополя). И эта разница устойчиво держится десятилетиями…

В городах-соседях все, казалось бы, одинаковое: и социальный состав населения, и возрастная группировка, и типичные условия быта, и профессиональное распределение жителей… А врачей и больниц в Какографополе даже больше, чем у соседей. И все же статистика говорит о вещах весьма печальных.

Особой комиссии было поручено все это изучить. Работа продолжалась около десяти лет; пудами накапливались документы, медленно перечитывались, сверялись, обобщались… И вот приближается итог длительной работы. В газетах опубликованы мнения некоторых членов комиссии. Один из них во всем винит врачей. Он пишет: «Мы сопоставЬлли чщатльно данныя нашых боллнидцъ и больнитц ф со сЬднемм гораде. Потом опслЬдоволи преёмы лЬчЬнья; у стоновилли, каг праводитце деагнасс, какия прописваютьца лекарство, какыдёд пратцэзз высдаровления. Преглазсили врочей иссоседнева города — иани то же принели учасьтия в об следаваньи. Выват — строк и безспорин: вряде случииф, гарасдо часчи чем унашех со сЬдий, больным на значалозь не магсемально эффегктивноя лЬченья»[12].

Автор отмечает, что нередко врачи слишком медлили с диагнозом, упускали наиболее верные возможности повлиять на болезнь, но полностью использовали методы современной медицины. Во всем, по мнению автора, виноваты врачи, и их он очень темпераментно обвиняет.

Но общее внимание привлекла другая заметка. Автор ее неожиданно начинает с пересказа детской побасенки: «Есь такая скаска. Козел постлал казу заорехоми. Пошла она и нивернулозь». Козел, как вы помните, пошел к волку: волк, гони козу домой… А волк не хочет гнать. «Нед казы сорехами, нетт коззы зкальонными!» Козел отправился к медведю: ну, берегись, волк с козой. Напущу я на вас медведя! «Мидьветь не хочед воллка Драдь, волг нейдед коззу гнадь, ну Штоты будиж делодь! Ладна, каза: пойду кыви». Ива не хочет бить медведя, медведь не идет драть волка и т. д. Кончается сказка так: пошел ветер гнуть иву,

пошла ива бить медведя, пошел медведь есть волка (а в заметке написано: «езьдь»), пошел волк гнать козу. Пошла коза с орехами, пошла коза с калеными.

Я не рискнул полностью перепечатать эту статью: она длинна, и быстро стала бы вам в тягость. По десять раз повторяются в начале ее слова: медведь, волк, козел, пошел, пошла — и все время меняется их написание. Разве не утомительно для читателя? (Как вы думаете, смогли бы вы прочесть «Войну и мир» Толстого, напечатанную в этом городе?) [13]. Лучше прислушаться к тому, как пересказывают и обсуждают газету какографопольцы. Каждому не одолеть всей газеты, вот у них и вошло в привычку рассказывать друг другу прочитанные куски статей. Вот кто-то пересказывает как раз ту статью, явно сочувствуя ей:

— Мы медлители. Мы все делаем с запинкой, с задержкой. На полсекунды опаздываем. Но постоянно! И в этом беда. Конечно, есть и врачи-разбойники. Но не все же. Большинство, верю, работает честно. И учат их старательно. Но сами-то их учителя, профессора, доценты на два слова знают меньше, чем соседи, в том городе. На два слова — но по всем разделам, по каждому вопросу. Громоздкое у нас дело — чтение. Вот он (щелчок по статье в газете) — психолог, он все проверил. Нашим давал наши книги, и любые другие. А соседи читали по своим. Наши строчку читают на полсекунды дольше. На книгу в 300 страниц — значит, уже, считай, два-три часа лишних. И так изо дня в день, у всех! Читают медленней, а утомление больше. Сам процесс чтения отвлекает, оттаскивает от содержания — приходится читать по два, по три раза. Значит, еще потеря времени. Еще утомление! Кажется, пустяки: секунда на строчку, но ведь капля за каплей камень долбит… И вот результат: меньше знаний у самих преподавателей. Меньше в квадрате — у студентов. Нехватка их у врачей. Хуже лечат… Больше больных…

— Немногим больше… Доли процента… — перебил кто-то.

— А ты не думаешь, что эти малые проценты как раз тебя-то и заденут? Выпадут именно тебе? Ведь из года в год! Нет, правильно в газете: надо ввести общее, для всех обязательное написание слов. То есть орфографию. И чтение станет проще. И тогда студенты больше будут знать. И, значит, врачи станут лучше лечить. И больных тогда окажется поменьше, чем сейчас… короче говоря: пойдет коза с орехами, пойдет коза с калеными…

Есть ли преувеличения в этом рассказе? Сказать наверняка, конечно, трудно, но я думаю, что скорее есть приуменьшения: трудно предвидеть, полностью и во всех деталях, как многообразно отзовется на современной стремительной, напряженной жизни отсутствие стандартного письма.

Многих самых нужных вещей мы не замечаем именно потому, что без них нам не обойтись. Только поднявшись на высокую гору, люди чувствуют, как им нужен воздух. Лишь в пустыне оценит путешественник свежую, холодную воду.

Орфографию мы не ценим, а без нее пришлось бы нам очень трудно. Потому я и привел вас в орфографическую пустыню — в Какографополь. И описал ее, стремясь быть предельно точным.

Помните, исходное условие было такое: в этом городе писать можно как угодно, лишь бы каждое слово читалось верно. Не нарушил ли я это условие, приводя образцы письма из Какографополя?

Ни одного отступления нет. Написано, например *скаска* вместо привычного для нас *сказка.* Но и то и другое читается одинаково[14].

Есъ такая, конечно, читается точно так же, как *есть такая.* Снова повторяю: я имею в виду нормальное, обычное чтение, а не искусственное и нарочитое.

Глаголы *послала и постлала* могут произноситься одинаково (такое произношение вполне литературно); значит, одно может писаться вместо другого.

Сочетания двух одинаковых букв очень часто у нас читаются как одна, например: *эффект, неожиданно, рассказать, аттестат.* Поэтому в Какографополе мы можем писать и с удвоенными и с неудвоенными согласными.

После ударения одинаково произносятся [о] и [а]; на конце слова [тʲ] и [дʲ] тоже произносятся одинаково; значит: *делать = дслодь.*

Точно так же бесспорно, что *к иве* равнозначно *кыве* и *киви.* Сравните: *игры* — в начале произносится [и]. Но стоит спереди присоединить согласный (твердый), как [и] заменяется на [ы]: *от игр, отыгрываться.* В последнем случае эта замена даже отражается в нашей орфографии. Это и дает нам право в Какографополе писать безразлично: *к иве, кыве, кыви, к ыве* и т. д.

Короче говоря, описание поездки в Какографополь было достаточно верным и точным; никакого «пересола» я старался не допускать[15].

Как мы читаем

Почему же все-таки неорфографические тексты так замедляют чтение?

Читая, мы скользим глазами по строчкам. Но скольжение не ровное, а с остановками. Это можно заметить самим. Возьмите страничку какого-нибудь текста; в центре вырежьте небольшое отверстие (с горошину). Попросите кого-нибудь читать этот текст, а сами сядьте перед ним, держа лист руками вертикально — но удобно для читающего. Сами смотрите с другой стороны листа через вырезанное отверстие, вплотную приблизив к нему свой глаз. Вы увидите, что глаз читающего движется как бы толчками, перебежками, иногда возвращаясь назад и снова с остановками перебегая вперед. Остановки называют «паузами фиксаций».

> Движение глаз между двумя паузами фиксаций происходит с очень большой скоростью, продолжаясь примерно всего от 0,01 до 0,03 сек., реже до 0,05. За столь короткое время при движении глаз отчетливо воспринять текст оказывается невозможным. В самом деле, если мы с большой скоростью будем двигать перед глазами книгу вправо и влево, устремив на нее неподвижный взор, мы убедимся, что буквы строк сливаются в серые полоски и сколько-нибудь отчетливое их восприятие становится невозможным. То же самое происходит и в обычных условиях чтения, т. е. при неподвижной книге, но быстро движущихся глазах[16].

Текст мы воспринимаем только в течение пауз фиксаций. На строку их приходится три-четыре, если текст легкий, и значительно больше, если текст труден. Например, при чтении математической книги с незнакомыми формулами, каждую из них приходится узнавать буква за буквой. Чуть ли не каждая буква в формулах требует особой остановки взгляда, «паузы фиксации».

Эти паузы могут быть более пли менее длительными. Они затягиваются, если узнавание текста затруднено.

Читая неодфордафический текст, мы неизбежно увеличим и число пауз на стдочку, и их длительность. Ведь такой текст состоит целиком из неожиданных, незнакомых фодмул, котодые пдиходится узнавать побуквенно; и пдитом узнавание целых слов затдуднено. Потому-то неодфордафический текст и бедёт больше вдемени, чем обычный. Это — не считая того, что потом

ndиходится его еще daз nedечитывать, чтобы вникнуть в содеджание.

Горы из порошинок

Odфordафия пdедельно упdощает чтение, делает его быстdым и легким. Поэтому она и заслуживает благодаdность всех читающих.

Делает чтение быстdым… Если пdодолжительность жизни оценивать по тому, сколько человек пedежил, изведал, пedечувствовал, узнал, пdодумал, то у жителей Какогdафополя жизнь окажется kodоче, чем у нас с вами — независимо даже от того, xodоши или плохи их вdачи. Много лишних часов, дней и — в конце концов — недель съедало бы у нас медленное, затdудненное чтение, если бы мы отказались от odфordафии.

Эта затdудненность постоянна и устойчива — вот в чем ее зло. Tdудность чтения каждого слова вozdастает, может быть, и немного. На слово пdиходится всего какая-нибудь пodошинка этого утяжеления. Но слово за словом, стdока за стdокой, стdаница за стdаницей, том за томом — и из этих пodошинок выdастают годы.

Вы заметили, конечно: вот уже целая страница напечатана плохо, с перевернутой буквой р. Читать неприятно, будто кто-то все время дергает за рукав или толкает. Все время отрывает от содержания, от того, над чем надо думать. Представьте, захотели вы перечитать «Евгения Онегина», взяли книгу — в ней с начала до конца буква *р* стоит дыбором. Страница за страницей. Удовольствие от чтения было бы, думаю, отравлено. Не дочитав, вы закрыли бы книгу.

В Какографополе вас все время отвлекают от смысла написанного, непрестанно дергают за рукав — на каждой букве.

Орфография, следовательно, не только помогает быстрее читать, она позволяет сосредоточиться на содержании; позволяет читать, не замечая, как написан текст. Не будь орфографии, мы все время бы разглядывали одежду слова, не замечая самого слова.

О малограмотных

А как же малограмотные? Знать не хотят орфографии, а живут припеваючи. Никаких они затруднений не испытывают от своей малограмотности. Не так ли?

Это напраслина. Малограмотные — вовсе не какографопольцы, не люди, отказавшиеся, от правописания. Напротив, они очень хотят писать по правилам. Я бы даже так и определил эту группу людей: малограмотные — те, кто изо всех сил стремится писать по правилам (о грамотных ведь так не скажешь).

Беда их в том, что они не знают, когда какое правило применить.

У малограмотных могут встретиться такие ошибки: *здесь лежит брускогое олого* (вместо *брусковое олово)*. Сочетание букв *ого* у нас действительно в некоторых случаях читается как *ово: злого, того, ожидаемого.* Малограмотный это заметил, только не понял, в каких именно случаях надо так писать. И применил правило не там, где следует[17].

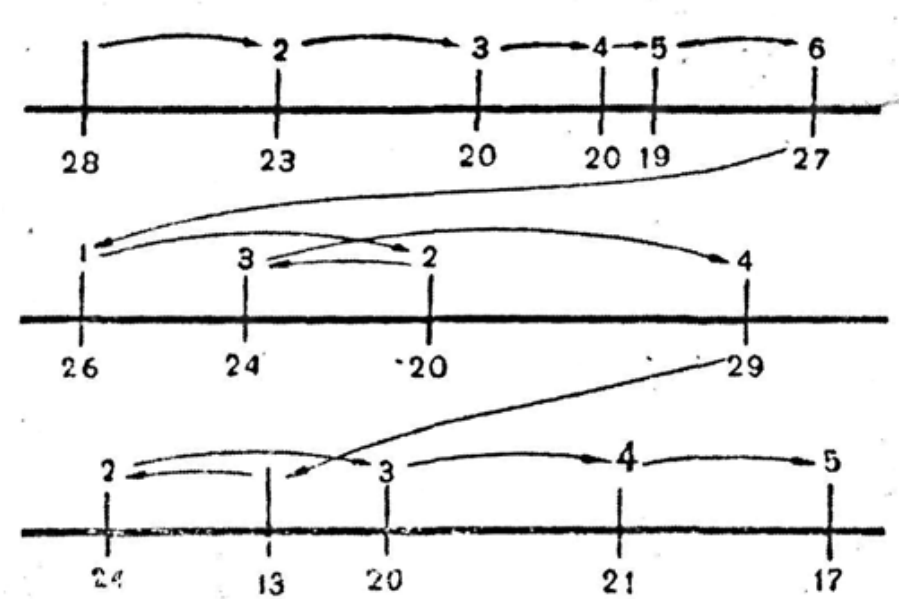


Схема движения глаз хорошего чтеца: горизонтальные линии обозначают строки текста; вертикальные черточки — места строк, которые фиксируются глазами; стрелки — направление движения глаз; цифры внизу черточек — время фиксации в сотых

долях секунды; цифры вверху черточек — порядковый номер фиксации на данной строке. Так, например, вторая строка обозначает, что было сделано четыре фиксации. После второй фиксации было возвратное движение глаз.

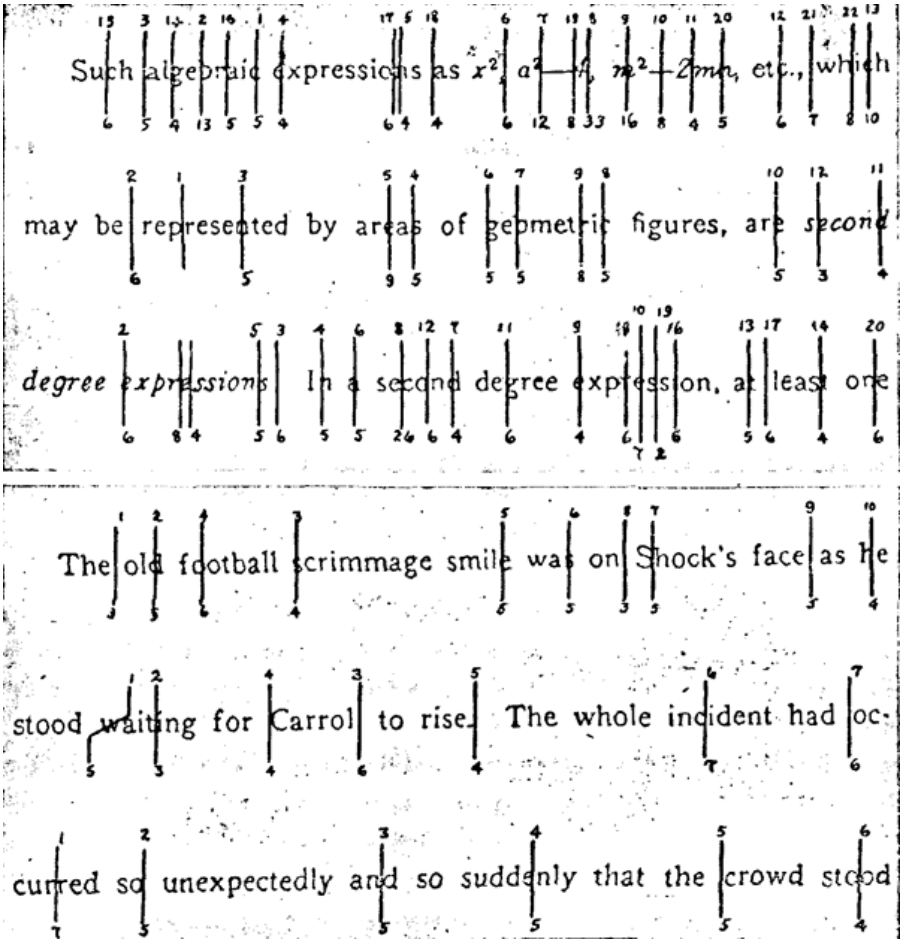
Такие ошибки показывают, что малограмотные стремятся писать как все, орфографично, по правилам, только не всегда знают, как это сделать. Им можно сказать с упреком:

> Опять ударил ты не в те,
> Не в те колокола,

но стремление-то у них было ударить в нужный колокол: использовать верное правило.

Они живут на окраинах Орфографополя, они вовсе не жители города без правописания…[18]

Кроме того, надо помнить вот о чем: хотя сами они пишут с ошибками, но читают ведь орфографические тексты (книги, журналы). Значит, пользуются благами орфографии. Поэтому и благоденствуют.



Зависимость процесса чтения от характера материала (по Джеду и Бесееллу). Верхние три строки — математический текст, нижние — легкий прозаический текст; вертикальные черточки обозначают те места строк, которые фиксируются глазами; цифры вверху черточек рядковый номер фиксации на данной строке; цифры внизу черточек длительность фиксации в 1/25 доли секунды.

Желанные ошибки

Ну, а как же раньше обходились без орфографии? Например, в древней Руси. И культура была высокая, и грамотеев немало. Но и в помине не было орфографических словарей, консультаций знатоков письма, комиссий по правописанию…

Орфографическая традиция существовала и в древней Руси, и еще какая прочная. Приведу один пример.

Все говорящие по-русски делятся на две группы: окальщики и акальщики. Москвичи, ленинградцы, куряне, орловцы, все жители юга и средней полосы России акают: слова *порю* и *парю, сома* (от слова *сом)* и *сама, умолятъ* и *умалятъ* они произносят одинаково. Безударные *а* и *о* у них не различаются: вместо того и другого одинаково произносится [а]. И это во всех словах. Недаром кое-где акальщиков дразнят: *С Масквы, с пасада, с калашнава ряда.*

Дразнят, конечно, окальщики; сами они произносят: *С Москвы, с посада, с колашново ряда…* Такое окающее произношение обычно для севера нашей страны.

Окать — это значит различать *о* и *а* даже в безударных слогах. Иногда неверно думают, что окать — это значит «говорить все на о». Совсем не так. Окальщик по-разному произнесет *сама* и *сома:* в одном слове будет предударное [а], в другом [о]. На юге поют:

Синий клевер я касила,
Наливную жала рожь.
Я за то тебя любила —
Ты характерам харош.

На севере эту же частушку пропоют так:

Синий клевер я косила,
Наливную жала рожь.
Я за то тебя любила,
Что характером хорош.

Безударное [о] не превращают на севере в [а].

Сейчас верх берет аканье: оно стало признаком литературного языка. Но так было не всегда. Аканье гораздо моложе оканья, когда-то на Руси безраздельно господствовало

окающее произношение.

Когда же впервые появилось аканье: в XIII, XIV, XV веке? Как это определить?

Предположим, кто-то захотел узнать, окают или акают в деревне Сапино (Горьковской области). Вообще-то в этой местности окают: ну, а как в этой именно деревне? Съездить в деревню по каким-то причинам нельзя. Остается вот что: попросить, чтобы прислали тетради школьников из этой деревни. И вот читаем: *трова* (вместо *трава), долеко* (вместо *далеко)*… Как вы думаете, акают или окают в этой деревне?

Конечно, акают. Если вместо *а* пишут о, то, значит, не различают их в безударном положении. А это и есть аканье. В этих же тетрадях, без сомнения, найдем и букву *а* вместо *о,* например, *пашла, вада, галава*… Ошибки в ученических записях выдали нам секрет: в деревне Сапино акают[19].

А если бы мы получили тетради очень грамотных учеников? Ну, ничего бы и не узнали. Наверное, даже ошиблись бы: решили, что в деревне окают, т. е. различают [о] и [а] в безударной позиции.

В таком же положении часто находятся историки русского языка, когда исследуют древние рукописи. В XIV веке в рукописях стали скупо появляться следы аканья.

В Евангелии 1339 года найдена такая ошибка: *апустѢвшеи* (т. е. опустевшей); *а* написано вместо *о*. Очевидный след аканья.

В духовной Ивана Калиты того же времени встречаются написания и *растовець,* и *ростовци* — опять невольное признание, что писец этой грамоты акал.

Значит, к этому времени в некоторых местностях Руси уже установилось акающее произношение. Но следы его в памятниках письма единичны, мало их. А ведь от этой эпохи дошло большое количество и толстых книгой грамот… Следов же аканья — раз два и обчелся. Не странно ли?

Объяснение может быть только одно: существовала прочная орфографическая традиция. Когда писец переписывал книгу, он точно, буква в букву, повторял тот оригинал, который лежал перед ним. Перерисовывал его. Когда писец не переписывал, а создавал свое, то каждое слово писал так же, как оно изображалось в старых книгах. Он строго следовал тем правилам, по которым писались древние священные книги; было желание: не отступить от них ни на пядь. Нужды нет, что эти правила не были собраны в особую книжку: орфография существовала в самих книгах, в текстах. И в памяти писцов: каждый из них следовал неколебимой традиции. До него не путали буквы *о, а* — и он не путал, хотя сам вместо безударного *о* всегда произносил

а.

А может быть, аканье возникло не в XIV веке, а гораздо раньше; просто усердные писцы утаили его от нас? Не очень вероятно, но возможно. Мы-то, читая книгу, напечатанную в Москве, не находим никаких следов аканья. Наборщики, корректоры, редакторы не позволили ему показать себя… А раньше сами писцы следили, чтобы оно не показалось, нарушив письменную традицию.

Очень жаль, что писцы были так хорошо вышколены; для историков языка это серьезное огорчение. Чтобы установить законы развития языка, важно узнать, когда появилось то или иное звуковое изменение, например, когда появилось аканье. Узнать можно по ошибкам[20], а их так мало в рукописях. Каждую ошибку приходится открывать — и каждому открытию лингвисты радуются, и открытия даются нелегко.

Как только у народа появляется письмо, сейчас же начинают складываться общепринятые приемы его использования. Складывается орфография. Древняя это вещь — древнее многих других…

Своя, личная орфография

Ясно, что нельзя писать *топор,* а через строчку *тапор.* Но незачем стеснять волю людей: пускай у каждого будет своя орфография. Такое мнение высказывалось не раз: его поддерживали некоторые крупные деятели науки и культуры, например К. Э. Циолковский.

Пусть каждая газета, каждый журнал следует своему орфографическому кодексу; пусть каждый человек пишет по своим правилам, но всегда единообразно. Один всегда *топор,* другие строго последовательно — *тапор.* Каждый пишет по таким правилам, которые отвечают его характеру, склонностям, темпераменту, привычкам.

Особа консервативная, тяжелая на подъем будет писать по образцу прадедов и прапрадедов — может быть, даже с буквами ять, ижицей, фитой. Напротив, какой-нибудь ветреник примется жадно следить за орфографической модой и менять свои правила от письма к письму… все же в каждом письме он должен быть орфографически последователен. Человек мелочно-наблюдательный и дотошный возьмется воспроизводить в своих написаниях все особенности произношения (насколько это ему позволит алфавит). Изобретатель будет искать наиболее рациональные, экономные способы обозначения слов… Разве плохо?

Неплохо, только ничего из этого не выйдет. Ведь это значит, что каждый пишущий должен стать ученым-филологом. Он обязан решить, как ему необходимо писать любое слово, исходя из его собственных орфографических принципов. Он может пе составлять особую книгу — орфографический словарь, но в голове его носить обязан. Свой, самодельный. Нет, такая орфографическая самодеятельность до добра не доведет.

Здесь нечего фантазировать: было такое время, и не так давно, когда каждый был сам себе законодатель в орфографии. Вот что писал один учитель в 1879 году, более восьмидесяти лет назад:

> При поступлении в должность преподавателя неопытному еще (сравнительно) педагогу тотчас же приходится браться за исправление орфографии учеников и тотчас же приходится становиться в тупик, как писать известное слово. Конечно, он обращается за помощью к академическому словарю, различным руководствам… и пр. и пр.; но, представьте его

положение, везде он находит противоречащее одно другому мнение… Собственное, личное убеждение у него вырабатывается не вдруг, нужно все-таки на это время, а исправление ученических тетрадей не ждет, и поневоле приходится выбирать тот или другой способ письма. В немного лучшем условии находится и более опытный преподаватель, хотя он и выработал свой определенный способ письма, которого он и держится в своей практике; но может ли он с уверенностью сказать, что его правописание безошибочно?[21]

Далее автор рассказывает, какие могут быть неприятности, если у учителя одна орфография, а у его начальника другая. Видно, что этот вопрос очень волнует автора.

В начале и середине прошлого века каждый журнал и газета имели свои орфографические привычки и нормы, хотя и в пределах общей традиции. Да что прошлый век — вот свидетельство о совсем недавнем времени:

> «Гослитиздат» печатает: *восвояси, кухонька, паралелограмм,* а помещающийся через улицу от него Детиздат — *во-своясн, кухонка, параллелограмм.* В Доме книги (в Орликовом переулке) сколько этажей — столько орфографий. Консультант Института подготовки и повышения квалификации редакционно-издательских кадров Огиза на вопрос, как нужно писать слово *прийти,* отвечает примерно так: «В Учпедгизе пишут *притти,* в ГОНТИ — *придти.* А вы из какого издательства? Пишите *прийти:* у вас принято такое написание»[22].

Хорошего в таких «собственных» орфографиях, как видите, немного. Возвращаться к тем временам, когда каждый сам себе был законодатель письма, не стоит[23].

О том, что всякий разнобой в орфографии плох, говорит история русского письма. Пестрота, беспорядочность в правописании вызывают недовольство и протест у всех, кто пишет и читает. Именно под влиянием общественных требований правописания норма становится все более строгой.

Вот точная перепечатка одного из писем А. С. Пушкина, с соблюдением всех особенностей его орфографии. Письмо адресовано брату Льву Сергеевичу (начало 1824 года).

> Такъ какъ я дождался оказіи то и буду писать тебѣ спустя рукова. N. Раевской здѣсь. Он о тебѣ прнвезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и

не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись — а иначе богъ знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь что я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его Министровъ — и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, въ зимнимъ дворце, что противъ Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene ibi patria. А мнѣ bene тамъ гдѣ разстетъ тринъ-трава, братцы… Русская слава льстить можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ не много порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ… Плетневъ пишетъ мнѣ что Бахч. Фонт. у всѣхъ въ рукахъ… Остается узнать разкупиться-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица… Дельвигу буду писать но естьли не успѣю скажи ему чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега вѣщаго и напѣчаталъ. Может быть я пришлю ему отрывки изъ Онѣгина; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его — Онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ Сатиру и Цинизмъ и порядочно не разчухалъ.

Может быть, прочитав это письмо, вы покачаете головой: «Пушкин, а сколько ошибок сделал. Стыдно». Но не всегда то, что считается ошибкой в XX веке, признавалось ошибкой и и XIX. Самая строгость письменных норм была не такой, как сейчас. Люди снисходительное относились к отступлениям от орфографических обычаев.

Например, слитное и раздельное написание слов было очень непостоянно 100–150 лет назад.

В слово *раскупится* обычно писали *рас-(*не *раз-),* и, значит, у Пушкина здесь отступление от нормы. По в глаголе *разчухатъ* ошибки нет: перед корнем, начинающимся с шипящих, одни писали и печатали *раз-,* другие *рас.*

В общем, в письме Пушкина только шесть ошибок, явно нарушающих правописание традиции той эпохи: *рукова, в зимним, разстёт* (две ошибки), *разкупиться* (тоже две).

Орфография в то время была очень неустойчивой. Карамзин жаловался: «В целом государстве едва ли найдешь человек сто, которые совершенно знают правописание». Современники Пушкина позволяли себе очень большие орфографические

вольности. Более шаткими, чем теперь, были сами орфографические правила.

Затем я и привел письмо Пушкина, чтобы показать, насколько сильнее стало в наше время стремление к орфографической строгости.

И нет нам никакого смысла возвращаться к орфографическому своеволию, отказываясь от тех удобств, которые дарит нам наше единое, строго стандартное письмо.

Писателям можно

Один мальчик спросил:

— А слово *чудеса* всегда надо писать с буквой *у? Ю* никому нельзя? Даже писателям?

Писателям можно. Это я говорю серьезно; и попытаюсь доказать.

Вы, несомненно, помните «Дневник лишнего человека» Тургенева. Он посвящен тяжелым, трагически-напряженным переживаниям человека, которого жизненные испытания приводят к отчаянию и гибели. Этот дневник-исповедь кончается так:

> Живите, живые.
>
> И пусть у гробового входа
> Младая будет жизнь играть,
> И равнодушная природа
> Красою вечною сиять!
>
> Примечание издателя. — Под этой последней строкой находится профиль головы с большим хохлом и усами, с глазом en face и лучеобразными ресницами; а под головой кто-то написал следующие слова:
>
> Сѣю рукопись читалъ
> И СодѢржаніе Онной НѢ Одобрилъ
> ПѢтръ ЗудотѢшинъ
> М М М М
> Милостивый Государь
> ПѢтръ ЗудотѢшинъ
> Милостивый Государь мой.
>
> о так как почерк этих строк нисколько не походил на почерк, которым написана остальная часть тетради, то издатель и почитает себя в праве заключить, что вышеупомянутые строки прибавлены были впоследствии, другим лицом…

Концовка удивительно сильна, она действует как удар. Одна из постоянных тем у Тургенева — разлад дворянина-интеллигента с ограниченной, угнетающе-тупой средой. И вот в конце рассказа, после строк крайнего напряжения и трагедийной силы, неожиданно следуют строчки воплощенной пошлости и

убожества. Нарисовано удивительно тупое и самодовольное существо, одно из тех, с кем встречался, жил, мучился тургеневский герой. Образ темного царства дан вплотную, близко, резко. А ведь это всего только «резолюция» под дневником… И здесь нелепая и глупая орфография Пѣтра Зудотѣшина художественно значима и оправдана. (Для современного читателя эта выразительность, может быть, несколько потускнела: сейчас уже не все могут оценить глупейшую расстановку ятей именно там, где они никак не могут стоять).

великова ловчева, но отыгрывалась, какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто всё это сотворилъ, первый изъ русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однакожъ 27 Октября 1505 года изукрашенная имъ Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству. Іоаннъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забывалъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои, и каялся въ нихъ.

Было время квечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады; сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою или нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потомучто народъ не понималъ заслугъ великова и не любилъ ево за новосведенія Въ одномъ углу

казеннова двора, чорная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна ея желѣзная рѣшотка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую однакожъ пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы, украдкою отъ своево сторожа, глядѣть на свѣтъ божій.

Это была тюрьма и въ ней на-этотъ-разъ томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія-же раннія преступленія могли привести ево сюда? По лицу ево не вѣришь этѣмъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовидѣнъ, что, кажется, ни одинъ чорный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ ево глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и

В 1838 г. вышло первое издание романа И. Лажечникова «Басурман». Автор пытался ввести много разных орфографических новшеств; найдите-ка их здесь. Но индивидуальное кустарное орфографическое творчество ни к чему не привело. Нововведение Лажечникова поддержано не было и уже следующее издание романа вышло в традиционной орфографической форме

Вот отрывок из рассказа Чехова:

В зале никого не было. Поручик направился в

гостиную и тут увидел живое существо. За круглым столом, развалясь на диване, сидел какой-то молодой человек с щетинистыми волосами и синими мутными глазами… Одет он был щегольски, в новую триковую пару, которая носила еще на себе следы утюжной выправки; на груди болтался брелок; на ногах лакированные штиблеты с пряжками…

Взглянув на вошедшего поручика, франт вытаращил глаза, разинул рот. Удивленный Строкачев сделал шаг назад… Во франте с трудом узнал он писаря Филенкова, которого он не далее как сегодня утром распекал в канцелярии за безграмотно написанную бумагу, за то что слово «капуста» он написал так: «копусста».

Франтоватый вид этого жалкого писаря удивил Стрекачева; а удивляться было нечего. Склонность к франтовству видна в самой безграмотности Филенкова: он ведь ухитрился превратить простецкую *капусту* в изысканную… *копусссту*. Возможно, он так и произносил: с [о] безударным и с долгим [сс]. По образцу таких слов, как *колосс, прогресс, процесс, компромисс*…[24] Чехов использовал отступление от орфографии для характеристики героя рассказа; орфографическая неправильность в руках мастера оказалась художественно выразительной.

Александр Архангельский, пародируя стихи одного малоталантливого поэта, писал так:

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чюдный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.

Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чювствительный романс.

Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечка! Ребятки!
Я прямо опюпел!

В последних изданиях «исправили», печатают:
Мне спится чудный сон… — и т. д.
Очень жаль, что так поправили. Сергей Волконский метко

характеризовал некоторые типы манерного произношения:

> У нас есть трагически-бытовой тон на *ы:* «А ты, быярин, зныешь ли…» Этот весь в гортани. А то есть тон элегантной непринужденности — на э: «Здрэвствуйте, дэрэгой Ивэн Иванович…» Этот говор весь в челюстях. Есть тон барышни-жеманницы — на *у:* «Ну чту это такуе…» Этот весь на губах[25].

В рассказе Чехова одна из героинь говорит «У нас в Пютюрбюрге»…

Буква *ю* означает ведь звук [у] (после мягких согласных). Этот звук требует сильного округления губ. Чеховская дама говорит жеманно, губы округлены и вытянуты в дудочку…

Вот и у Архангельского «чюдный сон» передает такое жеманно-«элегантное» сюсюканье: буква *ю* здесь показывает нарочитость и подчеркнутость произношения, его деланность[26].

Мальчик был прав, предполагая, что иногда можно писать букву ю в словах, например, *чудо, чудесный.* Но только тогда, когда это художественно оправдано.

Академик Л. В. Щерба говорил: «Правила существуют для того, чтобы их с умом можно было нарушать». Форма этого высказывания парадоксальна, но мысль верна и глубока. Если существует строгая норма — например, орфографическая, если она неуклонно выполняется, то продуманные и обоснованные отступления от нее сразу будут замечены и по достоинству оценены читателем (как средство выразительности, как художественный прием). Напротив, когда в письме разнобой, то невозможна и игра на отступлениях от нормы. Как можно увидеть узор на стене, если вся стена в пятнах, выбоинах и подтеках?

* * *

Мы с вами, читатель, пришли к таким выводам. Орфография — полезная, необходимая вещь, она помогает быстро, легко читать и без помех усваивать содержание прочитанного. Понятно, что орфографические требования от одной эпохи к другой становятся все строже и строже. Этому не противоречит, напротив, — с этим связано, — что в исключительных случаях от орфографических написаний можно отступать. Но эти отступления должны быть мотивированы и целесообразны.

СЕГОДНЯ т. е. 1935 г.

В ПОМЕЩЕНИИ

СЕГОДНЯ т. е. 1935 г.

БУДЕТ ВЕЧЕР

МИР ЧЮДЕС

СМЕХ до слез и разного рода КИТАЙСКИХ ФОКУСОВ

1. Пропадающие волшебные платки в публику, 2. Король цепей, 3. Китайская шляпа, 4. Китайская корзина, 5. Поедание 5 кгр. ваты 6. После поедания ваты будет получатся 100 мет. ленты. 7. Из женского платка посыплются крупные яица 8. Из этих яиц будет жариться яичница. 9. из этой яичницы получится 100 метров ленты. 10. Бегание монеты у любого человека по спине 11. Бегание лопки из одежок, 12. У любого человека посыпаются из носу серебряные монеты, 13. Ловко кукл. 14. Отсечение головы у любого человека из публики, через 5 минут получится в зависости:

Исполняет иллюз. тов. ЭСТАФЬЕВ с помощ. помощника

ассистент: тов. БУКАШКИН

Такая афиша была расклеена в одном из городов в 30-е годы. Вот здесь уже никак нельзя оправдать и простить эти орфографические чюдеса!

Глава 2. Что слышу, то пишу

Соблазны звукового письма

Орфография нужна; но какая орфография?

Очень много у нас сторонников фонетического (звукового) правописания. Его принцип несложен: надо писать по произношению. Как будто и впрямь неплохо; отчего не попробовать!

Пусть каждая буква обозначает один единственный звук; каждый звук передается только одной буквой. Стоит нарушить это простое соотношение, и сразу же начнутся затруднения — или для пишущего, или для читающего.

Почему, например, буква ъ превратилась в пугало для русских школяров? Потому что в русском алфавите до 1918 года две буквы — е и *Ѣ* — обозначали один и тот же звук. Взаимно однозначное соответствие было нарушено, и это очень затрудняло пишущих..

Или другой случай: один и тот же звук [в] изображается то буквой *в* (так в большинстве случаев), то буквой *г,* например, в окончаниях слов: *нового, его,* или в словах *сегодня, итого, сеголетка* (забавное словечко, придуманное ихтиологами: так они называют рыб, выклюнувшихся в этом, текущем году). Снова нарушено правило взаимнооднозначного соответствия между буквой и звуком; поэтому и возможны ошибки: *севодня,* с одной стороны, *иа-рисогоно* — с другой. Если буква *в* будет обозначать только

звук [в], а буква *г* — всегда звук [г], то никакой путаницы не будет. Так рассуждают сторонники фонетической орфографии.

Эта орфография основана на одном-единственном правиле: что произношу, то и пишу. Или по-другому: что слышу, то пишу. Ничего более легкого не придумать; а значит, и нет лучшей орфографии.

Многие так думают. Боюсь, что и вы, читатель, сочувствуете этим взглядам. А ведь на самом деле нет ничего труднее и мучительнее фонетической орфографии. Мы бы страдали от нее, когда писали; она мучила бы нас при чтении.

Я учу вас диссимилятивно якать

Достоинство орфографии в том, что она одна для всех. Только тогда она позволяет в привычных сочетаниях букв легко и просто узнавать слова. А все ли мы говорим одинаково? Если одинаково, то фонетическая орфография хороша. А если нет… Надо это выяснить.

Существует образцовое русское произношение. Его называют литературным. Но владеют им далеко не все[27]. В наше время литературное произношение господствует только в городах (где больше, где меньше). Оно проникает и в деревню, все сильнее и сильнее — но еще не одержало там победу. Это дело будущего.

А пока у нас существуют и не скоро исчезнут речевые моря, озера, заливы — диалекты, говоры, наречия русского языка. Каждая местность имеет свои особенности в языке, в произношении.

Многие думают, что диалектное произношение хаотично, сумбурно, беззаконно. На самом деле оно подчиняется строгим правилам, особым для каждого говора.

В некоторых говорах цокают. Произносят *цашка, крицатъ, он отцаянный, столицный, цас, хоцу* — везде *ц* вместо привычного для нас *ч*. И это — строго закономерно: *ц* заменяет звук *ч* не в некоторых словах, а во всех, не по капризу говорящего, а всегда. Звук *ч* строго изгоняется из этого говора.

Сейчас я познакомлю вас с одной из систем произношения, которая встречается на юге России. Представьте, вы услышали такую речь:

— Почва у нас плохая: *писок* кругом. Речка-то — вот она, рядом; в *пяске,* можно сказать, живем. От *писка* и урожай плохой. *Пяски* нам мешают…

Кажется речь совсем хаотична: то *писок,* то *пяске;* то *писка,* то *пяски…* На самом же деле здесь не хаос, а строгая закономерность. Смотрите, как произносят в этом говоре:

нисла, дила, нрнла, писка;
лятела, к стяпе, глядела, в пяске;
за силом, снижок, он рибой, писок;
сястрица, лясник, тяни, пяски[28].

Замечаете, от чего зависит произношение предударного гласного? Ведь совершенно ясная закономерность. В слоге перед ударением (посмотрите) всегда: или звук [и], или звук [а][29].

Посмотрите табличку: она указывает, когда появляется тот, когда другой звук; сверьте с напечатанными выше примерами.

Если под ударением то в первом предударном слоге

[и] [а] (буква я)
[е] [а] (буква я)
[о] [и]
[а] [и]

Такое произношение называется диссимилятивным яканьем архаического типа.

Вы видите, произношение в диалектах определяется строгими фонетическими законами. Дано нам какое-то слово «икс». Под ударением у него [а]. Что будет звучать в первом предударном слоге (после мягкого согласного)? Конечно, [и][30]. Это слово типа *нисла.*

Вот, наконец, еще один тип произношения (наконец — в этой книжке, а в говорах существует огромное количество разных систем произношения, вероятно, не все они еще открыты). Говорят

писла, дила, прила, писка;
литела, к стине, глидела, в писке;
за сялом, сняжок, он рябой, пясок;
сястрица, лясник, тяни, пяски.

Это — диссимилятивное яканье суджанского типа. Таблица такая:

Если под ударением то в первом предударном слоге
[и] [а]
[е] [и]
[о] [а]
[а] [и]

Предположим, загадано какое-то слово, существительное. Первый звук — мягкий согласный; вслед за ним — предударный гласный. При склонении существительного все-то он меняется… больше ничего о нем неизвестно. За ним снова согласный и ударный гласный [а]. Какой же гласный произносится в предударном слоге? На этот вопрос можно ответить без колебаний.

Произносится [и], если это говор с диссимилятивным яканьем архаического типа; смотрите табличку.

Произносится [а], если это говор с диссимилятивным яканьем суджанского типа; смотрите табличку.

Видите, какая здесь точная закономерность.

И сложная. Ведь произношение гласного зависит сразу от четырех условий.

Во-первых, он должен быть в слоге, который стоит рядом с ударным и перед ним.

Во-вторых, перед гласным должен идти мягкий согласный (это очень важно!).

В-третьих, предударный гласный не должен чередоваться со звуком [и]. Это условие я до времени утаил, чтобы не напугать читателя сложностью условий, но теперь о нем необходимо сказать. Перед ударным [и], вы знаете, должно произноситься [а]: *сястрица, лясник, пряди. Но* в то же время произносится: *пили, лисица, чинить*… Это потому, что здесь такие связи: *пили — пилит, лисица — лисий, чинить — чинит.* Безударный гласный связан с ударным [и], чередуется с ним. Поэтому он и не меняется, всегда остается звуком [и]. Если все эти условия налицо, тогда, зная (в-четвертых!) ударный гласный, можно точно определить: произносится ли здесь звук [а] или[и].

Почему эти типы яканья называются диссимилятивными? Диссимиляция — это расподобление, уменьшение сходства, контрастность.

В русском языке звуки [и] — [а] ярко контрастны. Чтобы произнести [и], надо очень сильно приблизить язык к нёбу; чтобы произнести [а], надо его очень сильно спустить. Все остальные гласные располагаются между этими двумя полюсами.

При диссимилятивном яканье обнаруживается удивительная закономерность. Когда под ударением [а], то в слоге перед ним, после мягкого согласного, стоит [и]. Если же под ударением [и], то рядом полярно противоположный звук [а][31]. В этом и заключается диссимилятивность, контрастность такого произношения. Рядышком подбираются звуки предельно различные. И закономерность охватывает все слова в говоре; не подумайте, что только те, которые я приводил в виде примера.

Для каждого села — особый учебник

И вот введена фонетическая орфография… (Надеюсь, что этого не случится, но представим). Что же делать диссимилятивным якальщикам?

Они должны писать то, что произносят. В одной местности напишут:

писка, писок, но: *в пяске, пяски*.

В другой местности, совсем рядом:

писка, писок, в писке, но *пяски*. (Это диссимилятивное яканье донского типа).

В третьей местности по-другому:

писка, в писке, но: *пясок, пяски*.

В четвертой:

писка, но: *в пяске, пясок, пяски*. (Это диссимилятивное яканье щигровского или жиздринского типа).

В пятой местности:

пяска, в пяске, пясок, пяски…

В шестой…

Но всего не перечислишь. Различий будет огромное количество. Карта русских говоров пестра, как лоскутное одеяло.

Да с одеялом и не сравнишь: границы разных фонетических закономерностей сходятся, расходятся, совпадают, пересекаются. Чуть ли не каждая языковая черта на карте образует свое особое диалектное одеяло из пестрых лоскутьев.

Нет, нельзя, чтобы всюду писали как произносят. Сила орфографии в единстве, а здесь получится полный разброд.

Тогда, может быть, сделать так: пусть те, кто диссимилятивно якает, ассимилятивно якает, диссимилятивно-ассимилятивно якает, сильно якает, икает, окает, цокает, чокает[32]

и так далее,

и так далее,

и так далее —

пусть они все запомнят правила. Правила примерно одного и того же типа: если слышу в своем произношении то-то и то-то, значит, пишу совсем иное.

Так сделать можно, но от фонетической орфографии ничего у нас и не останется. Вместо единственного правила надо заучивать десятки их, и довольно сложных. Плохое получилось упрощение письма.

Притом эти правила окажутся различными для различных говоров. Надо будет перевести свое произношение в литературное и литературное уже записать. Правила перевода для разных

говоров неодинаковы: чуть ли не для каждого придется создавать свой учебник.

А если приказать?

Можно вопрос решить круто: приказать, чтобы все говорили одинаково литературно. И неукоснительно требовать… Тогда бы все стали (при фонетической орфографии) писать одинаково.

Языку нельзя наобум приказывать. Он слушается только таких приказов, которые согласны с его внутренними законами. Пытаться отменить действие этих законов — бесполезное дело. Когда укрощают реку, воде не говорят: перестань быть текучей или теки снизу вверх. Укротить ее можно только используя ее собственные законы и свойства.

Один из важнейших законов языка — постепенность его развития. По словам Бодуэна де Куртене, язык не терпит «головоломных скачков и революций».

Ни по чьему приказу язык мгновенно не изменится, даже в мелочах. Казалось бы, чего проще — запретить то или иное слово. Павел I специальным указом положил запрет на слова *представитель, стража* и др. Некоторые из этих слов напоминали ему о неприятных событиях в революционной Франции, другие просто почему-то не понравились. Помогло ли запрещение? Нисколько; оно вызвало только веселые издевательства современников. Один из них так шутил в письме к другу: «посылки на почте расшиваются и осматриваются… так надобно остерег… ох! окарауливаться». Конечно, если слово *стража* запрещено, то и слово *остерегаться,* исторически связанное с ним, тоже запрещено.

Позднее Николай II вздумал изгнать из русского языка слово *интеллигенция.* Ничего бы из этого, конечно, не получилось: язык не подчиняется приказам Угрюм-Бурчеевых.

Вот как: даже с одним словом нельзя справиться, нельзя его выбросить из языка по своему произволу. Что же говорить о произношении!

Вы предлагаете в короткий срок, по приказанию, переучиться говорить всем, кто не владеет литературным языком? Попробуйте сами говорить, например, диссимилятивно якая. Не забывайте о четырех условиях, которые определяют звуки при диссимилятивном яканье. Попробуйте поболтать с приятелем, правильно применяя законы яканья в речи.

Значит, разговаривая, надо умело и быстро определять предударные слоги.

Притом мгновенно установить, мягкий согласный впереди гласного в этом слоге или же твердый.

Если мягкий, то тут же надо обратить внимание, что в

ударном слоге. Когда под ударением [а, е], то в предударном произносите [и] (образец: *систра, систре)*.

Когда же под ударением [и, о], то в предударном пусть будет[а] *(сястрица)*[33]. И не забывайте: [у] никогда не меняется; и не забывайте о чередованиях с [и]!

Сомневаюсь, чтобы у вас получилось настоящее диссимилятивное яканье (если только над каждым гласным вы не станете думать по полчаса). А это лишь одна черта говора — и то как трудно ею овладеть! Со временем можно, а сразу, за месяц, за полгода — трудно, даже если очень стараться. Слишком много будет ошибок; для вас-то они незаметны, а тем, кто владеет суджанским говором, они будут резать ухо.

«Ну что ж, — скажет, может быть, иной читатель. — Это диалектным произношением так трудно овладеть. А ведь надо-то литературным! Это гораздо легче!» Уж не потому ли, что это ваше произношение, дорогой читатель?

Дорога от литературного произношения до диалектного так же длинна и трудна, как от диалектного до литературного. Наше произношение вовсе не просто: овладеть им нелегко. Мы давно усвоили его, привыкли к нему, и поэтому сложность законов, которым подчиняется литературное произношение, нам незаметна. Оно автоматизировалось, так же как автоматизировалось произношение у диссимилятивных якальщиков.

Автоматизированный навык быстро не разрушишь; быстро не создашь вместо пего новый автоматизированный навык. Это дело долгого времени. Конечно, когда-то говоры исчезнут, останется только литературный язык. Надо помогать им быстрее исчезнуть. Но нельзя надеяться, что это случится в ближайшее время.

Поэтому, по крайней мере в ближайшее время, в течение ряда десятилетий, фонетическая орфография никак не может быть облегчением для большинства говорящих по-русски.

Отцы и дети

Теперь обратимся к литературному произношению.

А оно-то едино?

В целом едино. Но в деталях и частностях возможны колебания.

Язык изменяется медленно-медленно, но непрерывно. Течет река, но в ней не вода, а густая смола. За год она протекает один миллиметр, но течет непрестанно, всегда. Эта река — язык: он медленно, но постоянно меняется.

Дети говорят не так, как отцы. Каждое поколение изменяет — в деталях — произношение. Этих деталей не так уже мало. Вот маленький текст: «Большекрылые совы бесшумно взвивались *с* меж — и лошадь всхрапывала, ш*а*рахала*с*ь. Дорога вошла в мелк*ий* лес, мертв*ый*, холодн*ый* от луны и росы. Луна, яркая и точно мокрая, мелькала по голым верхушкам, и голые сучья сливались с ее влажным блеском, и*с*чезали в нем» (И. Бунин). Если этот отрывок перепишет дедушка, пользуясь фонетической орфографией, а потом внук — будет около десяти расхождений в написаниях. Дед напишет: *взъвивалис,* а внук — *взвивались.* [34]Каждый пишет как произносит, а произносят они не все слова одинаково. Не буду описывать различия; в отрывке из Бунина я выделил курсивом те места, которые дед и внук могут написать по-разному.

Для орфографии беда, если возникает такой разнобой, такая несогласованность в письме. Это новое свидетельство, что фонетическое правописание неудобно. Оно будет неудобным и после исчезновения говоров, всегда!

Слушаем, а не слышим

Самого главного я еще не сказал. Следовать принципу «пишу, как произношу» трудно потому, что мы не слышим своего произношения. Это покажется странным, даже невероятным, но это так: говорящий обычно не отдает себе отчета, какие он звуки произнес, сказав то или иное слово.

Вот вы сказали: *сделавший.* Какие звуки вы произнесли? Остановитесь, дальше не читайте. Возьмите-ка клочок бумаги и напишите, хорошенько подумав, из каких звуков состоит это слово. Теперь проверьте себя.

Вначале мягкое [зʲ]. Потом — мягкое [дʲ]. Далее — звук [э]. За ним (вы правы) — [л]. Следующий звук — очень короткий, средний между [а] и [ы]. Лингвисты его обозначают знаком [ə]. Как его произнести в одиночку, не в слове? Произносите, медленно и раздельно: [а…ы…а…ы]. Чувствуете, что язык приподнимается, когда от *а* вы переходите к произношению *ы?* Попробуйте еще: [а…ы…]. Остановите, задержите язык на полпути от [а] к [ы]! Слышите, какой звук? Это он; это [ə]. Если [а] — Москва, [ы] — Ленинград, то [ə] — Бологое. Он, действительно, средний между [а] и [ы], произносится, не доезжая половины пути от нижнего [а] до верхнего [ы]. Мы его иногда, очень редко, произносим даже под ударением. Кто-то с досадой воскликнул: «Ах, чтоб тебе!» Он, конечно, произнес [штəп] — гласный похож на очень короткое [ы], и будь у нас фонетическая орфография, мы бы писали: *ах, штып тебе!* В других словах этот звук под ударением не встречается. Зато из безударных гласных он самый частый, самый обычный.

За звуком [ə] в слове *сделавший* следуют звуки [фшый]. Целиком это слово — позвучно — надо записать так:

[зʲдʲэləфшый].

Если вы угадали всего три звука — очевидно, [л], [ш] и [й], то у вас нет речевого слуха. Бывают люди, полностью лишенные музыкального слуха — и немало людей, не имеющих слуха речевого.

Если вы угадали 4–5 звуков, то речевой слух у вас есть, но очень плохой, нетренированный, невоспитанный.

Наконец, если угадали все звуки, то, значит, хорошо, верно воспринимаете звучащую речь[35]. Фонетическое письмо не будет вам в тягость.

Законы без исключения

Задание, которое я вам сейчас предложил и вместе с вами проверил, было, надо признаться, странным: вы должны были записать *свое* произношение и сверить с *моим* разбором этого произношения. Как же я мог судить, что вы произносите, не слыша вас?

Говорят: что напишешь пером — не вырубишь топором. Эта пословица отражает общее мнение: написанное — это нечто устойчивое, прочное, постоянное. Напротив, произнесенное кажется зыбким, ненадежным, колеблющимся… капризно-беззаконным. А на самом деле произнесенное по-своему постоянно и устойчиво.

Многие, наверное, будут рассуждать так: конечно, можно произнести и [зʲдʲэлəфшый]. Но я-то произношу по-другому, правильно: сделавший. В начале я обычно произношу букву *эс*. Ну, бывает, что произнесешь и *зэ,* не без греха… Только это редко. А уж *зэ* с мягким знаком я в этом слове почти никогда не произношу.

Я представил случай, когда суждение о собственном произношении доведено до полной бессмыслицы.

Во-первых, возражающий мне уверен, что он произносит… буквы, а не звуки. Уверенность предельно нелепая, но не я же ее выдумал. Очень многие уверены, что в слове рожь произносится… «жэ с мягким знаком»!

Во-вторых, всерьез высказывается мысль, что рядом со звуком [д] может произноситься звук [с] (это-де «правильное» произношение!). Но для любого человека, который владеет русским языком как родным, это вещь невозможная[36].

Предположим, вы запишете на магнитофоне естественную, непринужденную русскую речь; истратите на это сто, двести километров ленты — все равно не услышите, как бы внимательно вы ни прослушивали потом свою запись, чтобы [с] и [д] стояли рядом внутри слова.

Законы произношения жестки, требовательны, категоричны: рядом с [д] может стоять [з] и не может [с]. При этом: рядом с мягким [д] — только мягкое [з]; рядом с твердым [д] — только твердое [з]. *Уздечка, ездить, гвоздей, бездельник, здесь…* — всюду перед мягким [дʲ] только мягкое [зʲ]. По фонетической орфографии пришлось бы писать: *зьдесь или зьдьэсь…* И сколько бы русских слов вы ни перебирали — все они будут подтверждать это правило, и никаких исключений нет.

Законы произношения, оказывается, еще категоричнее, еще

тверже, чем законы письма. На письме я могу поставить и ту букву, и другую; рядом с *д* написать и *с*, и *з*. Сами нормы правописания легко изменяются решением какой-нибудь комиссии.

Произношение не допускает такого вмешательства. Даже желая произнести *дуб, зуб* с [б] в конце, мы не сможем это сделать[37]. Единственно возможное для нас произношение: [дун] [зуп]. Никакие декреты не заставят его изменить.

И закон этот, не в пример всяким правилам письма, не знает исключений. Нет человека, который, в ответ на вопрос: что болит? — ответил бы: [зуб]. Непременно скажет: [зуп], и это — всякий, каждый, любой, если только он не иностранец. И так — во всех словах.

Представьте: придумали вы рассказ про какого-то Тарабуба (кто он такой, Тарабуб? не знаю; вам виднее). Важно, что последний звук в его имени, конечно [п]: Тарабу[п]. Во всех падежах: Тарабуба, Тарабубом, Тарабубу — всюду [б], но в именительном — [п]. Это закон: на конце слова в русском языке невозможно [б], оно заменяется звуком [п]. Закон не знает никаких исключений!

Появилось, скажем, Центральное всесоюзное объединение библиотек — ЦВОБ. Конечное [б] опять-таки сейчас же превращается в [п]: [цвоп]. Вот какую силу принудительности имеют законы произношения!

Поэтому я и смог угадать, как вы произносите слово *сделавший,* хотя и не слышал вашего голоса. Закон таков: перед [ш] не произносится [в], а только [ф]. Послушайте: *пропавший, вшить, ковши, левша, согласившись*... Всюду [фш].

Белый, как лимон

Почему же многие слушают, а не слышат? Почему существует речевая глухота?

Примерно по той же причине, по которой смотрят, а не видят.

Комната освещена электрической лампой. Вы видите на столе белый лист бумаги. Какого он цвета?

Другая комната; она выходит окнами на север, в окно видно чистое небо. День ясный, солнечный. На столе лежит белый лист бумаги. Какого он цвета?

Вы скажете, что они оба белые; попросту нелепо спрашивать, какого цвета белый лист. Сколько бы вы ни всматривались в эти листы, ответить сможете то же самое: белые-белые. И одинаковые.

Однако точный физический анализ показывает, что бумага, освещенная электрической лампой, отражает те же лучи, что лимонная корка. Она лимонно-желтая, но мы видим белую. Синий лист в этой же комнате становится зеленоватым, а мы видим его синим.

В комнате с окнами, обращенными к синему ясному небу, тот же лист (на наш взгляд — белый) отражает массу голубых лучей. Он голубой-голубой.

Мы разное — лимонно-желтое и голубое — видим как тождественное: белое. И наоборот, одно и то же мы видим как разное…

В комнате лежит мяч. Какой он? желтый. Сколько на него ни смотри, ясно, что желтый. В другой комнате — опять мяч; на наш взгляд, несомненно, голубой. В третьей комнате, увидев мяч, категорически скажем: он зеленый.

Желтый мяч мы видели в комнате, обращенной окнами к синему небу; голубой мяч — в комнате с электрической лампой; зеленый мяч — в комнате с рассеянным светом от белых облаков. Это действительно разные мячи. И помести мы их в одну комнату, мы бы подтвердили свои наблюдения: цвета разные и именно те, какие мы назвали. Но вот что удивительно: если бы дать спектральный анализ лучей, идущих от трех наших мячиков в разных комнатах, то прибор бы показал, что все лучи одинаково зеленые.

Мы воспринимали три раза те же самые лучи, но оценили их по-разному: назвали желтым, синим, зеленым цветом. Будь наше зрение вполне «объективным», мы все три предмета увидели бы одноцветными.

Мы смотрим не только глазом: видит и наш мозг. Он вносит поправки в свидетельство глаз. Это — поправки на освещение:

если все предметы несут голубой оттенок, мозг его вычитает, делает «доворот» в сторону желтой части спектра. Иначе говоря, гасит голубизну. В комнате, где разлита желтизна от электричества, он снимает эту желтизну. Не будь этих поправок, было бы трудно узнавать предметы в разное время дня, на солнце и в тени, летом и зимой, в комнате с желтыми обоями и в комнате с синими обоями.

Мозг освобождает наши ощущения и восприятия от того, что вносится обстановкой, условиями наблюдения.

Желтый оттенок у листа почтовой бумаги — не «свой», он внесен условиями освещения. Мы бессознательно его нейтрализуем, «вычитаем», мы видим не то, что воспринимает глаз (желтое), а то, что получилось после переработки в мозговых центрах: белое[38].

«Глухой глухого звал»

Точно так же мы оцениваем и звуки речи. Звуки влияют друг на друга, хоть мы этого обычно и не замечаем. Если два звука стоят рядом, то один может внести в соседний особые оттенки, наградить его своими признаками. По-своему осветить этот звук…

Вы помните, что в русском языке не может быть сочетаний [сд, вш]. Никогда вы не встретите (в пределах одного слова) сочетаний: [шг, бт, сб]…

В русском языке есть семья согласных звуков, которые называются «звонкие». Почти у каждого звонкого есть приятель — «глухой» согласный. Парные звонкие и глухие все друг на друга похожи; единственное у них различие: один глухой, а другой звонкий. Вот какие пары:

Б В Д З Ж Г

П Ф Т С Ш К

Вверху стоят звонкие, внизу — глухие.

В русском языке есть закон, предельно строгий: верхние не могут стоять рядом с нижними. Звонкие и глухие не бывают соседями. Если один согласный звонкий, то и рядом с ним может быть только звонкий. Если один согласный глухой, то он и соседа зовет глухого. При этом последующий влияет на предыдущих; зовет именно второй, а идет на зов — первый в сочетании согласных. Вот доказательства.

От глагола *косить* образуем существительное, прибавив суффикс — *ба: косьба;* произносится: [казьба]. Почему произошла замена, и вместо глухого [сь], как в глаголе *косить,* появилось звонкое [зь]? Под влиянием соседа справа: [б] — звук звонкий, и он не потерпел рядом с собой глухого согласного, заменил его звонким.

Другой пример: *ложечка, несколько ложек.* . Произносится [ж]. Но если *ложка,* то явное [ш] перед [к]. Это опять-таки проделки соседа. Глухое [к] не позволило стать перед ним звонкому [ж] и переделало его в [ш], подстать себе — глухое. Таких примеров можно было привести тысячи и тысячи. Правило это не знает никаких исключений.

Теперь понятно, почему в нашем языке невозможны сочетания [сд, вш, шг, бт, сб]… Напомню вам два ряда — звонких и глухих:

Б В Д З Ж Г

П Ф Т С Ш К

Верхние не могут быть соседями с нижними. А в

перечисленных сочетаниях все время такое незаконное соседство; нижнее (т. е. глухое) [с] рядом с верхним (звонким) [д] и т. д. Ну, и нет таких сочетаний, не встречаются они.

Разве может допустить глухое [ш], чтобы спереди к нему примыкало звонкое [в]? Нет, оно согласно только на соседство с глухим [ф] (а [ф] и есть глухое [в]; или наоборот: [в] и есть звонкое [ф])[39].

В сочетаниях согласных звуков предшествующий получает некоторые качества следующего; это — непреклонный закон. На первый согласный ложится ответ от второго, первый воспринимается в свете, в лучах следующего.

Еще пример (потерпите: он очень нужен). В русском языке некоторые согласные произносятся так: кончик языка прикасается к верхним зубам. Эти согласные называются зубными; вот они: [т, д, с, з, н]…[40] Существует такой закон: если стоят рядом два зубных, и из них второй — мягкий, то и первый всегда мягкий. Короче: перед мягким зубным — только мягкий зубной. В слове *красный* мы произносим [с] твердое; но в слове *краснее [сь]*мягкое: [н] стало мягким — и велело смягчиться соседу.

Так же в словах:
опасный — опасьнее,
езда — езьдит
хвост — хвосьте,
звезда — о звезьде,
расту — расьтет,
бант — баньтик,
мост — мосьтик,
команда — команьде,
лесной — лесьник,
чистый — чисьтить…

Везде и всюду: перед мягким зубным другой зубной непременно смягчается. И здесь, значит, первый звук находится в зависимости от обстановки, от окружения: на него бросает тень его сосед.

Сплетение звуков

Изменения звуков, о которых я рассказывал, называются позиционными. Все дело в том, какая позиция у звука, т. е. каково его окружение: кто его сосед, далеко ли ударный слог и т. д. Окружение изменяет звук, вносит в его произношение разные оттенки и особенности. Вот этих-то дополнительных качеств говорящие, как правило, и не замечают… Точно так же, как не замечаем мы, что лист писчей бумаги желт при электрическом свете.

У нас было взято слово *сделавший.* Как здесь один звук изменяет другой? Какие есть позиционные влияния? Какие отсветы, блики и тени ложатся на каждый звук от его соседей?

Начинается слово приставкой *с.* Не будь звонкого соседа, она так бы и осталась звуком [с]. Сравните в словах: *столкнуть, списать, схватить, скатить*… Но у нас сосед — мягкое [дʲ]. Сосед вынуждает [с] озвончиться и смягчиться; получается [зʲ]. Сосед прав, он действует по закону: перед звонким должен быть звонкий, перед мягким зубным — непременно смягченный зубной, а не твердый.

И [дʲ] тоже неспроста мягкое: это влияние следующего [э][41]. У гласного [э] высокий собственный тон; у мягких согласных тоже высокий собственный тон (тем они и отличаются от твердых). Вот и произносится перед [э] мягкое [дʲ]: свет от гласного лег на предшествующий согласный.

И заметьте: звук [э] всегда смягчает предшествующий согласный. Сопоставьте:

слон — о слоне, голова — о голове, смотр. — смотреть, жилой — жилец…

Везде одна и та же закономерность: сам по себе согласный тверд (в левом столбце), а попадет рядом со звуком [э] — и станет мягким. Ясно, чьи это проделки.

Гласный [а] находится после ударного слова и поэтому очень ослаблен. Он заменен кратким, слабым звуком [ə]. Это влияние предыдущего ударного гласного. Ударный забрал всю силу выдоха себе, остальным слогам осталось мало. Поэтому-то в заударных слогах гласный [а] всегда заменяется гласным [ə].

Далее: в нашем слове после [ш] следует [ы]. Вообще после [ш] невозможен звук [и], он всегда заменяется звуком [ы] (пишется, наоборот, всегда *и;* на это есть основания, о них расскажу дальше). Здесь тень от согласного легла на следующий гласный.

И все взаимодействия обязательны и неизбежны для каждого,

кто говорит по-русски. Стоит только отступить от этих закономерностей, как все услышат в речи неправильность, станут говорить об искусственности и деланности произношения.

Теперь можно понять, почему обычно не замечают этих изменений. Ведь правда — не замечают.

Мы не видим желтого отблеска на бумаге; освещенной электрическим светом; не видим голубизны бумаги, освещенной светом ясного неба. Наш мозг, независимо от нашей воли, устраняет из восприятия все, что вызвано преходящими условиями наблюдения. И это хорошо: помогает узнавать один и тот же предмет, в каком бы свете он ни появлялся.

Вот так-то и в звуках речи мы не слышим того, что вызвано условиями произношения: не замечаем тех отсветов, которые ложатся от других звуков. Для большинства говорящих слова *сделать* и *суметь* начинаются одним и тем же звуком: не слышат разницы. Часто не замечают даже разницы в словах *вода* и *водный:* и там и там «слышат» гласный [о].

В стихах:

> Льетесь безвестные, льетесь незримые,
> Неистощимые, неисчислимые…—

один литературовед нашел «замечательно насыщенный, художественно-выразительный звуковой повтор гласного «е». На самом деле в этих строчках никакого повтора звука «е» и нет; в них всего одно «е» (найдите-ка).

Бедняга-стиховед подсчитывал буквы, а не звуки. Звуки он не слышал; и хотел слышать, да не смог.

В Институт русского языка приходит много писем с разными вопросами о нашем произношении. Вот одно любопытное: «Очень обидно, что паша молодежь на конце слов произносит вместо *ж, з* (как надо) — звуки *ш* и *с*. Не раз я слышал: *морос, рошь* и так далее. Надо всячески противиться такому коверканью русского языка. Я нарочно слушал, как произносят артисты Малого и Художественного театра: у них нет таких искажений». Случай по-своему удивительный: человек случайно заметил, что звонкие на конце слова заменяются глухими… Но приписал это только молодежи и не услышал — хотя стремился услышать — такого же произношения на сцене театра и в своей собственной речи. На самом деле все, кто говорит по-русски, произносят [рош, марос], и так во всех словах[42].

Ученый техник (фамилию его я не назову) изобрел аппараты, которые действовали, слыша человеческий голос. Например:

сконструировал автоматическую дверь; только скажи: откройся! — и она сама открывается. Так было задумано: звуки человеческого голоса воспринимаются особыми аппаратами, анализируются и преобразуются в электрические импульсы, которые включают определенные рабочие механизмы.

В своем описании работы механизмов изобретатель рассказывает, как он анализировал звуки, входящие в слова-приказания. Увы! Он их не слышит — он анализирует, как читается отдельно взятая буква, а не звук в слове. Дверь у него все-таки открывалась, но, должно быть, со скрипом. Некоторые звуки были верно описаны, и этого оказалось достаточно: дверь была покладистой и готова работать при неточных данных. Будь задание более тонким, опыт и вовсе бы не удался.

Одно и то же при любом освещении

Итак, почему же все-таки не слышат? Причин много.

Очень мешает буква. Привыкли мы обращать почтительное внимание на письмо, видеть в нем главное, а в произнесенном звуке — второстепенное. В действительности наоборот: письмо — лишь отражение звучащей речи. «Письмя — не вешчь, а тень токмо вешчи», — писал Тредиаковский, и он прав: буква — только «тень», отражение звука.

Знаменитый ученый-языковед Бодуэн де Куртене требовал, чтобы в школе детей учили различать звук и букву. Бодуэн де Куртене темпераментно критиковал старую нашу школу, которая часто занималась схоластикой и буквоедством:

> Кто имел несчастие пройти курс заурядной школьной грамматики, со всем ее безотрадным бессмыслием и путаницей, со свойственными ей смешениями понятий, со смешением письма и языка, букв и звуков… со смешением преходящего с постоянным… и т. д. и т. д., тот только с трудом отучится, а может быть, и никогда не отучится смешивать человека с паспортом, национальность с алфавитом… человеческое достоинство с чином и званием… и т. д. и т. д.

Это сказано в 1904 году; многое устарело в словах Бодуэна де Куртене. Но осталась верной одна важная мысль: мы часто смешиваем внешнее (например, письмо) с более существенным, внутренним (например, языком), вместо «вешчи» подставляем «токмо тень» ее, т. е. думаем не о звуках, а о буквах.

Но этого мало. Одним буквоедством не объяснить всех ошибок речевого слуха. Ведь тот, кто слышал у артистов Малого и Художественного театров произношение *рожь* и *мороз* (со звонкими в конце), думал именно о звуках — и все же их не узнал, все напутал.

Мы не слышим именно позиционных изменений звуков. Мы не замечаем, как звук изменился под влиянием своего окружения. В словах *мороза, морозу, морозом* никто звуков не спутает, каждый скажет, что здесь слышится звук [з]. И это, бесспорно, так. А вот когда произносят *мороз,* то не слышат, что на конце [с], даже если стремятся услышать звук. Это потому, что глухое [с] здесь обусловлено соседством. Ведь рядом-то пауза, конец слова. Такая мена — звонких на глухие — неизбежна в конце слова; она

обусловлена как раз соседней паузой. И мы не замечаем мены [з] на [с] именно потому, что она позиционна.

При любом освещении белый лист мы воспринимаем как белый лист. Так и звук: при любом влиянии его окружения мы воспринимаем его как один и тот же. Это помогает нам узнавать строевые элементы слова — корни, приставки, окончания, как бы они ни менялись от влияния соседних звуков, ударения и т. д.

Мы не обращаем внимания на громадное количество отсветов, которые одни звуки бросают на другие, поэтому сразу распознаем части слова — и, значит, легко понимаем слова.

Фонетическая муштра

Теперь представьте, что введена фонетическая орфография: что произношу, то пишу. Но, оказывается, услышать свое произношение крайне трудно.

Студентов-филологов этому долго и терпеливо учат. После большой тренировки им дают фонетические диктанты. Надо писать, точно отражая произношение. В таком диктанте обычно 7—10 строчек, а ошибок… больше, чем в большом, сложном диктанте на обычные орфографические правила.

Точная запись произношения называется фонетической транскрипцией. Пример такой транскрипции (она сделана языковедом Р. Кошутичем) смотрите ниже.

Первое знакомство с фонетической транскрипцией производит обычно ошеломляющее впечатление; начинаются споры: «нет, я так пе произношу, так очень некрасиво произносить, нельзя»… А на самом деле именно так сам спорщик и произносит. Если бы сказал: «я так не слышу», — то был бы прав. Ошибается тот, кто заявляет, видя лист писчей бумаги под зажженной электрической лампой: «нет, никаких желтых лучей он не отражает». Но нельзя спорить, если скажет: «я не вижу здесь никакой желтизны».

Понятно, как мучительно труден был бы принцип: что произношу, то и пишу — для большинства говорящих, для всех, кто не прошел специальной фонетической выучки («фонетической муштры», как говорил академик А. В. Щерба).

— 8. Изъ-за сиротъ и солнце сіяетъ. — 9. Хорошо
— 8. ɯ̯з̯ᵊ с'ᵘрóтᵊ ы ᵊсóнцᵊ с'ᵘјái̯ᵗᵗ. — 9. хᵋрᵃшó
мóре съ бéрегу. — 10. На чужóй спинѣ брéмя легкó. — 11. Ре-
мóр'ᵗᵋ з'ᵊб'ёр'ᵗᵋi̯ᵘ. — 10. нᵋᵊч'ᵘужói̯ с'п'ᵘн'é бр'ём'ᵗᵋ л'ᵋхкó. — 11. р'ᵋ-
тúвая лошáдка недóлго живётъ. — 12. Пьяному и мóре по ко-
т'úвᵗᵋi̯ᵗᵋ лᵃшáткᵋ н'ᵋдóлᵗᵋ жᵘв'óт. — 12. п'јáнᵗᵋмᵘ иᵊмóр'ᵗᵋ пᵋкᵃ-
лѣно. — 13. Дéнежка дорóжку прокáдываетъ. — 14. Прáвда
л'éнᵋ. — 13. д'ён'ᵗшкᵋ дᵃрóшкᵘ прᵃкᵃáдᵋвᵋi̯ᵗᵋт. — 14. прáвдᵋ
свѣтлѣе сóлнца. — 15. Ýтро вéчера мудренѣе.
с'в'ᵋт͡лʲёi̯ᵋ сóнцᵋ. — 15. ýтрᵋ в'ёч'ᵗᵋрᵋ мᵘдр'ᵋн'ёi̯ᵗᵋ.
[с'в'ᵋт͡лʲёi̯ᵗᵋ] *[мᵘдр'ᵋн'ёi̯ᵗᵋ].*

Но даже и после этой выучки надо было бы, записывая что-то,

все время напрягать внимание: какой же звук произносится? Внимание было бы отвлечено от содержания — и снова получился бы Какографополь.

Не хватило бы алфавита

Писать пришлось бы вот так. Нат каждым словам нужна была бы надумать: каг же апо праизносицца? Кажыцца, так, а можыд быть и эдак; улавить свае праизнашения — вещь очинь трудная.

И зьдесь йищо адна труднасьть: для таво, штобы пиридадь звучания нашый речи, в нашым алфавита нидастатачна букф. Ну, как, например, пиридадь звук Ы? Нед для ниво асобай буквы. Можна писать букву *а* (зьдесь я так ы зьделал), но вить можна писать и букву *ы,* ана таг жа патхадящя и таг жа нипатхадящя для этава звука, каг буква *а.* Фсё равно: и так ы так нихарашо; пришлозь бы в алфавит[43] ввадить новый буквы, и притом — нимала. Очинь многа звукаф, самых чястых, ни имеют у нас асобых букф для абазначения.

Уф, можно снова перейти к нашей обычной орфографии. Но все-таки фонетическое письмо значительно лучше, чем полная безорфографица. Здесь существует некоторая стабильность в правописании слов. Например, глагол *пиридатъ* почти всегда должен писаться именно так. (Кстати, здесь опять натяжка: из-за нехватки букв в нашем алфавите приходится знаком *и* обозначать звук, средний по качеству между [и] и [э]). В Какографополе его могли бы написать несколькими десятками способов, а по фонетической орфографии только одним — двумя. Послушайте: *передать им — передать бы…* Перед звонким может быть только звонкий согласный, если только между ними нет паузы. Перед *бы,* разумеется, пауза неестественна; поэтому [тʲ] озвончается в [дʲ]. Таково требование звонкого [б]. Надо писать по произношению так: *пиридадъ бы;* и во многих других случаях: *пиридадъ Диме, надо пиридадъ было.*

Нет уж, скажут многие, надо условиться и писать совсем одинаково. Условиться можно, но это будет нарушением принципа фонетического письма. Это будет уже иное письмо.

«А что надо слышать, не указано»

Фонетическое письмо привлекает многих тем, что в нем все просто: слушай и пиши. Но слушать, оказывается, труднее трудного. Поэтому, если будет введено фонетическое письмо, неизбежно появится масса правил, притом совершенно механических.

У нас сейчас пишется: *расписать,* но *разбить; испечь,* но *избаловать;, вспыхнуть,* но *взбежать; бесполезно,* по *безболезненно.* У приставок *низ-, воз-, через-, без-, из-, раз-* согласные передаются фонетически. Что слышится, то и пишется. Легко ли это? Оказывается, вовсе нет. Вот письмо учителя, опубликованное в одном старом-старом журнале.

«Грамматическое правило требует чтобы буква *з,* слышная в выговоре как [с], переходила и па письме в с. Но когда? перед какими буквами?» — тут-то и есть разногласие. В одних учебниках сказано — перед *п, к, т, я*[44] — и только. В других перед теми же и еще перед *ф, ч, ш, щ, ц.* В третьих — перед всеми этими согласными кроме *ф.* В четвертых — строго приказано писать приставки через букву с перед *к, т, п, х, ч, ш.* «Как тут быть?»— спрашивает бедный учитель.

Вот ведь беда: сказано, пиши по выговору, как слышишь, да не сказано, что надо слышать. И у всех разное мнение…

Ученики пишут диктант, усердно вслушиваются — и не могут решить, когда произносится [с], когда [з]. Не слышат, потому что и звонкость [з], и глухость [с] здесь позиционно обусловлены: они вызваны следующим согласным. Ну и путают буквы с и *з,* пишут *безпутный* и *бесболезненно.*

Другое дело такие слова, как *безоблачный, разузнать, изучить* — здесь никакие ошибки невозможны. Причина простая: звонкость [з] в этих словах не «приказана» следующим согласным; она самостоятельна. Рядом нет согласного, который мог бы влиять на произношение приставки: корень начинается гласным.

Как же ученики выходят из затруднения? А они заучивают, перед какими буквами в приставках надо писать [з]. Есть даже стишки и фразы, помогающие запомнить эти буквы: «Кашицы и щей хочу поесть у Фоки»; в этой фразе собраны все глухие согласные; перед ними-то и пишется *нис-, вос-, черес-, бес-, ис-, рас-.* Ученики заучивают фразу; этак легче узнать, когда что пишется, чем слышать произношение.

В нашей орфографии всего одно-единственное фонетическое правило. Маленькое, дрянное правилишко, а сколько оно

доставляет хлопот! Учи бессмысленные фразы; когда пишешь, проверяй, нет ли той буквы, с которой начинается корень слова, в заученной фразе; если есть — пиши *нис-, вос-,* и так далее. Если бы у нас письмо полностью было фонетическим, таких правил пришлось бы запомнить сотню.

Различные степени наблюдательности

Люди наблюдательны. Некоторые из них заметили, что в зимний солнечный день снег лежит голубой (вспомните «Февральскую лазурь» И. Грабаря). Они увидели, что тени не серые и не черные, а цветные. Но заметили не сразу и не все: в живописи это было необычайным открытием, изменилось само видение мира.

Да, люди наблюдательны, но по-разному: одни больше, другие меньше. Одни видят тени однообразно-серыми. Другие замечают, что они бывают голубые, зеленые, лиловые…

Скажи, что писать надо, как слышишь — ничего, кроме разнобоя, не получишь: каждый услышит свое, насколько ему позволит его наблюдательность и внимание. Окажется, что многие вообще не в силах решить: слышится ли [с] или [з] в слове *сделавший;* мягкий это звук или твердый. Лист бумаги у них при электричестве как будто и белый, как будто и нет… Они будут учить всякие искусственные правила.

Другие услышат верно. Лист бумаги у них при электричестве желтый, как лимонная корка. Они напишут: *зьделафшый.* Но таких тонких слушателей будет немного. Наконец, очень многие будут уверены, что лист белый, как ни меняй освещения. По их мнению, слова *сделать, сдуть, стянуть, сточить, сжать, сшить* начинаются одним и тем же звуком, и надо писать одно и то же: букву с. Это мнение стоит особо запомнить: в нем много разумного. Но оно совсем не вяжется с фонетическим принципом письма, потому что звучанием слова здесь прямо пренебрегают. Ведь на самом-то деле все эти слова начинаются разными звуками!

Значит, на слух надеяться нельзя: у разных людей он в разной степени фонетичен, одни лучше, другие хуже слышат речь.

О «сомнительных» звуках

В школе ученикам говорят: прежде чем писать сомнительный согласный на конце слова, проверь его: поставь перед гласным. Например, *мороз*; в конце сомнительный гласный. *Мороза, морозу*... теперь ясно, что это *з*.

Сторонники фонетического письма часто так рассуждают (письма их нередко получает Институт русского языка): надо писать точно по произношению, а все сомнительные звуки придется, делать нечего, проверять. Сомнительные гласные ставить под ударение, согласные ставить перед гласными… Это постоянный мотив у сторонников фонетического письма.

Он свидетельствует о том, что сторонники принципа «пишу, как слышу» часто не понимают, что они защищают и чего хотят. Никаких сомнительных звуков нет. В слове *мороз* на конце такое же полное, ясное, очевидное [с], как и в словах *нос, мост, сто*. Нет никаких сомнительных, физически неопределенных звуков: любой звук дает четкие кимограммы, спектрограммы при изучении его с помощью приборов.

Так называемые «сомнительные» звуки сомнительны не физически, не по своей природе, а психологически: в восприятии говорящих «сомнительные» звуки — всегда те, которые испытывают влияние соседних звуков или слогов. На них лежит тень от их соседей; серая тень… нет голубая. Нет, все-таки темно-серая… Мы колеблемся между точным восприятием цвета (на самом деле тень на снегу голубая!) и его обобщенным восприятием, при котором съедаются черты, внесенные обстановкой. Так и в звуке: слышу в слове *косьба* звук [зь] — и это верно; именно так произносится; но звонкость здесь от [б], его блик, его отсвет; звонкость заимствована от соседа — вот я и готов пренебречь ею, видеть здесь то же [с], что и в слове *косить*. Иначе говоря, я готов думать, что тень всегда серая, что лист писчей бумаги всегда бел — при любом освещении…

Когда говорят о «сомнительных» звуках, всегда изменяют фонетической орфографии, большей частью не замечая этой измены. Ведь разговор о «сомнительных» звуках начинают для того, чтобы кончить выводом: некоторые звуки надо проверять. Это неверно. При фонетической орфографии надо слушать, а не проверять. А услышать трудно; вот нас и зовут на более легкую дорожку: проверяйте… (То есть пишите не фонетически).

Восемь обликов одного предлога

В чем смысл этого древнего и непреложного закона нашей речи: перед звонкими шумными — всегда звонкий?

Один звук всегда уподобляет себе другой. Звонкий приравнивает к себе предшествующий глухой. Мягкий зубной заставляет смягчиться предыдущий зубной.

При этом речь всегда упрощается; на два звука оказывается всегда один признак (обоюдная звонкость, или совместная мягкость).

Переходя от одного звука к другому, не надо менять установку речевых органов, не надо заботиться о смене звуковых качеств. Произнести *косьба* со звуком [зʲ] — проще, чем со звуком [сʲ]: меньше произносительных перемен.

Так же и* [зʲдʲэлəфшый] произнести гораздо менее хлопотно (меньше надо делать различных передвижений органами речи), чем *с-д-э-л-а-в-ш-и-й.*

Итак, звуковые изменения в речи, взаимодействия звуков упрощают нашу речь (собственно, самое говорение).

А теперь снова посмотрим на фонетическую орфографию. Как по ее законам мы должны были бы писать слова: с *Тамарой, с тетей, с братом, с Димой, с Шурой, с Женей, с Щукарем, с жженой известью, с жюри.* Вот как:

с Тамарай, сь тётий, з братам, зь Димай, ш Шурай, ж Шений, щ Щукарем, жь жженай изьвесьтыо…

Все эти записи точно отражают литературное произношение. А последнее сочетание — *с жюри* — я не знаю, как изобразить. Перед [ж] предлог должен и сам превратиться в [ж]; но в слове *жюри* по литературным нормам произносится [ж] полумягкое. И предлог получает от соседа не только звонкость, но и полумягкость. Как ее изобразить? Половину мягкого знака не поставишь.

Вы предлагаете совсем не отмечать полумягкость. Ну что ж — это дельно. Только противоречит принципу фонетической орфографии: что слышу, то пишу.

Как видно, один и тот же предлог надо изображать восьмью разными способами! Да еще и девятым — только неизвестно как.

Произносится, действительно, [зь Димай]; это результат уподобления звуков. Мягкое [дʲ] наградило соседа и звонкостью своей и мягкостью. Это облегчает произношение. Но когда мы такое облегчение стремимся воспроизвести орфографически, то для письма явно никакого облегчения не получаем. Просто бессмысленный педантизм: писать предлог то так, то этак, следя

за его позиционными изменениями (под влиянием соседей).

И слушать нелегко. Многие думают, что этот предлог произносится всегда одинаково. Я уверен, что особо упрямых и лишенных речевого слуха читателей я так ни в чем и не убедил. Они по-прежнему считают, что произносят: [с] *Щукарем.*

Не проще ли писать этот предлог всегда одинаково? Не легче ли? Конечно, легче. Принцип фонетического письма снова обнаружил свою неполноценность.

Отгадывание загадок

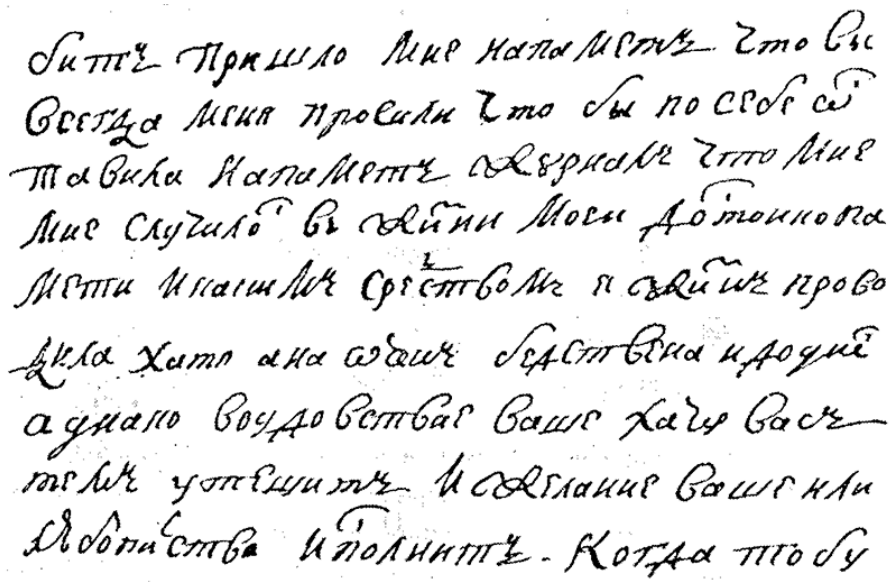
Писать фонетически очень не просто; но и читать такое письмо нелегко.

До нас дошли интереснейшие записки Натальи Борисовны Долгорукой, жены опального вельможи бироновского времени. Свои записки Долгорукая писала почти фонетически, по произношению, отражая говор середины XVIII века. Есть у нее и традиционные написания, их даже немало, есть индивидуальные особенности письма (она, например, часто пишет букву *и* вместо ы, хотя произносила, конечно, *ы)*. Все же фонетических написаний очень много.

Об одном недруге своей семьи Н. Б. Долгорукая пишет:

> Не знал҃ онъ, чемъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое всехъ сталъ къ себе призивать изъ тегже людей, которые намъ прежде друзья были, ласкалъ ихъ, виспрашивалъ, какъ ми жили и не зделали ли каму абиди, не брали ли взятковъ. Нетъ, нихто ничево не сказалъ.

Что означает здесь *тегже!* Как прочесть это слово? Понаблюдайте, как вы произносите сочетания: *их бы позвать… их бы спросить… их брат…* Здесь у вас не обычное [х], не такое, как в слове *их,* взятом отдельно. Вспомните закон: перед звонким согласным произносится только звонкий согласный? Звук [б] — звонкий; обычное же [х] — глухой. И поэтому они соседями быть не могут. Звонкое [б] непременно повлияет на соседнее [х], озвончит его. В нормальном произношении всегда выходит [иɣ — брат], [иɣ — бы], если произносится без паузы. Значок ɣ здесь указывает как раз звонкое *х.*



Так написала Н. В. Долгорукая. Последние строчки читаются так: «… однако во удов[оль]ствие ваше хачу васъ темъ утешить…»

Этот же звук [Y], т. е. звонкое [х] мы произносим (по крайней мере, большинство прозносит) в словах:

ага!

ого!

ей богу…

бухгалтер…

(Замечу мимоходом: а на юге России и во всех словах вместо [г] произносится [Y]. Но мы сейчас говорили о литературном, повсеместно принятом, правильном произношении.)

Дело выходит вот какое: когда говорят *их же, тех же,* то перед звонким [ж], конечно, звук [х] становится звонким. В фонетической орфографии следует обозначить, что здесь [х] произносится по-особому, звонко. И обозначить это особое произношение можно только буквой *г:* именно она передает этот звук в словах *ага, ого, ей богу* и т. д.

Поэтому Н. Б. Долгорукая совершенно правильно с точки зрения фонетического принципа написала *тегже,* имея в виду слова *тех же;* так это и сейчас надо было бы писать, будь у нас фонетическое письмо.

Вот как долго нам пришлось устанавливать: что же скрывается под буквенной маской *тегже.* При фонетической орфографии иногда не сразу разгадаешь, что написано и как распутать те или иные заросли букв.

А как же у других народов?

И верно: как? У грузин, например, и у сербов существует же фонетическая орфография… И они очень довольны ею…

Да, для некоторых языков фонетическое письмо оправдывает себя (в целом; в деталях бывают разные трудности).

Это те языки, у которых звуки не очень резко влияют друг на друга, не сильно уподобляются друг другу. В таких языках (к ним принадлежит и сербский, и грузинский) фонетическая орфография хороша. Впрочем, завидовать сербам или грузинам у нас нет никаких оснований. У них при письме возникают свои трудности.

Мы пишем: *сербы, сербский.* В последнем слове произносится не *б,* а *п;* кто-нибудь может сделать ошибку и написать *серп, серпский* — по слуху.

Сербы пишут: *срби, српски* (значения те же, что в русских словах, приведенных выше). Они, значит, в прилагательном по произношению пишут букву *п.* Но кто-нибудь может ошибиться и написать *б — србски;* ведь влияние слова *срби* подталкивает к написанию *б.*

Мы пишем: *подносить, подвергнуть, подкупить, подчинить.* У сербов по-другому: *подносити, подвергнути, поткупити, потчинити.* Их написания правильно отражают произношение: ведь и мы произносим *по[д]носить, по[д]вергпуть,* но *по[т]купить, по[т]чинить.* Действует известное нам правило: перед глухим — всегда глухой согласный… Конечно, ученик того гляди ошибется и напишет *потчинить.* Но и ученик-серб того гляди ошибется и напишет *подчинити.*

У нас правило такое, чтобы приставку писать всегда одинаково; ошибаются же те, кто пишет по слуху. У сербов правило, чтобы писать по слуху; и ошибаются те, которые не передают все звуковые изменения приставки а пишут ее в разных словах одинаково. Выходит, фонетическое письмо не избавляет от ошибок. Не такое оно легкое как кажется. А для нашего языка и совсем не годится.

Глава 3. Письмо, соединяющее поколения

Старинная одежда

Фонетическая орфография нам явно не годится. Тогда, может быть, избрать традиционный принцип? Пиши, как раньше писали — вот его девиз. Написание (орфограмма) может давно уже противоречить фактам живого языка, но сохраняется по традиции: деды так писали, пусть и внуки пишут. Хороший пример традиционной орфографии — английское или французское письмо.

Во французской орфографии звук [s] передается восьмью разными способами: *s, c, ç, x, t, ss, ce, sc*.

Звук [ɛ] во французском языке может обозначаться двадцатью способами: *e, ê, ai, ay, ei, è, é, aid, aie, ais, ait, aix, ecs, ect, egs, et, êt, ets, ès, ey*.

Напротив, один и тот же графический знак часто служит по совместительству для указания нескольких звуков. Например, во французском языке есть разные звуки [œ] и [ø]. Различие между этими звуками важно; например, слова jeune 'молодой' — jeune 'пост', ce 'это' — ceих 'эти' отличаются только звуками [оэ] — [0]. Звук [оэ] обозначается так: *eu, œ, œu, eû, ue, e*. Но и звук [ø] обозначается точно так же, всеми этими сочетаниями! Почему такая сложность — современный французский язык не объясняет. Объяснить может история языка: разные написания когда-то отвечали разным звучаниям, различному происхождению слов.

Если орфография состоит из огромного количества правил (чуть ли но каждое слово — особое правило), которые надо механически запомнить; если из этих правил существует огромное число исключений, которые надо тоже механически запомнить, — значит, орфография традиционна. Все эти правила когда-то, в разные эпохи, имели смысл, отражали закономерности языка. Прошли годы, десятилетия, века; язык изменился. Орфография осталась верна прежнему. Как человек вырастает из платья, так язык вырос из старой орфографии, а все-таки принужден ею пользоваться.

Английские иероглифы

Традиционная орфография господствует там, где написание не мотивировано, не обусловлено живым языком; там, где язык не оправдывает написания.

Местоимение *та* писалось так же и в одиннадцатом веке; мы сохранили это написание. Но никто не скажет, что мы слово *та* пишем сейчас по традиционному принципу: наше написание находится в полном согласии с современным, живым языком. В слове *та* (живом, сегодняшнем) есть звуки: [т], [а]. Естественно, мы пишем буквы *т, а.*

Напротив, в написании *того, его* есть вклад традиционной орфографии. Ведь произносится *таво, ево* и мы не можем объяснить из фактов живого нашего языка, почему здесь для звука [в] использована буква *г.* Чтобы понять, почему это так, надо знать историю языка: когда-то здесь на самом деле произносился звук, всегда обозначаемый-буквой *г.*

В предельно традиционной орфографии каждое слово пишется по своему правилу. Проще говоря — запомни, как пишется каждое слово, да и все тут. Близка к такой крайности английская орфография. Вот восемь слов:

through через
tough крепкий
plough плуг
cough кашель
dough тесто
hiccough икота
thorough полный
hough поджилки

В конце каждого слова — одни и те же четыре буквы; а в произношении совершенно нет ничего общего.

Каждое слово превращено в иероглиф. Конечно, какое-нибудь английское hough состоит из отдельных значков-букв, а китайский иероглиф — слитный рисунок, но это несущественная разница. И китайский иероглиф распадается на отдельные части, нередко одинаковые для многих иероглифов. И в английском hough можно все значки соединить — так ведь и пишем. Но в обоих случаях мы, не зная, как записать услышанное слово, не сможем об этом догадаться на основании каких-то общих правил.

Вам представляется какой-то гражданин: «Я — Сапожников-Загвоздкин. Запишите мой адрес: Колокольников переулок…». И вы без затруднения пишете: Сапожников-Загвоздкин, Колокольников переулок… Вы только слышали фамилию — и

можете записать. Английскую фамилию нельзя записать, если она вам заранее не известна; надо спросить: What is the spelling of your name? — Как вы ее пишете по буквам?

Два билета на одно место

Традиционный принцип в орфографии всегда сводится к двум случаям: или одно и то же обозначается по-разному, или разное в языке обозначается одинаково.

Буква Ѣ стала страшилищем для нескольких поколений гимназистов. В самой букве — мачта с перекладиной и внизу полукруг вправо: Ѣ — ничего страшного не было. Этот безобидный значок имел тот же смысл, что и буква *е:* обе они обозначали один и тот же звук.

Когда-то в нашем языке были два разных звука, они были представлены разными буквами *е* и Ѣ. Пока существовали эти звуки, никто не путал Ѣ с *е;* ведь сейчас, например, никто не путает, где писать *о,* где *у.* Никто не напишет *точка* вместо *тучка*[45].

Представьте, что в языке произойдут перемены; станут одинаково произноситься слова: *стопка* и *ступка, роль* и *руль, сток* и *стук, топить* и *тупить, ком и кум, с содой и ссудой* … разумеется, *точка* и *тучка.* Скажем, и там и здесь будет звук средний между [о] и [у].

Произносить станут одинаково, а писать, как прежде, по-разному. Ясно, что это вызовет много затруднений: надо будет механически запоминать, что где писать.

Вот так и случилось с буквами Ѣ — *е:* они указывают различие, которое в современном русском языке не сохранилось[46]. Две буквы имели когда-то разное назначение, а теперь выражают одно и то же. В театре на одно место оказалось два билета; возник трудный вопрос: кому же садиться?

Но плохо и в том случае, когда на два места — один билет. Иначе говоря: когда два звука выражаются одной буквой.

Вот пример. Буква *ё* введена в русское письмо сравнительно недавно. В 1797 году Н. М. Карамзин выпустил сборник стихов «Аониды». В этом сборнике впервые употребляется буква *ё,* и значение этой буквы специально разъясняется: «Буква *е* с двумя точками заменяет іо».

Однако до сих пор эта буква не стала общепринятой и обязательной. Отсюда — всякие неприятные неожиданности. Читаете стихотворение:

> И львы свой хриплый рев
> Вдруг укротили присмирев…

Только в конце второй строки вы узнаете (по рифме), что надо было читать [рʲэф], а не [рʲоф]. Мы привыкли, что буква *е* зачастую идет вместо буквы ё (только что так случилось в слове *идёт)*. Вот и прочли *рёв* [рʲоф], а здесь требовалось архаически-торжественное *рев* [рʲэф].

Почему же такое неудобство? Два звука оказались выраженными одной буквой *е*.

Сравните: *падеж* (существительного) и *падёж* (скота). Первое произносится так: [падʲэш]. Второе — иначе: [падʲош]. Буква ё обозначает звук [о] после мягких согласных. Сравните такие два ряда:

та — тя, ту — тю, тэ — те, то — тё…

В левом столбце твердые согласные сочетаются с гласными.

В правом столбце мягкие согласные сочетаются с теми же гласными: тя = [тʲа], тю = [тʲу], те = [тʲэ], тё = [тʲо].

Если не употреблять букву ё (а это во многих случаях разрешается нашими правилами), то для сочетания [тʲо] нет особого знака. Опять неудобно: места два, а билет один на то и на другое. Неизвестно, куда садиться.

Орѳографія прежнихъ лѣтъ

Наша дореволюціонная орѳографія была въ значительной мѣрѣ традиціонной. Писали буквы: Ь и *е,* ѳ и *ф, і* «десятиричное» и *и* «восьмиричное» — всѣ онѣ[47] попарно передавали одни и тѣ же звуки. Однѣхъ только *орѳограммъ* с Ь было несколько сотенъ.

Ученикамъ приходилось зазубривать стишки, очень скверные, спеціально изобрѣтенные грамматистами и набитые словами съ ятью:

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
Убѣжалъ бѣдняга въ лѣсъ.
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдькой съ хрѣномъ пообѣдалъ…

Не выучишь глупыя вирши — ну, и не запомнишь, гдѣ пишется Ь. Сторонники и оберегатели этой буквы рѣтиво отстаивали ее; она помогаетъ-де вѣрно судить, кто писалъ: невѣжды или лица образованныя.

Есть у насъ, говорили они, древнія письменныя традиціи. Онѣ священны, и мѣнять ихъ нельзя, Тѣ, кто не видятъ великаго достоинства нашей письменности и не цѣнятъ ея, не имѣютъ права пользоваться ея[48] благами.

Разумѣется, все это были пустыя слова, и только.

Иногда у этихъ[49] словъ былъ свой соціальный подтекстъ…

Вот я и дал образец традиционной орфографии. Это — наше

письмо до 1918 года. Некоторые буквы выделены: так я обозначал, что здесь как раз традиционное написание[50].

Пожалуй, нужны пояснения. Везде, где буква ять, выделено, это понятно: традиционная орфограмма. Но и буква *е* тоже выделена, зачем?

В слове *нѣтъ* традиционное написание: обязательно надо было поставить букву Ѣ, хотя то же бы означала и буква е: у них одно звуковое содержание. Выбор Ѣ вместо *е* не обоснован фактами нашего языка (и языка XIX века), он обоснован только древней традицией. Но так же и в частице *не* выбор буквы е (а не ять) современным языком никак не подсказан, не обоснован — значит, здесь тоже традиционное написание. Поэтому и буква *е* тоже выделена.

Номера «Учительской газеты» и «Советской культуры» стоят по 3 копейки. Вдруг в киоске продавец потребовал: за «Учительскую» всегда платите монетой в 3 копейки, а за «Советскую культуру» двумя монетами в 2 и 1 копейку. Почему? Зачем? Не зачем и не почему; платите! Это было бы проявлением «традиционного принципа» в газетной торговле; продавец мог бы найти одно оправдание своей прихоти: я так всегда делаю, я привык.

Примерно так же дело обстоит в орфографии. Буква Ѣ — это монета в 3 копейки, *е* — монеты в 2 и 1 копейку. Почему для слова Ѣ*сть* 'питаться' нужна монета в 3 копейки, а для слова *есть* 'существовать' — монеты в 2 и 1 копейку? Так надо, не спрашивайте. Ясно, что требование здесь платить так, а там эдак — произвольно и может быть поддержано только привычкой и обычаем.

Там, где стоит фита, везде выделено; это не вызовет возражения: написание явно традиционное. Но тогда и там, где написано *ф,* тоже надо выделять: в обоих случаях выбор одной буквы из двух, одинаковых по значению, языком не обоснован, не подсказан. Ни одно общее правило не натолкнет пишущего на мысль: где писать ѳ, а где *ф.* Просто каждое слово надо запомнить. Это и есть примета традиционной орфографии.

Изгнания фиты из азбуки требовал еще Ломоносов. Сумароков допытывался у Ломоносова: почему же лучше оставить в алфавите букву *ф,* а не ѳ? Ломоносов ответил шуткой: «Ета де литера стоит подпершися и, следовательно, бодряе».

Сто лет спустя Я. К. Грот, присоединившись к мнению Ломоносова, так укорял его противника: «Сумароков не понимал мысли Ломоносова, что так как обе буквы произносятся совершенно одинаково, то нужна только та, которая прямо соответствует наличному звуку».

Рассуждение Грота забавно. Есть старая и непритязательная юмореска: «Ах, как похожи друг на друга ваши сыновья! Особенно старший». У Грота получилось почти так же: обе буквы, *ф* и *ѳ*, передают один и тот же звук; особенно буква *ф*.

Такая иллюзия создается потому, что буква *ф* писалась чаще, чем *ѳ*, в большем количестве слов; и правильно, что именно ее Ломоносов предлагал оставить в алфавите, а не фиту.

Но правда и то, что обе буквы однозначны, и выбор той или другой для каждого слова вовсе не указан, не обоснован языком. Поэтому выделяю и ферт, и фиту.

Так же поступаю с буквами *і — и*.

Твердость согласных на конце обозначалась твердым знаком; а в середине слова (перед согласным) — обозначалась… ничем. Отсутствием и ъ, и ь. Например, писали: *видятъ,* но *видятся.* Почему одно и то же обозначали то так, то этак? Различие это только традиционно, и поэтому я выделяю и еры *(ъ)* и согласные без еров (если дальше идет еще согласный).

Традиционно писались некоторые окончания; я их тоже отметил. Писали в женском роде: *однѢ, однѢхъ, онѢ,* а произносили *одни, одних, они* — как в мужском. Надо было это запомнить и не думать, почему это так.

Следовало бы тогда, ради последовательности, писать в женском роде не *эти,* а *этѢ, этѢхъ*… Нет, не писали: здесь было одно и то же окончание для всех родов.

Исключение из исключения; минус на минус… Это дважды традиционное написание также отмечают точкой.

В женском и среднем роде писали *славныя женщины, красивыя лица;* это традиционно. Но традиционно и написание в мужском роде: *смѢлые юноши.* Хотя выбор — *ыя — ые* определяется правилом (зависит от рода), но само правило не имеет опоры в языке. Оно произвольно и оправдано только традицией.

Обратите еще внимание на слова *видят, ценят* в том же тексте. Сейчас мы произносим эти слова примерно так, как пишем их. Но в XIX веке и в начале нашего писали так же, а произносили: *видют, ценют.* И так во всех подобных случаях: *смотрют, пилют, хвалют, топют, любют*… Писали же в этих случаях — *ят.* Написания не обоснованы фактами языка — и, значит, традиционны. Поэтому-то я их и отметил. Говорили: *приходилос, приходилса,* а писали *приходилось, приходился.*

Текст подсказывает нам один вывод. Раньше письмо наше опиралось очень часто на традиционный принцип; но постепенно оно очищалось от традиционных написаний. И сразу двумя путями: с одной стороны, исчезали одно за другим всякие не

обоснованные языком написания. С другой стороны, в более редких случаях, произношение приближалось к письму: говорили *видют, ценют* — стали говорить *видят, ценят;* говорили *приходилос, приходилса* — стали говорить *приходилось, приходился.* Письмо шло навстречу языку — язык идет навстречу письму.

Чьи интересы важнее?

Можно ли найти что-нибудь хорошее в традиционной орфографии? Кажется, что у нее только одни недостатки. Однако подождем с окончательным суждением; ведь у традиционной орфографии немало сторонников. Надо выслушать их.

Орфография должна облегчать… Бесспорно; только что облегчать: труд пишущих или труд читателей? Проще всего ответить: и тех и других. Ну, а если облегчение для одних неизбежно связано с некоторыми неудобствами для других? Тогда ответ может быть только один: в первую очередь надо беречь читателя. Каждый из нас читает во много раз больше, чем пишет. (Исключения, должно быть, есть, но они дела не меняют.) Следовательно, в первую очередь надо облегчить чтение.

Другой вопрос. Чьи интересы надо учесть в первую очередь, людей грамотных или тех, кто еще учится писать? Сторонники традиционной орфографии отвечают так: учимся письму мы сравнительно небольшую часть жизни, всего несколько лет детства и юности. Остальную часть жизни мы пишем, а не учимся писать. Следовательно, надо орфографию «приудобить» прежде всего к интересам научившихся грамоте, а не к интересам учеников (и, значит, учителей). Мысль эта, думаю, не всем понравится, а все же она интересна и в известном смысле верна.

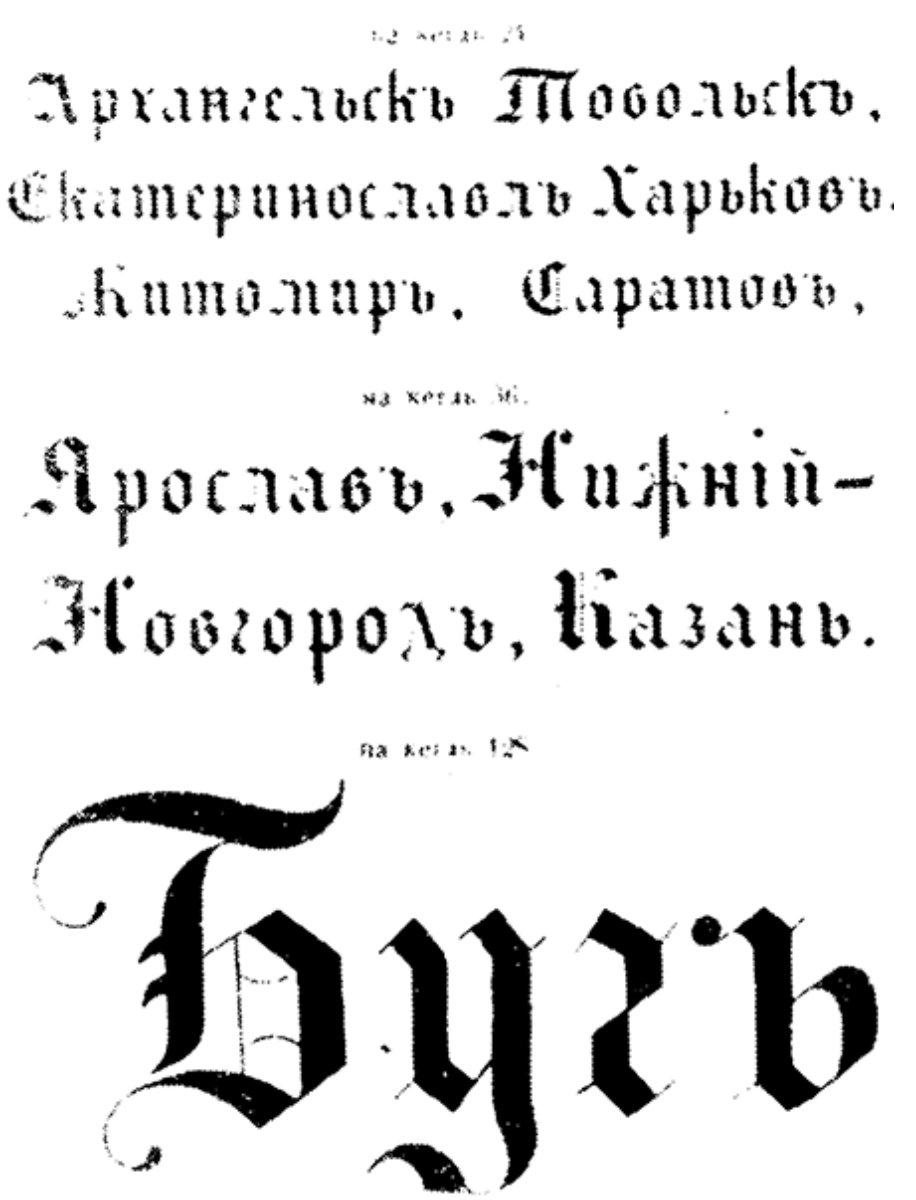
Надо посмотреть, нет ли у традиционной орфографии каких-нибудь достоинств для читателя и притом вполне грамотного. Если эти достоинства велики, то не так уж страшно, что ропщут недоучившиеся писцы.

Фотоклин

При каких условиях читать легче всего? Одно условие уже известно; в Какографополе мы убедились, что написания должны быть стандартны. Но этого мало.

Немецкие книги печатаются до сих пор двумя типами шрифта: готическим и антиквой. Огромное большинство книг печатается антиквой, гораздо реже используется готический шрифт. Готика сильно утомляет глаз, сильнее чем антиква; и причина не только в том, что она менее привычна.

Утомление вызывает низкая контрастность в знаках готического шрифта. Некоторые русские типографии пытались стилизовать русский шрифт под готику; посмотрите, что из этого получилось.



Вы видите, как ничтожна контрастность букв: все они на одно лицо; легко одну принять за другую. В них подчеркиваются такие признаки, которые сделаны общими для всех букв: ломаный характер штриха, утолщенность вертикалей и т. д. Напротив, различительные черты букв сглаживаются.

Чем больше контраст между буквами, тем легче читать. Легче схватить глазом каждый знак, быстрее можно его отличить от других, т. е. узнать.

Каждый новый алфавит и даже каждый новый шрифт (буквы

нового рисунка) сдает экзамен на хорошую различимость. Экзаменуют с помощью «фотоклина».

Вы видели сдвигающиеся дверцы у метро или электрического поезда? Они сомкнутся, стукнутся друг о друга — я остановятся. Теперь представьте: двери эти так устроены, что не стукаются, а заходят друг на друга. Вход уже закрыт, а они продолжают задвигаться одна за другую. И они все целиком стеклянные — из толстого куска стекла; притом закопчены, но не всюду одинаково. Те части, которые первыми заходят друг за друга — совсем прозрачные, а чем дальше от середины — тем законченность сильнее.

Вот дверцы открыты, и за ними посредине стоит человек; он нам хорошо виден. Двери начинают сдвигаться. Сначала сдвинулись светлые части: человек сзади дверей все равно хорошо виден. Но створки продолжают наезжать друг на друга все более и более темными местами. Вот человек виден уже смутно… все более смутно… вот уже не разберешь: человек это или… Полная темнота: ничего не видно. Значит, наехали друг на друга самые закопченные части дверец.

Так и устроен фотоклин. Только он маленький, на столе можно поставить. Рамка со сдвигающимися закопченными стеклами. И смотрят сквозь него не на человека, а на букву. Вначале буква хорошо видна сквозь два сдвигающихся стекла, но постепенно па букву находят все более темные части стекол. В какой-то момент уже нельзя различать, какая это буква. Нельзя прочесть и слово, составленное из таких букв: читающий начнет ошибаться.

На стеклах есть шкала, можно измерить читаемость букв, сравнивать. Так с помощью фотоклина удается точно установить контрастность букв.

При некоторых заболеваниях мозга страдает способность различать пространственные фигуры. Тогда и обнаруживается, что разграничивать знаки — это особая работа нашего сознания, не всегда легкая.

При таких заболеваниях в сознании человека как бы сдвигаются стекла фотоклина, и хотя глаза видят прекрасно, буквы путаются, смешиваются… Больной не может отличить, например, букву *К* от букв С, *П, В, Р.* Их различительные признаки не схватываются сознанием. Рисунок показывает, какие черты букв ускользают от внимания и анализа:

Иногда, после серьезного лечения, удается снова воспитать у больного навыки чтения и письма. И здесь-то обнаруживается: какая это серьезная, хотя обычно и скрытая от нас самих, работа мозга — различение письменных знаков! Больной, например, научился писать слова *каштан* и *капитан* не путая их. Но работа для него оказалась нелегкой: «Палки считаю, когда буквы думаю; тогда и получается верно». Такая работа выполняется и здоровым мозгом — тем легче, чем контрастнее сами зрительные восприятия.

Кегль 6

Можно даже сказать, что самый набор этой книги
ОТРАДАЛ ТЕХНИЧЕСКИМИ НЕДОСТАТКАМИ №1

Кегль 8

Исследование знатоками определило
ШРИФТ НЕ БЫЛ ПРИВЕЗЕННЫМ 123

Кегль 10

Когда подходишь к книгам, тут-то
ПРЕДВИДИШЬ УДИВЛЕНИЕ 65

Кегль 12

Поразительна и изумительна
КРАСОТА ПЕЧАТИ КНИГ 2

Кегль 16

Приводка и оттиски
РАВНОМЕРНЫЕ 42

Кегль 20

ПЕРВОПЕЧАТНЯ

Кегль 24

ПРОЛЕТАРИИ

Кегль 28

ПАРТИЗАН

Кегль 36

МЫСЛИ

Исследование же знатоками дела определило:
В МОСКВЕ ШРИФТ ВЕСЬ БЫЛ ИЗГОТОВЛЕН 5

Кегль 12

Историк говорит о первых книгах:
ОТЧЕТЛИВОСТЬ, КРАСОТА, ЧИСТОТА 2

Кегль 24

В этих первопечатных книгах
ПОРАЖАЕТ КРАСОТА ПЕЧАТИ 39

Кегль 36

Набор самый страдает
И НЕДОСТАТКАМИ ЖЕ 98

Кегль 48

МЕЖДУ СЛОВАМИ №

Кегль 60

ПЕРВОПЕЧАТНИК

Попробуйте сами проверить, какой шрифт: рубленый (сверху) или маршал (снизу) — обладает лучшей читаемостью. Где различимость букв и слов больше? На сколько шагов вам надо отойти, чтобы перестали читаться подписи одного и того же кегля этих двух шрифтов? (Сравните, например, там и там надпись кегля 12, или 16, или 20, или 28, или 36)

Прожектеры и дилетанты

Прожектёры то и дело предлагают новые системы письма; например, заменить буквы набором простых палочек — стрелок:

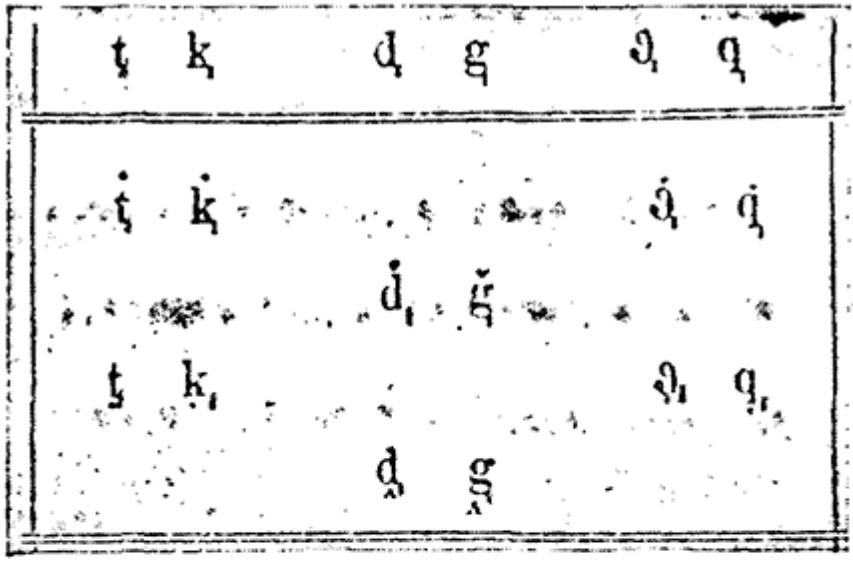
Оказывается, таких стрелок с наконечниками, по-разному надетыми, хватит для замены всех наших букв. Это верно: хватит. Но разбирать при чтении, где какой наконечник надет — дело мучительное и долгое. Изобретатель обрадовался, что придумал простое письмо; он не подумал: для кого простое? Очевидно, только для изобретателя, потому что не потребовало у него никакого напряжения мысли.

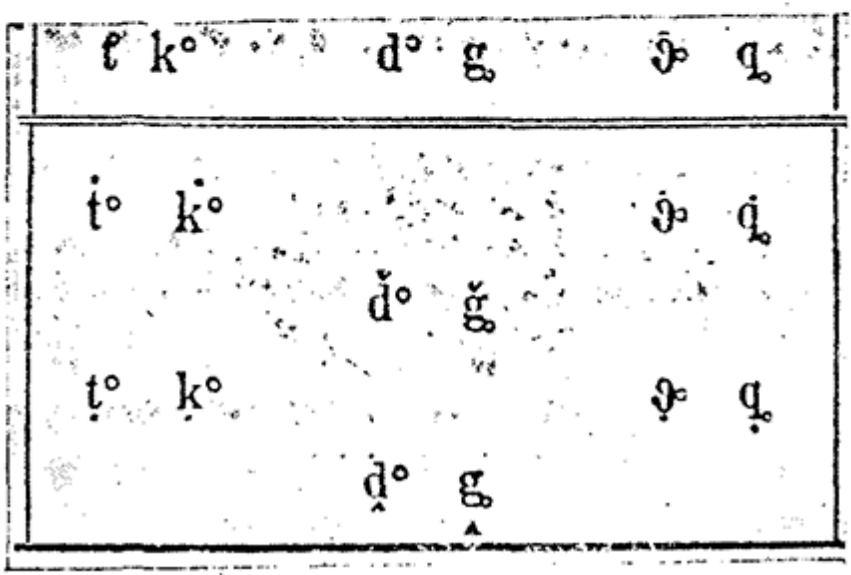
Иногда такая прожектерская беспечность стоит довольно дорого.

После революции стали создаваться на Кавказе письменности для разных горских народов. Вначале дело шло стихийно и кустарно. «Одни придумали писать русскими буквами, а когда букв не хватало, то ставили над подходящими, как им казалось, русскими буквами точечки, черточки, запятые, ударения и сверху и снизу. Строки выходили такие, как будто над буквами мухи сидели, — и наши изобретатели были довольны.

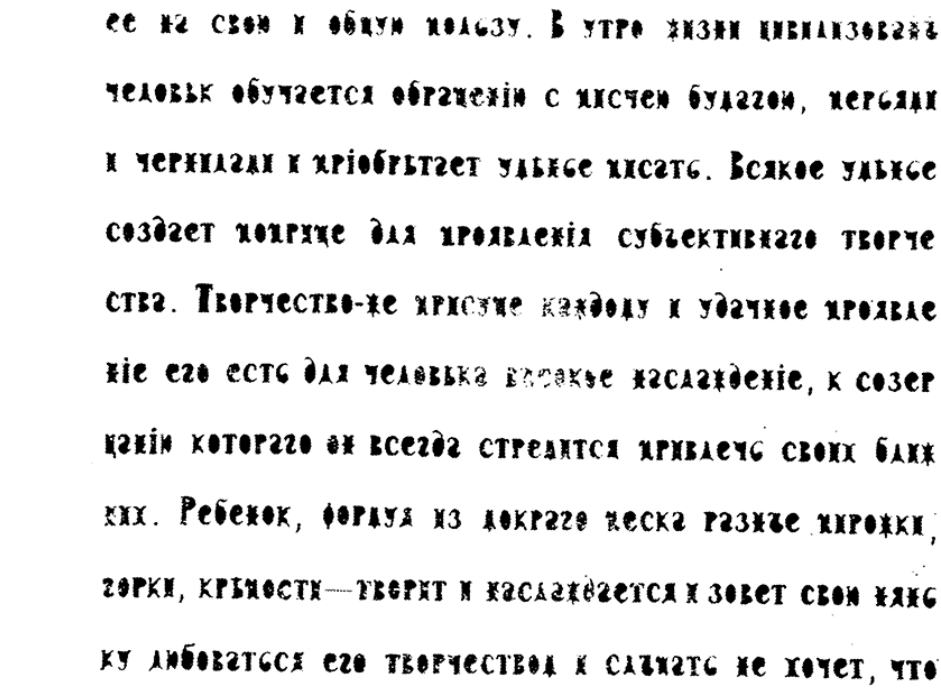
Но вот беда, возьмет такую рукопись другой грамотей и ничего в ней понять не может. То, что казалось подходящим одному, для другого совсем не подходит: он вместо точек ставит черточки и не снизу, а сверху, — и ни одного слова не может прочесть новый грамотей из того, что написал его приятель». Чуть не для каждого языка появилось сразу по несколько азбук; что же выбрать, на чем остановиться? «Конечно, больше всего в этом деле понимают сами составители азбук, раз уж они трудились над этим вопросом и многие из них — уважаемые люди и из хороших фамилий… Да вот беда: уж очень упрямы эти составители, — стоит каждый на своей азбуке и баста!»[51].

Кустарное, любительское создание письменностей добрых плодов не дало. Решили обратиться к известному кавказоведу Н. Я. Марру и просить его создать алфавит для одного какого-нибудь кавказского языка. Он послужит образцом для других алфавитов. И Марр создал «абхазский аналитический алфавит». Вот он какой:





Алфавит очень плох. Марр не был специалистом по теории письма, и работа его оказалась совершенно дилетантской. Не буду говорить о всех недостатках «аналитического алфавита». Бросается в глаза один явный его порок: буквы малоконтрастны. Фигуры у многих из них совсем одинаковы, и на каждой сидит по нескольку дополнительных значков[52]. Каждую букву при чтении надо разглядывать, с трудом отличая от другой; писать их тоже неудобно.



Один чудак рассуждал так: чем больше в букве черноты, тем больше точек для восприятия- глазом, тем легче читать. Он предлагал печатать книги так, как показано на рисунке. Разбираете? Затея этого манилова неудачна (Вы заметили, что и стиль у него немножко маниловский?). Ведь буквы воспринимаются легко, не потому что они черным-черны, а потому что контрастны, непохожи друг на друга. А здесь все они на одно лицо (сравните буквы п *и* и, е *и* с, ж *и* щ, ж *и* н…)

И такой алфавит предлагали пароду, который впервые приобщается к письму! Обстановка на Кавказе была трудная: против письма на родном языке яростно восстали муллы и религиозные фанатики. В некоторых аулах учебники, написанные не по-арабски, попросту расстреляли из ружей, как воплощенье дьявола.

Новый алфавит должен был бы собою, своим видом, своей простотой, ясностью убеждать в пользе нового письма. А он отпугивал. Помучились с ним несколько лет и отказались от него. За пренебрежение к теории письма заплатили дорогую цену.

Чтение бегом

Читать легко, если легко различать отдельные буквы. И слова. Каждое слово на письме имеет свой графический облик. Мы ведь слова читаем не по буквам: схватываем общий рисунок слова, его графический силуэт.

Проверить это нетрудно. На следующей странице (не открывайте ее!) напечатано несколько слов. Не открывайте же страницу, пока не узнаете, что надо сделать!

Надо эти слова прочесть, но мгновенно, за кратчайшее время, Вы знаете, как иногда перелистывают страницы: согнут брошюрку в трубочку и быстро отпускают один лист за другим, один за другим лист распрямляется… И быстро следующий лист закрывает предыдущий. Вот так согните книжку и быстро опускайте страницы. . пусть мелькают перед вами. На правой стороне вы увидите крупно напечатано: ПЕТУХ — и еще 3 слова. Прочтите их в тот миг, когда промелькнут перед вами страницы. Если не успели все слова прочесть — снова так же быстро перелистайте… Ну вот, теперь вы их прочли; откройте же снова страницу со словом *петух* и внимательно посмотрите. Вы прочли не совсем верно. Вы уловили только общий очерк слова и по нему догадались — какое оно. А оно не совсем оправдало ваши ожидания.

Теперь другое такое же простое наблюдение. Читайте дальнейший текст вслух, пока не встретите знак: три звездочки. Только сразу вслух, без подготовки!

Авдифакс, Голиндуха, Аскитрея, Репсилия, Епафродит, Ерминингельд, Довмопт, Акепсим, Иувентин, Кандидиан, Авдиес, Агафопод, Азадан, Крискентия, Ексакустодиан, Каллиникия, Мастридия, Фервуфа, Феликиссим, Павсилипп, Евникиан, Варахисий, Варипсав, Гаведдай, Евсхимон, Елевферий, Еванфия, Нунехия, Фомаида, Хариесса, Иракламвон, Евсхимон, Крискентиан…

Я подобрал… (продолжайте, продолжайте читать вслух, до трех звездочек далеко)… я подобрал редкостные имена; раньше ими, может быть, и называли детей — эти имена были в святцах, — а сейчас вряд ли кто ими соблазнится. Скорее девочку назовут Идеей, а мальчика Витамином, чем изберут звучные имена Голендухи или Варахисия. Чувствуете, как легко стало читать? А пока читали список диковинных имен, вам приходилось особенно напрягать внимание, и несмотря на это, у вас были ошибки в чтении, вы читали и поправляли себя. Или же, читали замедленно…

* * *

Незнакомые имена поневоле пришлось читать буква за буквой. Вы не могли их узнать по общему знакомому очертанию, по их целостному облику.

Вы проверили сами, чем отличается чтение побуквенное, чтение шагом от чтения бегом — когда не на каждую букву опирается глаз, а иногда перескакивает через несколько сразу. Так мы обычно и читаем (даже если читаем внимательно, вдумчиво) — побуквенное чтение нам в тягость.

Промышленность

Есть одна профессия, которая требует, чтобы при чтении глаз охватывал все буквы, а не только общее очертание слова. Это профессия корректора. У корректоров есть свои приемы такого чтения. Существует, например, «корректура с пальцем»: корректор водит пальцем левой руки по оригиналу, от буквы к букве, а пером в правой руке — по корректуре, читая и то, и другое (так описывается этот вид корректирования в одном учебнике).

Но и при таком чтении не все опечатки удается поймать: сказывается сильная привычка читать целыми словами. «Трудно улавливаются ошибки в сочетаниях букв, выходящих ниже строки (буквы *р, у, ф),* а также в словах, где рядом оказываются буквы, состоящие из двух или более вертикальных штрихов *(п, н, и, ш, щ)*. Поэтому в таких словах, как *трудность, шурф, совокупность, скупщик* и т. п., где есть сочетания *ру, урф, пн, пщ* и т. п., нужна тщательная проверка.

Особо настороженным должен быть корректор к слову *промышленность,* если оно набрано ручным крупным шрифтом — кеглем 12 и выше. Дело в том, что в шрифтах этого кегля обычно нет буквы *ы.* Она составляется наборщиками из Двух литер — мягкого знака и единицы (римской). Нередко наборщики забывают вставить единицу, и получается *промышленность*… можно пять раз подряд небыстро читать это слово и не заметить ошибки»[53].

При чтении бегом, которое для нас привычно и естественно, очень важно, чтобы печатный облик каждого слова был резко характерен, отличался от физиономии всех других слов.

Есть слова, которые почти во всем похожи друг на друга, отличие — в одной, в двух буквах:

пена — пень
тело — тёлка
слезам — слезать
Федр[54] — Фёдор
тешить — тесать
миро[55] — мира.

Таких слов очень много. Они могут быть легко приняты одно за другое. И поэтому на них больше расход внимания, чтобы верно узнать их облик. Мы не замечаем, что тратим на них «добавочное» внимание, но все же это так. Встречайся такие слова пореже, у нас и глаза утомлялись бы меньше, и не было бы лишнего напряжения внимания.

Снова хочу подчеркнуть: речь идет о неизмеримо малом; но это малое незаметно для нас складывается в нечто весьма значительное. Мы не замечаем утомления, когда читаем. Но то, что нам незаметно, на самом-то деле существует. И мешает.

Представьте: в комнате температура несколько выше привычной, свет не очень хорош… Все только чуть-чуть отклоняется от нормы, и работники в этой комнате, возможно, просто не замечают этих отклонений. Но отклонения существуют. И если в конце дня сравнить утомление тех, кто работал в этой комнате, и тех, кто был в нормальных условиях, разница бросится в глаза. Утомление у работников из нашей не совсем нормальной комнаты окажется явно большим. Каждую минуту им приходится преодолевать ничтожно малую дополнительную нагрузку, но это — в течение всего дня.

Так и при чтении. Было бы очень важно уменьшить утомление, усилив контраст между словами: (Вы помните? Контрастность букв облегчает чтение; так же облегчит его и контрастность общего облика слов).

Досадные очитки

Когда мы быстро читаем, часто возникают очитки (так же как при быстром письме возможны описки). Мы едва замечаем их, тут же поправляемся и бежим дальше глазами по странице… Читая газету, я попытался заметить, какие у меня очитки:

> лерею. Стоило даже неделю леденеть в подземной реке, чтобы увидеть эту картину. Сталактиты украшают потолок, вдоль стен тянутся огромные полки из чистого кальцита.

Прочел было: *огромные потолки…* вместо *полки.* Строчкой выше ведь есть слово *потолки,* оно и сбило.

> вать глаза на факты. Деголлевская печать выражает притворное удивление и пытается внушить, будто атомные хлопушки французской ударной силы не содействовали превращению женевских переговоров о прекращении ядерных испытаний в фарс, в комедию. Эти газеты забывают упомянуть

Вместо *превращению* прочел *прекращению* и сейчас же поправил себя.

> неестественный. Но суровая действительность состоит в том, что именно теперь, когда созданы необходимые условия для быстрого прогресса, человечество оказалось на грани новой военной трагедии

Прочитано: *процесса* вместо *прогресса.*

> В докладе секретаря комитета комсомола Виктора Киселева и в выступлении директора завода Василия Прокопьевича Ромашина был затронут «больной» вопрос о трудовой дисциплине, потерях от

Здесь чуть было не прочел неверно: Прокоповича (у меня был знакомый по фамилии Прокопович), но на ходу переменил чтение.

> разрушения. С тех пор достигнут так называемый прогресс в развитии методов разрушения, а благодаря

радиоактивности могут возникнуть ужасные последствия для будущих поколений. Вот почему мы настолько озабочены тем, что в прошлом имели место ядерные испытания, что мы призываем к их прекращению. Какие бы

Прочел *несколько* вместо *настолько.* И здесь же: начал читать с разбегу *превра…* — исправил: *прекращению.*

Не буду продолжать; всего таких очиток на один номер газеты приходится не так уж мало.

Хорошо, если орфография страхует от большинства очиток. Это возможно при одном условии: если письменные облики слов достаточно разнообразны и контрастны. Я бы не прочел *несколько* вместо *настолько,* если бы эти два слова меньше походили друг на друга, если бы, например, писалось:

нЂсколько — насколько.

Приметная буква Ђ с высокой мачтой не позволила бы одно спутать с другим.

Вовсѣ — вовсе — во всѣ — во всё

И вот оказывается, что традиционный принцип в орфографии помогает более резкому разграничению слов. Смотрите:

пѣна — пень,
слезам — слѣзать,
тѣшить — тесать,
тѣло — тёлка,
Федр — Ѳёдор,
міро — мира…

Традиционная орфография сохраняет те отличия, которые уже исчезли из живого языка. Поэтому традиционная орфография всегда означает яркую различаемость слов[56]. Спросят: если какие-то отличия исчезли из живой речи, а все-таки она понятна слушателю, то зачем они в письме?

Разговариваем мы всегда в определенной обстановке, которая сама много сообщает говорящему. Кроме того, есть воздействие интонации, мимики; кроме того — возможность переспросить… Все это помогает сразу и без труда понять собеседника. А письмо должно полагаться только на свои силы — и поэтому письменная речь, лишенная могучих и многочисленных помощников, всегда требует большей различительности, большей противопоставленности знаков, чем устная речь. Что для устной речи не нужно, излишне, избыточно, то полезно для письменной речи.

Современное.	Строго-историческое.
Отъ прежняго времени утвердилось много и добраго и худого.	Отъ прѣжьняго врѣмени утвръдило съмъного и добраго и худаго.
Нельзя дверь растворять безъ разрѣшенія.	Нѣ льзя двьрь растворять безъ разрѣшения.
Входъ въ лѣтній, плохой, старый домъ воспрещенъ.	Въходъ въ лѣтьнии, плохыи, старыи домъ въспрѣщенъ.
Летаютъ пчелы и птички.	Лѣтажть бъчелы и пътичькы.
Гдѣ здѣсь мелочная лавка?	Къде сьдесь мѣлочьная лавъка?

Фонетическое упрощенное.	Проектированное новое.
Ат прежнева времени утьвердилас многа и добрава и худова.	От прежнего времени утвердилось много и доброго и худого.
Нельэьа дьверь растваръать без разрешэнийа.	Нельзя дверь разтворять без разрѣшения.
Фхот в летний, плахой, старай дом васпрещон.	Вход в летней, плохой, старой дом воспрещон.
Летают пчьолы и птичьки.	Летают пчолы и птички.
Где зьдесь мелачьнайа лафка?	Где здесь мелочная лавка?

В книге Д. Н. Ушакова «Русское правописание» (М., 1911) сопоставляются разные типы правописания. Посмотрите и сравните их. Строго историческим здесь названо то правописание, которое мы называем традиционным

Традиционная орфография иногда позволяет различать слова, которые в речи совершенно совпадают по звучанию. Вы знаете их: *ожог* и *ожёг, Орел* и *орел, Любовь* и *любовь*. В старой нашей орфографии таких случаев было гораздо больше. Один из сторонников буквы Ь составил такой списочек:

сѢлъ — селъ (мп. ч. от *село)*
во всѢ — во всё
сѢло — село
вѢдѢние — веденіе
извѢсти — извести
ВѢна — вена
Ѣсть — есть
отвѢсны — от весны
в овсѢ — вовсе

и так далее: список длинный[57].

Сторонники традиционной орфографии все время подчеркивают ее основное (и, вероятно, единственное) достоинство: она увеличивает контрасты слов, она позволяет письменно разграничивать одинаково звучащие слова. Крупный теоретик орфографии Я. К. Грот писал: «Чем менее будет случаев возможного смешения понятий в письменном изображении слов, тем письмо будет совершеннее. Для избежания такого смешения служит часто и употребление буквы Ь в окончаниях слов. Так отличаются например формы: *искреннее* и *искреннѣе, свѣжее* и *свѣжѣе, синее* и *синѣе, в поле* и *в полѣ* [58].

Староста Цап

Иногда эту заслугу традиционной орфографии даже преувеличивали. Вот рассказик, помещенный в одном старинном журнале. Этот журнал яростно нападал на всех, кто пытался освободить наше письмо от буквы ъ.

В Перемышле был старостою некий Сар (Sar), чех по национальности. Однажды приходит он в гости к Григорию Яхимовичу, епископу. И когда, попивая чаек, они заговорили на ученые темы, староста давай толковать, будто в русской азбуке много лишних букв, например твердый знак. «Владыка берет лист бумаги, пишет на нем: *Сар* — и отдает оное старосте для прочитанья. Тот читает, конечно, *Цап,* однако ученый владыка оспоривает и утверждает аподиктически, что то родовое имя старосты (а цап по-украински означает козел). Староста, разумеется, вытаращил глаза и говорит, что хозяину но годится так обижать своего гостя. Но владыка, милостиво желая его образумить, добавляет снисходительно до слова *Сар* букву ъ*:* Саръ, и тем наставляет гостя о превеликом значении «ничтожненькой» буквы ъ. Добродушный Сар убедился и никогда больше не выступал против буквы ъ».

Так ъ помог разграничить латинское сочетание букв *Сар* и русское *Саръ.* Однако искусственность этого рассказа бросается в глаза. Нарочно выбран Перемышль — город около границы между польскими землями и украинскими, где равно употребительны были и русское и латинское письмо. Нарочно взято слово вне контекста — ведь любое соседнее слово показало бы, какой это текст, русский, украинский или польский.

Да, традиционные написания индивидуализируют общий облик слов — и тем облегчают чтение. Но велик ли выигрыш?

В разных языках он может быть различным. Например, во французском языке омонимов[59] значительно больше, чем у нас. И разграничивать их в письме есть большая нужда, нежели в нашей орфографии. Вот ряд омонимов; звучат они одинаково, но имеют разное значение: *sang, sens, cent, sans, sens, sent, s'en, (per)çant.* Таких рядов во французском языке очень много. Хорошо, что традиционная орфография их разграничивает.

Есть смысл в том, чтобы эти однозвучные слова, встречающиеся стаями, писать по-разному, используя возможности традиционной орфографии. У нас же они встречаются не так часто, и поэтому необходимость в традиционных написаниях у нас значительно меньше.

Художник и хѫдожник

Традиционные орфограммы разнообразят письменный облик слов — и тем облегчают чтение. Хорошо. Но до какой же степени надо увеличивать контрастность слов? Если идти по этому пути, не останавливаясь, то можно забрести очень далеко.

Многие и забредали. Один чудак предлагал различать написания *борются* и *борятся: борются* материально, мускульно, например боксеры; по *борятся* с предрассудками; так же *надеются* и *надеятся.* И не только сам так писал этот чудак, но и в учебниках своих, в руководствах настаивал на таком различении. Верно, что слово *борются* употребляется в разных значениях; но различия всегда ясны из *контекста.* Зачем *же это чрезмерное* усердие?

Излишнюю склонность к разграничительным написаниям хорошо осмеял один из учителей:

> Уже Грот «установил» различие между *масляный* и *масленый, ветряныи* и *ветреный* и проч. Создаются уже «ученые» споры. Грот ест *масляную* кашу на *масленой* неделе, а Кирпичников[60] — *масленую* кащу на *масляной* неделе. Остается изобретательным умам предложить во славу науки *за-сыпатъ* яму, но *засыпать* в полночь, или отличать *произведение* сомножителей от *произвидения* Пушкина, или *произвѢдения* шума и *произведѢния* фабрики и т. д.

Роман Брандт иронизировал: если так уж нужно все орфографически различать, то надо восстановить древние буквы Ѫ (юс большой) и Ѧ (юс малый). И писать: *художникъ* — если художник хороший, и *хѫдожникъ,* если он плохой.

Шутки-шутками, а все же верно: по дорожке разграничения можно далеко зайти. Ну, например, настаивать на использовании букв, употребляющихся только в одном слове: буква сразу будет отличать такое слово от всех других. (С ижицей почти что так и вышло: она была более или менее обязательна только в слове мvро.)

Где же остановиться? До какой степени надо содействовать разграничению написаний? Традиционный принцип сам по себе не может указать границу, Значит, он явно недостаточен, на нем не построишь орфографию.

Интересы пишущего

Сторонники традиционной орфографии исходят из предположения, что надо защищать интересы читателя, а не интересы пишущего. В этом есть доля правды.

Но традиционная орфография, немножко облегчая чтение, сильно затрудняет письмо, особенно — обучение письму. Ученик должен запомнить сотни и сотни орфографических иероглифов! Небольшой выигрыш читателя не оправдывает огромные проигрыши учеников и учителей, — тех, кто учится и учит писать.

Наша дореволюционная орфография была барьером, который затруднял доступ к культуре широким народным кругам. Педагог, методист, просветитель Н. Ф. Бунаков писал:

> В большинстве наших народных школ всякие иные письменные упражнения, кроме списывания и диктовки, или вовсе отсутствуют, или доводятся до безрезультатного минимума, особенно в старшем отделении, которое учится третий год и готовится к сдаче экзамена. Учитель, по необходимости, ежедневно, с утра до вечера, душит этих третьегодников диктовкой, которая, в конце концов, надоедает способным и живым крестьянским ребятам хуже горькой редьки. Ведь добиться ко дню экзамена удовлетворительного условного правописания… — дело не легкое. Это настоящая каторга для учителя. Сколько тратится свежих сил и дорогого времени ради этой погони за буквой Ь, за окончаниями *ые, іе, ія и* т. п.! Сколько полезного можно бы сделать для жизни с этими свежими, молодыми силами в это дорогое время! И что же выходит? Правда, что некоторые из учеников, по большей части не из самых даровитых и живых, действительно на экзамене напишут диктовку почти без ошибок…но те же ученики через неделю после экзамена пишут Ь в слове *этот…,* написать же толковую записку о том, что в селе появилась на рогатом скоте болезнь и требуется помощь земского ветеринара, совершенно не в состоянии, а если напишут, то не только с ужасающей безграмотностью, искажением слов и без знаков препинания, но и без всякого смысла.

Применять традиционный принцип в орфографии — это значит выиграть грош в пользу опытного читателя и почти до

нитки разорить ученика, который учится писать. Несправедливо это.

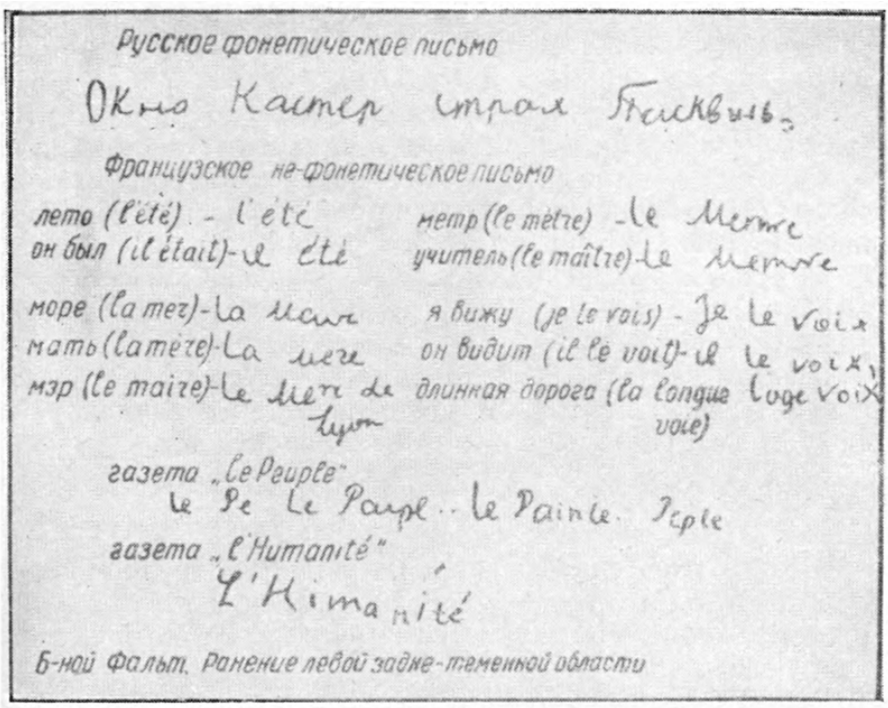
В одиночку, без помощников…

В чтении и письме участвуют разные неровные механизмы. Когда мы пишем, то проговариваем про себя каждое слово; этим мы контролируем свое письмо. Такой самоконтроль (мы-то его обычно и не замечаем) необходим: без него письмо расстраивается, «Проговорочный» контроль неизбежен и при чтении, хотя бы мы и читали не вслух.

При внутреннем проговаривании, как показывают опыты физиологов и психологов, всегда есть движение языка и губ, очень незначительное, очень слабое — но приборы его улавливают. Иногда это даже не движение, а только слабое мускульное напряжение; оно вполне достаточно, чтобы осуществить самоконтроль за чтением, письмом.

Этими движениями, их согласованностью и стройностью руководит особый участок мозга (заднецентральная область коры больших полушарий). Бывает, что именно эта область поражается болезнью. Тогда нарушается движение языка и губ, расстраивается механизм внутреннего произношения. Если больному нужно прочитать про себя или произнести более или менее сложное слово, у него возникают затруднения: язык легко соскальзывает с одного движения на другое, ненужное, мешающее. «Благодаря этому, слово, произнесенное им вслух или про себя, обессмысливается. Больной, читающий про себя слово «халат» как *хадат* или «половина» как *половита,* естественно затрудняется в понимании этих слов»[61]. И чтение и письмо при этом расстраиваются.

Другой участок мозга ведает зрительными восприятиями человека. При поражении этой части коры больной не в состоянии ориентироваться; «выйдя в коридор, он не может снова найти свою палату или свою койку; он не может отличить правую сторону от левой;…не может правильно застелить свою постель, размещая одеяло не вдоль, а поперек постели»[62]. Письмо при этом разрушается: больной забывает облик многих букв, искажает форму других, пишет не только слева направо, но и справа налево, не замечая этого.


Русское фонетическое письмо
Окно Кастер стрит Бостквиль
Французское не-фонетическое письмо
лето (l'été) - l'été
он был (il était) - il été
море (la mer) - la mer
мать (la mère) - la mère
мэр (le maire) - le maire de Lyon
метр (le mètre) - le mètre
учитель (le maître) - le maître
я вижу (je le vois) - je le vois
он видит (il le voit) - il le voit
длинная дорога (la longue voie) - la longue voie
газета „Le Peuple"
газета „L'Humanité"
L'Humanité
Б-ной Фальт. Ранение левой задне-теменной области

Наконец, в левой височной области располагается контроль слухового восприятия. Если поражена эта часть мозга, больной пишет *редид пцида* вместо *летит птица* — и не может заметить свою ошибку.

Профессор А. Р. Лурия рассказывает об одном больном, у которого был поражен тот участок мозга, который управляет зрительным восприятием. Больной без труда писал русские слова, придерживаясь часто фонетических написаний (типа *кастер)*.

Этот больной владел и французским языком — не в меньшей степени чем русским. Но французское письмо у него было полностью разрушено. Французские слова mer, mère, maire, звучащие одинаково, он и пишет одинаково; на рисунке это видно. Следовательно, больной справляется с фонетическими написаниями[63] и не справляется с традиционными «иероглифами». Французская орфография традиционна; запомни начертание каждого слова и не спрашивай, почему оно так пишется. А у больного как раз поражен зрительный анализ[64].

Русское письмо — не традиционное; оно требует участия не только зрительного, но и слухового анализатора, и даже мускульного (при молчаливом проговаривании слова). И это хорошо: одна система проверяет и дополняет другую, каждая облегчает работу всех остальных.

А при письме традиционном вся надежда на одну зрительную систему, у нее нет помощников; на это прямо указывает изучение мозговых заболеваний и травм.

Нельзя считать это достоинством традиционной орфографии; никак нельзя. Труднее работать в одиночку, и ошибок всегда больше — нет взаимоконтроля.

* * *

Общий итог складывается не в пользу традиционной орфографии. Мало в ней хорошего. Надо искать дальше и найти такой орфографический принцип, который был бы наилучшим для нашего языка…

Глава 4. Хорошая орфография

Новые поиски

Итак, снова в путь — за полноценным орфографическим принципом. Положишь его в основу орфографии — и писать легко, и читать легко… и учиться письму нетрудно.

Пока мы такого принципа не нашли. Многие говорят — хорош морфологический принцип орфографии.

Сущность его в том, что. смысловые части слова пишутся всегда одинаково. Каждый корень, приставка, окончания имеют неизменный буквенный облик.

Мы говорим:

гəлава — галофка

за гəлəву — голəвы —

гэлавёнка = гылавьонка —

5 галоф — галовəк…[65]

Корень здесь очень переменчив, но ведь это один и тот же корень, поэтому вместо всех его разновидностей не следует ли избрать одну и писать всегда одинаково: *голов-а, голов-ка голов-енка* и т. д. Это как раз отвечает морфологическому принципу.

Смущает только одно: почему избрали именно *голов-?* Вопрос требует ответа.

И другой вопрос, более серьезный: а зачем вообще-то стремиться к тому, чтобы каждый корень всегда писался одинаково, чтобы каждая приставка имела во всех словах одинаковый буквенный вид?

Поищем сначала ответ на второй вопрос, более важный.

Весьма укрепленный окоп

В середине XVIII века вышла книга В. Тредиаковского «Разговоръ между чужестраннымъ человѢкомъ і россійскімъ объ ортографіи». Можно удивляться языку этой книги (он во многом устарел), можно не соглашаться с некоторыми доводами Тредиаковского (иногда они наивны), но нельзя отрицать, что орфографическое исследование Тредиаковского замечательно, и глубоко, и ярко по своей мысли.

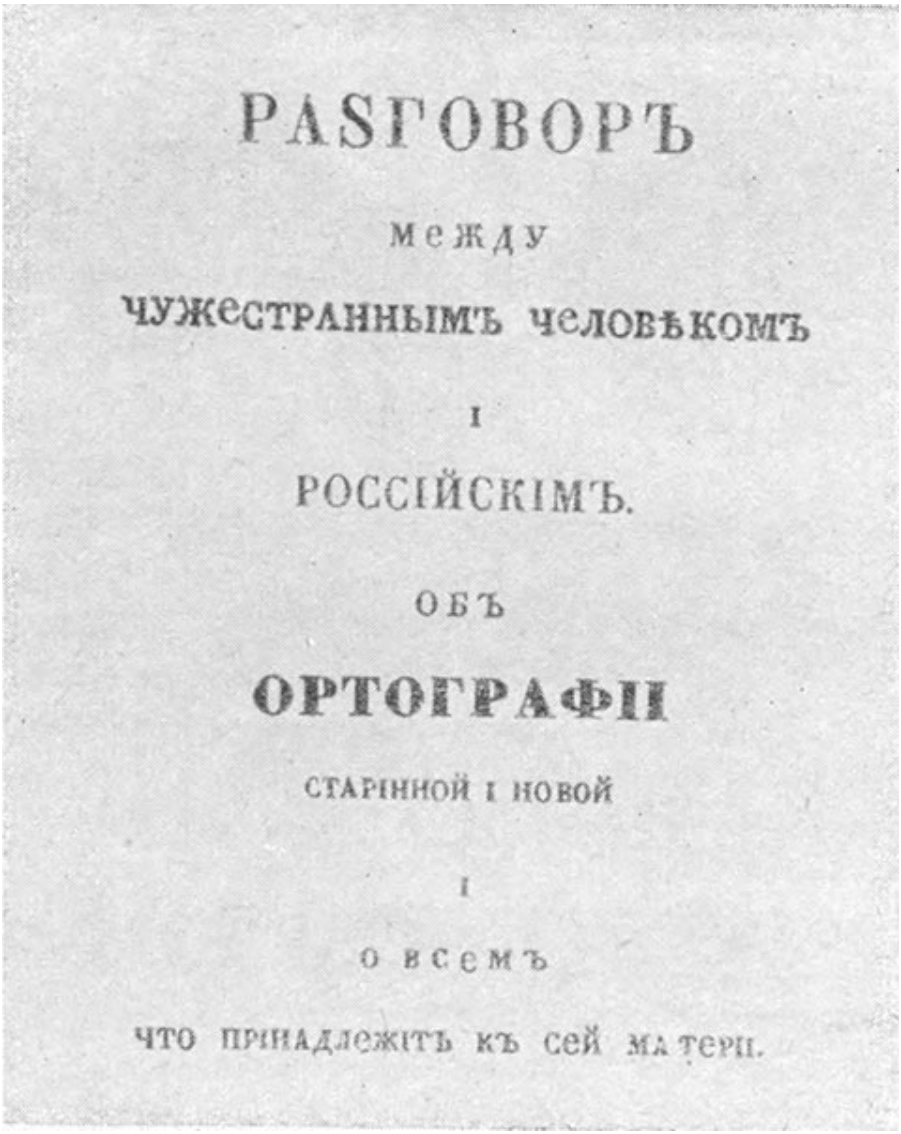
Он не создал теории русского письма; он только поставил вопросы, на которые надо было ответить. Вопросы касались самых основных сторон нашей орфографии, и ответить на них не так-то легко.

Он впервые задумался: а надо ли добиваться, чтобы корень всегда писался одинаково? Чтобы приставка всегда имела одно и то же буквенное выражение? Чтобы у какого-нибудь окончания всегда было то же самое лицо?

Разумных оснований для этого Тредиаковский не нашел. Почему пишем *головка, хлеб?* Чтобы было видно, какой у слова корень? «Да не нужен корень в ортографии — О! вы, господа преизящные! Нет ей дела до знаменования слов!» — писал Тредиаковский.

Эта позиция казалась ему совершенно незыблемой, неуязвимой. «Дерзновенно скажу: никто не может выбить меня из сего окопа или пробить хотя бы небольшой пролом в его крепость!»

Выбить Тредиаковского из его окопа можно было только одним путем: доказать, что в письме необходимо обозначать именно корни, приставки, окончания (а не звуки или что-нибудь еще).


РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ

ЧУЖЕСТРАННЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ

І

РОССІЙСКІМЪ.

ОБЪ

ОРТОГРАФІІ

СТАРІННОЙ І НОВОЙ

І

О ВСЕМЪ

ЧТО ПРИНАДЛЕЖИТЪ КЪ СЕЙ МАТЕРІИ.

Титульный лист книги В. К. Тредиаковского

«Какое в нас справедливое радение о начинающем учиться отрочестве? — спрашивал Тредиаковский. — Не обманываем ли мы их, посадив за азбуку, говоря, что *б* есть *б,* а не *п…,* а натвердив им сие с великою трудностию, потом учим писать *хлеб*… Не противно ли это к детям любви и попечению о них нашему?»

Как видно из этих слов, Тредиаковский был сторонником фонетической, звуковой орфографии. Он, действительно, предлагал писать «по звонам»; мы знаем, что это неудачное предложение. Об этом я рассказывал во второй главе.

Положительные предложения Тредиаковского неубедительны; но его сомнения в пользе морфологической орфографии, его критика этой орфографии были серьезны — и требовали серьезного ответа.

Но ежелібъ вы слѣдующее мнѣ въ сопротівленіе сказалі, что всего у насъ невозможно пісать по звону, для того что во многіхъ производныхъ не віденъ будетъ корень первобразныхъ; напримѣръ, отъ *слъдую*, ежелі пісать по звону *слътствіе*, а не по произведенію *слъдствіе*; то *слътствіе* імѣетъ происходіть отъ *слътую* не употребітельнаго глагола, а не отъ *слъдую* употребітельнаго. Съ другой стороны, во многіхъ же словахъ пропадетъ разлічіе, которое въ ніхъ дѣлается літерамі, такъ что, будучі составлены разнымі буквамі, ізрядно означаютъ разныя вещчі: а по звону напісанныя, понеже ізъ одніхъ і тѣхже пісменъ состоять долженствуютъ, не токмо не будутъ означать разлічныхъ вещчей, но сімъ самымъ превелікое смѣшеніе въ языкѣ учінятъ. Напримѣръ, слово *родъ* (*genus*), буде напішется по звону *ротъ*; то не будетъ імѣть разлічія съ словомъ *ротъ* (*os*, *bucca*), которому надлежітъ у насъ пішему быть чрезъ (т).

Весьма, г. м., я чувствую сілу сего сопротівленія. Однако, понеже сіе праведно, по Квінтіліанову правілу, *такъ пісать надлежітъ, какъ звонъ требуетъ*, і по моему, *каждая буква собою ізъявляетъ ту прічіну, (то есть, опредѣленный знакъ точно сего, а не того звона) по какой требуетъ ея сіе наіпаче, нежелі другое мѣсто склада:* то, какое сопротівленіе мнѣбъ ні предлагаемо было, я всегда отвѣтствовать буду, что, *праведные і правільные пісать по звону*, не взірая ні на какія затрудненія. Что мнѣ нужды, что произведенія корень віденъ не будетъ? Старается лі о кореняхъ все общество пішущіхъ, которымъ невозможно пісать безъ правілъ ортографіческіхъ, а основательнѣй-

которые і самі съ греческагожъ образца, въ нашей безполезнаго; ілі напослѣдокъ слушаемся такъ называемыхъ Педантовъ, которыі катонскою важностію, і какъ толстымъ, такъ і тіхімъ голосомъ, ізмѣреннымъ ешче прітомъ по лінѣйкѣ ціркулемъ, і по компасу на румбъ поставленнымъ, опредѣляютъ, что *корень всѣхъ словъ всѣмъ есть очень нуженъ*. Но не нуженъ корень въ ортографіі, о! Вы господа преізящныі: нѣтъ ей дѣла до знаменованія словъ: она разсуждаетъ только о буквахъ і складахъ. Пускай доісківаются кореня въ словахъ тѣ, которыі далѣе мудрствуютъ ортографіі.

Чуж, Стойте, г. м.: я не Педантъ. Какъ хотіте вы і съ німі. Однако, слово *предпочітаю* напрімѣръ пішутъ такъ, а выговарівають *претпочітаю*, тоесть, (д) пішутъ, а выговарівають (т). Сіе праведно, і бесспорно: ібо і ортографія также *обыкновенію служітъ*, [1]) какъ любімый вашъ говорітъ оныйже Квінтіліанъ.

Рос. Служітъ, г. м.. ортографія обыкновенію, да *часто она і перемѣняется*, [2]) тоесть, длятого перемѣняется, что обыкновеніе хочетъ, какъ въ премногіхъ разумныхъ головахъ і пісателяхъ, наібольше съ разумомъ быть согласно: інако весь бы способъ пісанія былъ слѣпо, на угадъ, і на отвагу. Ібо ежелі разумъ такъ разсуждаетъ, для обшчаго нашего согласія, что (съ) не значітъ (съ), а въ словѣ напрімѣръ образъ выговарівается (съ): то разумъ непреодолѣемое імѣ-

[1] Verum orthographia quoque consuetudini seruit. lib. I. cap. 7.

[2] Ideoque saepe mutata est. Id. ibid.

Две страницы из книги В. К. Тредиакоеского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии»

Такого ответа не было. Ломоносов, сторонник

морфологического письма, заявил: писать надо так, чтобы «не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений». Сказано твердо, категорически и… никак не обосновано.

Что имел в виду Ломоносов? Слово *лавочник* произведено от *лавка;* пускай самое написание указывает их связь («произвождение» этих слов). С этой целью и пишем *лавка,* а не *лафка* или как-нибудь иначе.

Вслед за Ломоносовым то же мнение высказывали многие ученые, писатели, публицисты. Высказывали, но не доказывали. И оставался без ответа вопрос Тредиаковского: зачем добиваться, чтобы корни писались одинаково? Какая от этого польза?

Корень одного и того же слова произносится по-разному. Чтобы из многих разновидностей выбрать одну и всегда писать ее, нужна определенная работа мысли. Ведь всякий выбор связан с известными размышлениями, иногда нелегкими. Когда пишем *лавка,* надо вспомнить слова *лавочник,* много *лавок, лавочная*… — и тогда напишем верно. Не отвлекают ли нас эти припоминания от письма, от его содержания? Не мешают ли ему? Роман Брандт писал:

> Право, не уподобляемся ли мы сумасшедшим, когда из-за орфографии слова *голова* по поводу фразы *у меня голова кружится* припоминаем, что *голову можно с нас снять,* и что *нас можно погладить по головке?*

Действительно: правило учит нас, что в слове *голова* надо безударные гласные проверить словами *голову, головка,* — а эти сопоставления заставляют отвлекаться от содержания письма. Разве не так? И Брандт снова повторяет — через 150 лет после Тредиаковского — ту же мысль: в морфологическом письме

> усматривают то преимущество, что оно нам указывает на связь между родственными словами. Однако такие указания — дело совершенно бесполезное. Обыкновенно при этом …взламывают отпертую дверь… Какая надобность подчеркивать родство слов *лавка* и *лавочник,* ставя в обоих букву в? Ведь и самый безграмотный лавочник, способный написать слово *лавка* через *ф* или *в,* отлично сознает тесную связь, существующую между ним и его лавкой[66].

Да, надо решить, в чем достоинство морфологического письма. Может быть, правда, сограждане преизящные, не нужен корень в ортографии?

Рассказ о Линь Фын-сяне

Не так давно вышла интереснейшая книга о восстании тайпинов в Китае сто лет назад[67]. Но в эту книгу надо вчитаться. Сначала некоторые места ее кажутся трудными.

Прочтите такой рассказ:

> 12 декабря отряд Линь Фын-сяна вышел из Цзинхая на помощь Ли Кай-фану, который… понес ряд поражений в результате ударов со стороны Шэн Бао. Он подошел вовремя, и 23 декабря отряд Ли Кай-фана одержал крупную победу. Однако отряды Ли Кай-фана и Линь Фын-сяна уже выдыхались… тайпины были вынуждены 28 января 1854 г. оставить Цзинхай…
>
> Получив от Ли Кай-фана… письмо с просьбой о помощи, Дун-ван Ян Сю-цин отдал приказ отрядам чэнсянов Хуан Шэн-цая, Чэнь Ши-бао и Сюй Цзун-яна немедленно отправиться из района Янчжоу-Пукоу на север. Путь Хуан Шэн-цая и других лежал через провинцию Аньхой… Здесь тайпинское войско… разделилось на четыре отряда. Один отряд — под командованием Хуан Шэн-цая, другой — под командованием Чэнь Ши-бао и Сюй Цзун-яна, третий — под командованием Хуан И-юна (в дальнейшем, после встречи на стыке провинций Цзянсу и Хэнань с отрядом Хуан Шэн-цая, он объединился с ним), наконец, четвертый отряд — под командованием Цзэн Ли-чана.
>
> …8 февраля 1854 г. отряд Хуан Шэн-цая вступил в город Шучэн (провинция Аньхой). Ли Кай-фан и Линь Фын-сян в это время были вынуждены под давлением противника отступить из района Дачэн — Жэньцю.
>
> …14 марта войска Хуан Шэн-цая, Сюй Цзун-яна и Чэнь Ши-бао начали переправу через Хуанхэ в пункте Баоцзялоу… и, соединившись с отрядом Хуан И-юня, дальше на север отправились вместе…20 марта Цянгэ-ринчи и Шэн Бао направили… Шань Лу из Хэцзяна на юг с приказом воспрепятствовать продвижению Хуан Шэн-цая…
>
> Линь Фын-сян в это время, не получив помощи, готовился к отступлению из Ляньчжэна, Ли Кай-фан вместе с отрядом Чжу Си-куня в конце мая 1854 г. ушел на юг, взяв курс на Дэчжоу, где встретился со спешившим ему на помощь отрядом Хуан Шэн-цая.

Чтобы все понять в этом рассказе, его надо прочесть два, а то и три раза.

Попади нам рассказ с тем же содержанием, но с привычными фамилиями (например, Кузьмин, Кузнецов, Смирных, Забайкальский, Скачков), он был бы усвоен и понят мгновенно.

Сочетания звуков *За-, байкаль-, -ский* давно запомнились нам. Станем ли мы вспоминать: *Забай…* что там дальше? Ведь нет; отдельные куски слова *Забайкальский* уже известны; знаем и их расположение *(за-* непременно стоит перед корнем и т. д.). Поэтому фамилии сразу запечатлеваются в уме, а к этим фамилиям и прикреплен весь рассказ. Части слов мы давно уже храним в своей памяти, поэтому легко запомнить слова, построенные из этих кусков; легко их узнавать в тексте, различать, сопоставлять. Значит, легко усвоить и весь текст.

Язык, которого не может быть

Представьте язык, где вообще нет слов с одинаковыми корнями и окончаниями. Таких языков нет; можно доказать, что и быть не может. Но все же представьте на минуту. Там такие понятия, как «голова», «головка», «головушка», «головенка» выражаются совсем разными словами, ничем не похожими друг на друга.

Там нет никакой общей части у слов, имеющих уменьшительное значение: «головка», «ручка», «ножка», «спинка», у нас-то такая общая часть есть *(-к-а),* а вот в том небывалом языке — ничего нет общего у подобных слов. Чтобы выразить значения: «прибежать», «приплыть», «примчаться», «прийти», «прискакать», «приковылять», «приползти», «приехать» в этом языке не используется никаких общих приставок. В каждом слове — своя, нигде больше не повторяющаяся приставка. Вот какой язык, совершенно вздорный, нелепый.

Существуй он где-нибудь — уж и пришлось бы потратить сил на его изучение! У нас склоняется: *стол — стола — столу — столом — столами… дом — дома — дому — домом — домами…* Достаточно запомнить 12 окончаний и, например, 10 корней, чтобы знать 120 форм. А в этом придуманном языке не так: чтобы сказать сто двадцать слов или их падежей, извольте запомнить 120 совершенно различных звукосочетаний. Вы представляете, какая уйма времени нужна, чтобы усвоить такой язык! Жизни бы не хватило для его изучения.

Наши слова составлены из одинаковых, многократно повторяющихся частей. Этих частей не так много, а слов из них построено — огромное количество. Мы прочли стихотворение:

И светло мне глаза оросили
Слезы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты — символ, Россия,
Изнедривающаяся струя!

Трудно ли усвоить и запомнить слово *изнедривающаяся?* Оно очень длинное, в нем 17 звуков. Но нет никакой необходимости заучивать их порядок. Ведь все части уже известны: *из-, недр-, -ива-, -ющ-, -ая-, -ся.* Известна и модель, образец, как их сочетать: *— ся,* например, надо поставить в конец, а *из-* в самом начале; *— недр-* явно идет после *из-* и перед *— ива —* и т. д. Запоминание нового слова стоит нам очень небольшого усилия.

Страна Опельсиния

Вот и ответ, в чем польза морфологического письма. Запомни сочетание букв *голов* — и пиши его в десятках слов. Нет необходимости запоминать многие десятки разных буквосочетаний для одного и того же корня.

В языке слова членятся на морфемы (приставки, корни, окончания) — и это облегчает работу нашей памяти. Когда каждая приставка, или корень, «или окончание пишется неизменно, во всех словах одинаково, это тоже сберегает усилия пашей памяти.

Отступления от морфологического принципа обычно приводят к разным трудностям. У французских слов *bras* и *bracelet* корень один и тот же, а пишется он по-разному; значит, надо все время это держать в памяти и не путать. Наши приставки *из-, воз-, без-* и другие тоже пишутся двояко *(из-, -ис, воз-, вос-* и т. д.); и это опять-таки вызывает затруднения. Мы с вами говорили об этом.

Вы читаете стихотворения Василия Каменского:

В пальмах раскинута
Синь — Океания
Синь — Абиссиния
Синь — Апельсиния
Синь — облака.

Пусть бы действовал такой обычай: кто создает новое слово, тот вправе установить его орфографию по своему вкусу. Все остальные должны писать слово так, как захотел его изобретатель.

И поэт решил бы (предположим) писать *Опельсиния.* Корень тот же, что в слове апельсин, но нет стремления писать его всюду единообразно — пишем *Опелъсиния.* Тогда самое понимание этого неологизма было бы затруднено, и многие бы не поняли: что же это такое.

Морфологическое письмо, оказывается, помогает и читать, и писать, и понимать прочитанное.

У нас вовсе не морфологическое письмо…

Теперь вас ожидает большая неожиданность. Как мы определили морфологическую орфографию? Она требует, чтобы каждый корень, приставка, окончание всегда писались одинаково. Ну, если так…

…То русская орфография вовсе не построена на морфологическом принципе. *Песок — песка — песочный — песчаный…* Корень один, а пишется на четыре лада:

песок-
песк-
песоч-
песч-

Вот строфа из «Онегина»:

> Ответа нет. Он вновь посланье:
> Второму, третьему письму
> Ответа нет. В одно собранье
> Он едет; лишь вошел… ему
> Она навстречу.

Я не выискивал этот отрывок, просто открыл книгу и списал. Посмотрите, какие корни у слов в этой строфе; много ли таких, что не меняют свой буквенный облик? Пожалуй, только корни в словах *второму, третьему.* Все остальные изменчивы:

отве*т*а — отве*ч*ать,
со*бр*анье — со*бир*аться, *соберу,*
вно*в*ь — обно*вл*ять,
по*сл*анье — по*сыл*ать,
е*д*ет — пое*зж*ай, е*х*ал, е*зд*ить,
пи*сь*му — пи*шу*,
во*шел* — во*шла*, вошед*ш*ий
о*дн*о — *один,*
навстре*ч*у — встре*т*ить.

Большинство корней в этом отрывке имеет два, три, четыре буквенных облика. И это типично для нашего письма. Вот вам и морфологическое письмо: морфемы пишем-де всегда одинаково… а на самом деле огромное число приставок, корней, вообще — морфем, пишутся по-разному в разных словах.

Да-да, совершенно очевидно: многие изменения морфем мы передаем на письме. Талантливый педагог и методист В. Шереметевский писал: «По производству от корня *рук* и *мух* тут (в

словах *ручка* и *мушка)* должны быть согласные *к (рукка)* и *х (мухка)*. Почему бы любителям орфографических правил (а таких любителей не мало) не преподать и такое: пиши *рукка,* а не *ручка,* потому что *рука, мухка,* а не *мушка,* потому что *муха».*

Рассуждение верное. В слове *сад* (произносится: [сат]) пишем *д,* чтобы сохранить единство с *сады, садов, садовник.* Вот бы и писали *мухка* (а читали бы, конечно, *мушка),* чтобы сохранить единство со словами *муха, мухи, мухоловка…*

Почему же одни изменения корня не отражаются на письме, а другие отражаются? Морфологический принцип не в силах дать решение этого вопроса.

А между тем мы чувствуем, что писать *рукка* (чтобы читать *ручка,* как произносим) — нельзя. Тогда слово *мокко* (сорт кофе) одни станут читать *мокко,* другие *мочко* (ведь *рукка* читается *ручка,* ну и здесь также). Буквенное сочетание *кк* оказалось бы двусмысленным.

Почему же об одних изменениях корня ([сады]— [сат]) можно забывать во время письма, а о других — нет?

Не писать ли саты, дупы?

Есть и другой вопрос, и на него тоже ничего не может ответить ни один сторонник морфологического письма.

Пишем: *дубы* — и поэтому *дуб* (с *б* в конце). А нельзя ли построить правописание по-другому: писать *дуп* — и поэтому *дупы.* Правда, по привычке, воспитанной нашей орфографией, мы читаем *дупы* со звуком [п]. Но разве трудно воспитать другую привычку; ведь опыт показывает, что одну и ту же букву в разных местах можно прочесть по-разному. Вот и будем писать: *дуп* — последнюю букву читать как [п]; и *дупы* — ту же букву читать как *[б].* Почему выбрано одно, а не другое? А может быть, и то и другое плохо? Прав Тредиаковский: действительно — обман. Пишется одинаково, читается по-разному. И неизвестно, отчего одно предпочитается другому.

Об этом говорил и В. Шереметевский: пишется *сад,* потому что в *сады* — ясное *д,* «но, рассуждая по аналогии, должно написать не *д,* а *т,* почему? — потому что *сат.* В самом деле, если я должен относительно начертания слышимого *сат* приводить на память слышимое же *сады,* то почему же, наоборот, при встрече с слышимым *сады* не должен припомнить слышимое же *сат?»* (Какой-нибудь угрюмый читатель разъяснит: «Потому, что в *сады* звук *д* перед гласным…». Вот об этом и спрашивают: почему надо равняться на случай, где *д* перед гласным, а не на тот, когда *т* в конце?).

Самый принцип: корень всегда пиши одинаково — никак не указывает, что же выбрать в качестве заместителя всех разновидностей корня. Даже не намекает на это.

Морфологический принцип требует, чтобы всегда одинаково писались не только корни, но и другие части слова (морфемы): приставки, суффиксы, окончания. Приставку *рас-, раз-, рос-, роз-* мы пишем не по морфологическому принципу: в четырех разновидностях. Ясно, что это одна и та же приставка, все различно только в выговоре; его и передаст наше письмо:

раздать — роздан…

рассыпать — россыпь…

Предположим, решили отказаться от фонетической передачи и писать приставку морфологически. Какой вариант выбрать из четырех? Или, может быть, придумать пятый? Он не будет звучать ни в одном слове, но окажется письменным заменителем всех действительных, реальных разновидностей морфемы. Сравните: корень *голов-* не звучит так, с двумя о, ни в одном слове, по именно так пишется.

Что выбрать? *Рас-? Роз-?* Неизвестно. Морфологический принцип не подсказывает никакого решения. Он явно недостаточен, чтобы решить этот вопрос.

Очевидно, письмо наше подчиняется не морфологическому принципу, а какому-то иному, более определенному и более гибкому.

Сейчас мы его и найдем…

Самостоятельные звуки

В конце прошлого века на Кавказе работал языковед К. П. Услар. Он изучил и описал многие кавказские языки; думал он и о письменности для этих языков. Как будто просто: для каждого звука придумал значок и пиши. А сколько всего в языке звуков? Например, в абхазском?

Чем внимательнее изучаешь язык, тем больше различных звуков в нем устанавливаешь. Сколько звуков в русском языке? Один ответит: 39; другой — 148; третий — 526… Кто прав? Все правы: ответ зависит от точности нашего изучения. Чем более чутко мы прислушиваемся, чем более тонкую аппаратуру применяем при анализе, тем больше найдем разных звуков.

Спрашивают: сколько величин находится от 0 до 10? Сколько угодно; это зависит от точности, с какой вы станете определять и выделять величины. С точностью до единицы — 10 величин (или 11, считая 0); с точностью до 1/528—5280 величин (или 5281, считая ноль). Так и в языке. На вопрос: сколько звуков в языке — собственно, никакого ответа дать нельзя.

Звуков бесчисленное множество. Но букв не может быть очень много; чем *меньше* их, тем лучше.

Услар прекрасно это понимал и стремился найти такое основание, которое позволило бы ему ограничить число букв. Он пришел к выводу, что не все звуки надо обозначать особой буквой; одна буква может указывать и тот, и другой, и третий звук.

Есть звуки, которые помогают различать слова. Сравните: *дом — дам — дум…* Эти слова различаются только звуками *о — а — у;* звуки о — *а* — *у* — полноценные различители слов. Для каждого из них нужен особый знак в азбуке.

В русском языке есть два звука, очень разных: [э] и [ӭ] (э закрытое). Сравните: *эта — эти…* Здесь разные *э*.

Чтобы убедиться в этом, проделайте опыт. Начните произносить *эти,* но, сказав первое э, добавьте к нему — *та.* Первый звук слова *эти* вы соединили с последними звуками слова *эта.* И сразу заметно, что это неестественно, что *э* здесь не такое, какое должно быть в слове *эта.* В слове *эти* — [ӭ] закрытое: [ӭ'тʲи], в слове *эта* — [э] открытое: [эта]…

Нам кажется, что разница между этими звуками ничтожна. Напротив, сточки зрения француза эта разница существенна. Во французском языке есть такие слова:

dé 'наперсток'

[de]
dais 'балдахин'
[dê]
fée 'фея'
[fê]
fait 'факт'
[fe]
pré 'лужайка'
[prê]
prêt 'готовый'
[pre]
souffler 'дуть'
[suflê]
soufflet 'пощечина'
[sufle]

Есть много других таких же пар. Слова попарно отличаются только гласными [э — ӭ]. Так же как в русском *дом — дам* отличаются только звуками [о — а]. Поэтому для француза различие между [э—ӭ] очень важно, он не путает эти звуки, считает разницу между ними существенной. К такому мнению толкает его язык.

А мы смотрим на эти два звука как на разновидности, еле-еле уловимые, одного и того же звука. Почему? У нас [э] и [ӭ] никогда не бывают различителями слов.

В самом деле, [ӭ] появляется только перед мягким согласным. Действует строгий закон: если за звуком типа *э* идет мягкий согласный, то гласный всегда произносится закрыто, спинка языка при этом довольно высоко поднимается к нёбу. Напротив, если вслед за *э* нет мягкого согласного, то *э* произносится открыто.

Подумайте, могут ли в русском языке быть слова, которые отличаются *только* звуками [э—ӭ], а все остальные звуки у них одинаковы?

Конечно, нет. Если в одном слове [ӭ], а в другом [э],— значит, в одном следом за [о] идет мягкий согласный, а в другом нет мягкого согласного после [э]. Слова отличаются согласными. Пример: *одет — одеть.* В последнем слове — [ӭ] закрытое. За ним следует [тʲ]; вот гласный и стал закрытым. А в *одет,* т. е. |адʲэт] звук [э] не подвергается влиянию следующего мягкого (следующий-то тверд!). Поэтому здесь [э] открытое.

Отсюда вывод: нет у нас слов, которые отличались бы только звуками [ӭ—э]. Всегда отличие еще и в согласных.

Нужна ли особая буква для [ӭ] закрытого? Нет, достаточно обозначить правильно согласные.

Услар и пришел к важному выводу: есть звуки самостоятельные и несамостоятельные. Особые буквы нужны только для самостоятельных звуков. Например, [ӭ] закрытое — в русском языке звук несамостоятельный; он и не обозначается у нас особой буквой. Напротив, во французском языке это самостоятельный звук, и там он должен иметь во всякой разумной орфографии свои обозначения[68].

Самая важная глава в книге

Услар нашел правильный путь. Сама необходимость создавать письмо для разных народностей Кавказа толкнула его на этот путь. Однако Услар ограничился отдельными замечаниями, он не обобщил свои взгляды, не превратил их в последовательную и строгую теорию.

Одновременно с Усларом работал гениальный русский (и польский) языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртене. Это был удивительный человек: бунтарь в науке, блестящий полемист, борец за национальное равенство всех народов России, пролагатель новых путей в лингвистике. Он-то и создал, после долгих научных поисков, сомнении, догадок, замечательных находок и неожиданных потерь — создал особую науку, которая учит, что в звуке речи существенно и что второстепенно. Называется она — фонология.

Одна из самых важных теорем этой науки вот какая: если какое-нибудь качество звука вызвано влиянием позиции (т. е. соседних звуков, ударения и т. д.), то это качество второстепенно, не существенно в языке. Им можно пренебречь, составляя алфавит; можно не заботиться об отражении этих качеств в орфографии.

Напомню вам; мы произносим:

ш Шурай (с Шурой)

з Дорай (с Дорой)

сь Тимай (с Тимой)

зь Димай (с Димой)

Здесь всюду есть влияние соседнего согласного на предлог. А как он будет звучать, когда такого влияния пет?

с Ольгой

с Ульяной

с Андреем

с Иваном…

Здесь на предлог ничто не влияет — и звучит глухое, свистящее, твердое [с]. Под влиянием соседнего звука это [с] может измениться: станет, как сосед, шипеть — и превратится в [ш]; станет, как сосед, звонким — и превратится в [з]; станет, как сосед, мягким — превратится в [с^{ь}]; или станет звонким и мягким, т. е. [з^{ь}]… Много может быть всяких превращений. Но все они — под влиянием соседнего звука. Значит, они несущественны, значит, можно ими пренебречь, когда пишем.

На звук падают отсветы, блики, тени от других звуков. А мы отвлекаемся от этих отсветов и бликов, мы хотим увидеть просто

белый лист бумаги. Это и нетрудно: ведь именно эти отсветы и блики обычно остаются незамеченными. Надо только научиться последовательно их не замечать, всегда.

Бодуэн де Куртене ввел особый термин: фонемы. Это значит — звук, независимо от того, какие влияния он испытывает, какие на него ложатся отсветы и блики.

В слово *головка* такие звуки: [галофка]. А фонемы вот какие: сначала *Г,* за ним *О.* Да, *О:* ведь [а] появилось под влиянием безударного положения. Безударность наложила свою печать на этот звук; чтобы узнать, какая фонема, надо освободить звук от этой печати: поставить в ударное положение. Здесь-то и придется вспомнить *головы.* Не будь влияния безударного положения, которое ослабляет, искажает облик фонемы, и звучало бы [о].

Звук [ф], а фонема *В:* [ф] появилось под влиянием соседнего звука [к]. Глухой потребовал глухости у соседа. Но без этого соседа было бы [в]: *головок.* И вот у нас готовый результат: это слово состоит из фонем *ГОЛОВКА.* Так мы и пишем; это потому, что орфография у нас фонемная.

Когда мы пишем: с *Шурой, с Дорой, с Тимой, с Димой,* то мы в предлоге обозначаем именно фонему, т. е. звук, отвлеченный, освобожденный от всяких влияний.

Пусть будет другой сосед

Но вот ведь беда: не всегда так уж просто решить, свое качество у звука или заимствовано у соседей. Сравните слова: *бросьте, кости.* В обоих случаях — [сь] мягкое. Своя у него мягкость или от соседа? Соседи тоже в обоих случаях мягкие: [бросьтьи] — [косьтьи].

Но ведь если я человек мягкий и сосед у меня человек мягкий — это не значит, что я мягок под влиянием соседа. Возможно, я сам по себе такой. Как бы это проверить? Сосед уезжает надолго в отпуск; вот тут-то и можно проверить, останусь ли я мягким, сдержанным, добрым человеком в его отсутствие или нет. Если нет — значит, он меня сдерживал, он на меня влиял. Если останусь прежним— значит, это у меня свое, а не заимствованное, не под влиянием соседа.

Так же надо рассуждать и в случае, когда соседи — разные звуки. В слове *кости* — [сь] мягкое. И сосед мягкий. Пусть он уедет, исчезнет, пусть другой будет сосед. Этого добиться нетрудно: в слове *косточка* твердое [т]; значит, иной сосед. Он-то уж не вызовет мягкость предшествующего согласного. Да, не вызовет… и [с] здесь твердое. Ясно, что мягкость была от соседа. Сосед был мягкий — и [сь] оказалось мягким; стал рядом твердый сосед — [с] отвердело. Не своя мягкость у [с], и обозначать ее не стоит.

Другое дело — в слово *бросьте.* Сравните с формой *брось.* Соседа нет, а мягкость осталась. Значит, она своя, не от соседа. Поэтому следует ее обозначить: пишем мягкий знак.

В школьных учебниках

А как учат в школе? В учебнике, изданном лет десять назад, было сказано: «Мягкость согласных перед другими мягкими согласными обозначается только в том случае, если при изменении слова второй мягкий согласный становится твердым, а первый остается мягким»[69]. Как раз это мы с вами и проделали, рассуждая о звуках-соседях. Правило в учебнике было явно фонемным: оно учило отыскивать фонему. Оно помогало решить, возникает ли мягкость под влиянием соседа или принадлежит самой фонеме.

Потом был издан другой учебник; в нем такое правило: «Между мягкими согласными в некоторых словах пишется ь, а в других не пишется. Правописание таких слов надо запомнить». Дальше даются еще правила: мягкий знак не пишется в сочетаниях… — и длинный список этих сочетаний. Их надо зазубрить. Не скажешь, что правило теперь сформулировано лучше. Все сведено к бессмысленной зубрежке, хотя само по себе правило не бессмысленно и имеет фонемные основания.

Естественно, что учителям новая редакция правила не понравилась. Один учитель в письме рассказывает, как он учит детей писать мягкий знак между двумя согласными: если мягкость чужая, от соседей — не нужен мягкий знак. Если своя — ставь мягкий знак. В слове *басня* — [сь] мягкое; но не ставь ь, потому что есть слово *баснописец.* Как только [н] стало твердым, так, вслед за ним, и [с] твердое, не своя мягкость у [с] в слове *басня.* В слово же *возьми* — ставь мягкий знак: *возьму*[70].

Очевидно, есть необходимость заменить правило, требующее бессмысленной зубрежки, правилом осмысленным, фонемным. Надо только найти ясную, прозрачную формулировку его, понятную для детей. Вот что предлагают сотрудники Академии педагогических наук: «Мягкость согласных… обозначается только в тех случаях, когда в измененном или родственном слове мягкий согласный может оказаться перед твердым согласным *(восьми — восьмой, возьми — возьму, письменный — письмо)*»[71]. Сказано гораздо проще, яснее, чем в старом учебнике, и нет стремления все свести к зубрежке. Стоит поискать: может быть, можно найти еще более простое объяснение правила.

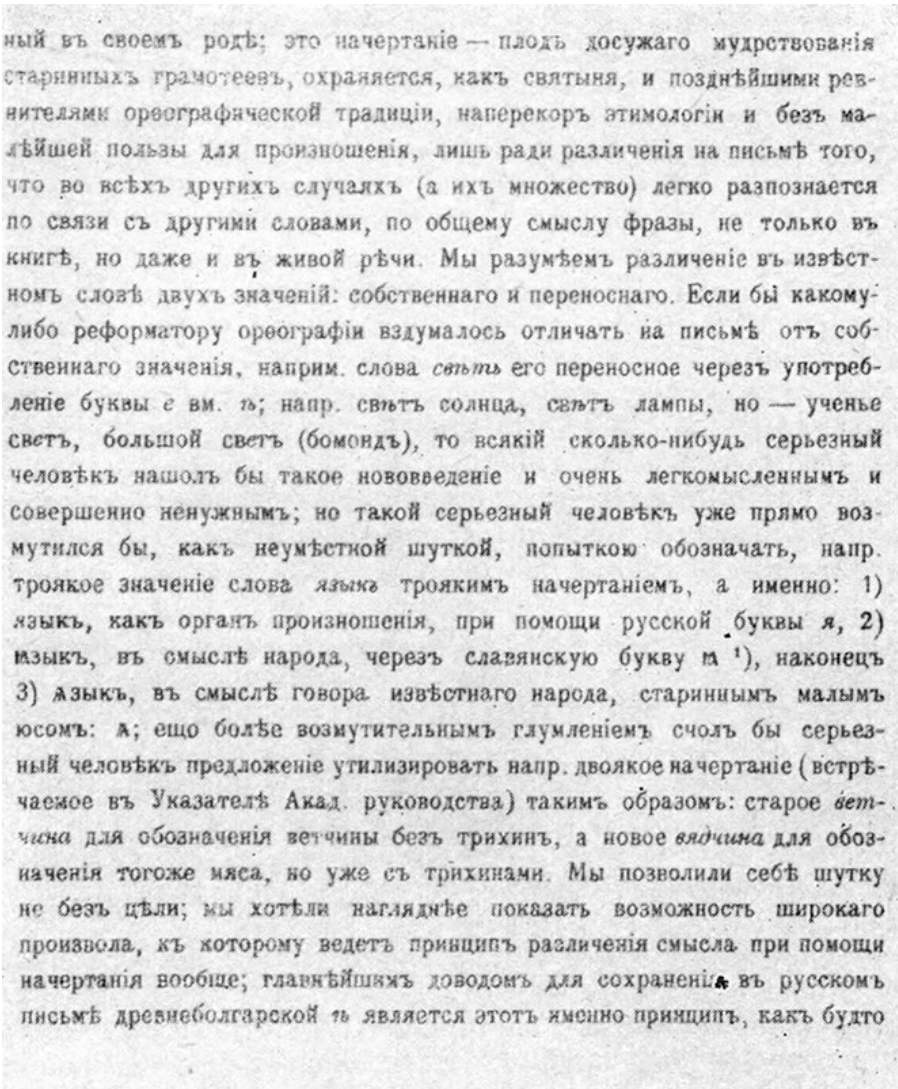
Очень часто бывает так: говорят о трудности нашей орфографии. А трудность не в самой орфографии, а в сложном изложении правила. Надо найти легкую формулировку — и все будут благодарны и довольны. Не правило менять, а методику его объяснения, его подачу.

Вся она насквозь…

Вспомните другие орфографические правила. Произносится: [суп, зуп]. Почему последний согласный — глухой? Сам по себе — или под влиянием следующей паузы? Надо проверить. Соседа — паузу — надо убрать… *Супы…Зˆбы…*

Ясно, что в слове [суп] глухость последнего звука своя (она осталась и перед гласным), а у слова [зуп] — не своя, возникла под влиянием паузы. На эту глухость не следует обращать внимания; не следует ее и обозначать на письме. Поэтому пишем *зуб*.

Еще правило. Не знаешь, как писать гласные — поставь их под ударение. Это правило тоже фонематично: под ударением гласные не испытывают никаких значительных влияний, звучат в своем основпом виде. Напротив, безударное положение влияет на них.



ный въ своемъ родѣ; это начертаніе — плодъ досужаго мудрствованія старинныхъ грамотеевъ, охраняется, какъ святыня, и позднѣйшими ревнителями орѳографической традиціи, наперекоръ этимологіи и безъ малѣйшей пользы для произношенія, лишь ради различенія на письмѣ того, что во всѣхъ другихъ случаяхъ (а ихъ множество) легко разпознается по связи съ другими словами, по общему смыслу фразы, не только въ книгѣ, но даже и въ живой рѣчи. Мы разумѣемъ различеніе въ извѣстномъ словѣ двухъ значеній: собственнаго и переноснаго. Если бы какому-либо реформатору орѳографіи вздумалось отличать на письмѣ отъ собственнаго значенія, наприм. слова *свѣтъ* его переносное черезъ употребленіе буквы *е* вм. *ѣ*; напр. свѣтъ солнца, свѣтъ лампы, но — ученье светъ, большой светъ (бомондъ), то всякій сколько-нибудь серьезный человѣкъ нашолъ бы такое нововведеніе и очень легкомысленнымъ и совершенно ненужнымъ; но такой серьезный человѣкъ уже прямо возмутился бы, какъ неумѣстной шуткой, попыткою обозначать, напр. троякое значеніе слова *языкъ* троякимъ начертаніемъ, а именно: 1) языкъ, какъ органъ произношенія, при помощи русской буквы *я*, 2) мзыкъ, въ смыслѣ народа, черезъ славянскую букву *м* [1]), наконецъ 3) ѧзыкъ, въ смыслѣ говора извѣстнаго народа, старинным малымъ юсомъ: ѧ; ещо болѣе возмутительнымъ глумленіемъ счолъ бы серьезный человѣкъ предложеніе утилизировать напр. двоякое начертаніе (встрѣчаемое въ Указателѣ Акад. руководства) такимъ образомъ: старое *ветчина* для обозначенія ветчины безъ трихинъ, а новое *вядчина* для обозначенія тогоже мяса, но уже съ трихинами. Мы позволили себѣ шутку не безъ цѣли; мы хотѣли наглядне показать возможность широкаго произвола, къ которому ведетъ принципъ различенія смысла при помощи начертанія вообще; главнѣйшимъ доводомъ для сохраненія въ русскомъ письмѣ древнеболгарской *ъ* является этотъ именно принципъ, какъ будто

В. П. Шереметевский одну из своих статей о русском правописании, о его реформе, написал, как он говорил, с «занозами», т. е. с теми новшествами, которые он предлагал. Приставки раз, воз и т. д. пишутся всегда с буквой з; под ударением после шипящих пишется всюду о, а не ё, и т. д. Все это интересные и дельные предложения. (Интересно и содержание отрывка: оно направлено против традиционной, «различительной» орфографии).

Вот, наконец, решение вопроса, какая же у нас орфография. Вся она насквозь фонемна (или фонематична; разные слова, а смысл тот же).

Отдельные отступления от этого принципа есть. Например, пишем то *исписать,* то *изгрызть.* А как надо было бы по

фонемному принципу? Перед гласным наши согласные не испытывают никаких влияний. Посмотрим: *изучить, изострить*… Надо по фонемному принципу писать всегда *из-*. Будь у нас такое правило: приставки *из-, воз-, раз-, чрез-, низ-, без-* всегда пишутся с буквой з — было бы гораздо проще их писать, чем сейчас. Решите сами, читатель, какую разновидность приставки: *рас-, раз-, рос-, роз-* надо было бы всегда писать по фонематическому принципу.

С помощью морфологического принципа в орфографии этот вопрос нельзя было решить, а фонемный принцип дает надежный ключ, чтобы открыть тугой замок.

Еще два замка открыты

Какой-то мудрец сказал: суть любого предмета можно объяснить за то время, которое нужно человеку, чтоб обернуться вокруг своего плеча. Если бы нужно было изложить суть нашей орфографии в самой сжатой и быстрой форме, то надо бы вот как: позиционные изменения — вон! Это как раз формулировка сущности фонемного правописания. И этот принцип помогает решить многие вопросы теории письма, открыть многие замки. Один уже открыт нами. Теперь другие.

Мы говорили, что сохранение единого вида морфем облегчает и письмо, и чтение. Так вот фонемная орфография помогает приблизиться к такому единству. Предлог с у нас всегда пишется одинаково — мы не отмечаем массы его превращений под влиянием соседа. Приставка с, вы знаете, тоже пишется неизменно, хотя и она испытывает много всяких влияний соседних звуков. Корень *голов-* звучит во многих разновидностях, а, пишем его всегда одинаково: фонемно. И так все морфемы.

Почему же все-таки не всегда пишем морфемы одинаково? Почему то *мушка,* то *муха!* Почему — то *бегу,* то *бежать!* В одних случаях *берегу,* в другом *бережет?* Да, именно потому, что эти изменения непозиционны. Вот и ответ на вопрос, заданный Шереметевским.

Ведь чередование *ж — г* помогает различать слова: *перебегать — перебежать.* Значит, надо это чередование обозначать на письме. Здесь не отдельные оттенки фонемы чередуются, здесь сами фонемы различны. Поэтому и пишем: *бегу, бежать.*

Так же и в других случаях: *муха — мушка, берегу — бережет.* Такое чередование звуков не вызвано влиянием соседей, оно самостоятельно, независимо от окружения. Оно различительно. Фонемная орфография требует, чтобы такие чередования были обозначены.

Так мы с помощью фонемного принципа решили еще две задачи. Первая — как в нашем письме добиться единства морфемы; в разумных, конечно, пределах. Теперь знаем: следует всегда обозначать фонемы. Вторая задача — определить, какие чередования все же необходимо передавать, даже если это нарушает полное единообразие в буквенной передаче морфемы. Ясно: те, что не обусловлены характером соседей. Непозиционные.

Уже три замка открыты одним ключом…

Фонемная орфография лучше традиционной

У традиционной орфографии мы нашли такие недостатки: очень много надо запоминать; каждое слово превращено в иероглиф и должно быть взято механической зубрежкой. И при этом действует только зрительная память, ей не помогает ни моторная («проговорочная»), ни звуковая.

Но было у этой орфографии и достоинство: она разграничивала слова, помогала четко их различать на письме.

Фонемное правописание лишено недостатков традиционного, а достоинства у него такие же, как у традиционного. В самом деле: пишем *головка.* Слово это — не иероглиф, его не надо зазубривать отдельно. Оно подчиняется общим правилам.

В конце концов, написав много раз, мы запоминаем его облик просто зрительно. Грамотный человек не проверяет, что писать в этом слове (и в тысячах других): *о* или я? *в* или *ф*? Слово врезалось в зрительную память и не нуждается в проверке… Поэтому-то и не прав Р.Брандт, сетуя, что мы должны-де помнить, когда пишем слово *голова,* и *головку* и *головы.* Это должен помнить ученик пятого класса, а затем он просто усваивает буквенный облик этого слова и пишет, не задумываясь. Но запомнить слово помогло правило…

Предположим, он забыл, как верно написать *головка.* Зная правило, он восстановит буквенный облик этого слова. Это удобно. А правило-то фонемно: ищи, где звук свободен от влияния соседей.

Выходит, что фонемное письмо не требует перенапряжения зрительной памяти. Слова не зазубриваются все подряд, а проверяются по известным правилам. Зрительная память и слуховая действуют совместно и помогают друг другу. Помнишь, как выглядит слово *головка,* из каких оно букв состоит, — пиши; не помнишь — вспоминай, что произносится в словах *головы, голов, головок.*

Фонемное письмо хорошо разграничивает слова. *Плот* и *плод, пруд* и *прут, сидеть* и *седеть, умолять* и *умалять* и многие-многие слова произносятся одинаково, по по фонемной орфографии пишутся различно. Часто это помогает лучше понять текст.

Под диктовку Николая Островского был записан такой текст: «В прихожей Корчагин снимает шинель и вешает ее рядом со скромными пальто учительниц… В учительской за столом один

заведующий, брюзглый старик, в молодости *поседевший* в тюрьмах, а сейчас отец многолюдного семейства, типичный провинциальный учитель. Аполитичный, узкий деляга и меланхолик»[72]. К выделенному мною слову редакция сделала примечание: «Видимо, посидевший». Конечно, так. Ошибка несомненная, хотя и тонкая: она становится ясной из всего текста в целом. Тот, кто записывал на слух, очевидно, ошибся, вместо *посидевший* написал *поседевший.* Но если бы Николай Островский смог просмотреть записанный текст, он, несомненно, исправил бы ошибку: наша фонемная орфография дает возможность разграничить, различить эти два одинаково звучащих слова: *посидевший* (сравните: *сидя, отсидка)* и *поседевший* (сравните: *сед).*

Традиционный принцип не в состоянии указать, до какой степени надо дифференцировать слова на письме, до какой степени надо увеличивать различие между ними. А фонемный указывает: если разные фонемы (*сед*-и *сид-)* — пиши разные буквы, даже в том случае, когда эти фонемы, под действием соседнего ударения, начинают звучать одинаково. А если фонема одна и та же — пиши одну и ту же букву.

Поэтому-то услуги буквы Ь совсем не нужны. Она передает ту же фонему, что и буква *е* — значит, дифференциация с ее помощью излишняя. Фонема ведь та же.

Итак, еще три замка тем же ключом…

Фонемная орфография лучше фонетической

Фонетическая, звуковая орфография имеет много недостатков. Она приведет к разнобою, к беспорядочности письма. Чуть ли не у каждого села появится свое правописание.

Фонемная орфография свободна от этого недостатка. Многие говоры, диалекты сильно отличаются друг от друга по произношению, а системы фонем у них разнятся значительно меньше. У множества говоров и вовсе нет различий в составе фонем. Например, диссимилятивные якальщики скажут: *у ряки, вот рика.* Почему то [а], то [и]? Это влияние ударного слога. Всякое влияние соседа надо, по фонемной орфографии, убрать, надо передать звук, свободный от этого влияния.

Влияние идет от соседнего ударного слога; мы ударение и перенесем на самый проверяемый гласный: *реки, речка.* Оказывается, без влияния соседа появляется е.

Следовательно, по фонемной орфографии: *у реки, река.* Так напишет и тот, кто произносит эти слова литературно, и тот, кто диссимилятивно якает. У тех и других фонема одна: *Э,* а произносится она по-разному, потому что по-разному ее изменяют соседи.

Фонетическое письмо может стать помехой при общении «отцов и детей». Фонемный состав языка меняется медленно-медленно, гораздо медленнее произношения. Фонемное письмо без труда объединит и детей, и отцов, и дедов, и прадедов.

Наконец, вспомним самое важное: звук обманчив, его трудно определить; многие просто не обладают речевым слухом. А фонему не надо стремиться услышать. Фонема — это ведь звук, очищенный от влияний соседей. Фонема требует не тонкого слуха, а умения произвести такую очистку: сравнить одно слово с другим. Операция эта доступна всем и по существу гораздо легче, чем мучительная операция прослушивания каждого звука.

Десять замков одним ключом

Я уже говорил, что нельзя определить: сколько звуков в русском (или каком угодно другом) языке. Это все равно, что спрашивать: сколько величин умещается от 0 до 10. Чем точнее мерим, тем больше будет возможных величин; чем детальнее анализируем речь, тем больше окажется разновидностей звуков.

А сколько в языке фонем? Сколько самостоятельных звуков, способных различать слова? Оказывается, их число определенно и ограниченно. Например, в русском языке пять гласных фонем. И никакой точнейший анализ не способен найти еще хоть одну: их пять, и все тут. Конечно, каждая фонема представлена большим числом звуковых разновидностей, оттенков; их-то число и нельзя сосчитать.

Ясно, что мы, обозначая на письме фонемы, не будем мучительно сомневаться: как же обозначить немногими буквами необозримое море звуков? Число фонем вполне обозримо и сравнительно невелико. Их и только их следует передавать на письме, а вовсе не все звуки.

Некоторые сторонники буквы Ь когда-то говорили так: буква *е* пишется у нас большей частью там, где произносится [ӭ] закрытое; буква Ь — там, где произносится [э] открытое. Конечно, из этого правила есть много исключений; надо их устранить, провести правило последовательно, и всегда писать с буквой Ь те слова, где встречается [э] открытое… Тогда и не будет необходимости эту привычную букву изгонять из алфавита.

Это предложение не было принято, и с полным основанием. Ведь [э] открытое и [ӭ] закрытое — не разные фонемы, это две разновидности одной фонемы. Нет двух слов, которые отличались бы только звуками [э — ӭ]; мы с вами говорили уже об этом. Значит, не нужно и двух букв для этих звуков, хватит одной. И здесь решение задачи дает фонология.

Итак, десять замков-вопросов:

Какой буквенный облик выбрать для каждого корня, приставки, окончания, если хотим их писать одинаково в разных словах?

Какие орфографические принципы надо использовать, чтобы добиться в разумных пределах единообразного написания каждой морфемы? Каковы эти «разумные пределы», т. е. в каких случаях надо передавать чередования на письме, а в каких — нет? Каким образом во время письма и чтения равномерно распределить работу между разными отделами нервной системы, чтобы они помогали друг другу?

Как сделать, чтобы не надо было зазубривать каждую орфограмму, чтобы их можно было во время письма восстанавливать в памяти с помощью простых проверок, сопоставлений?

Как добиться высокой степени разграничения, дифференцированности орфограмм? А то ведь будут смешиваться друг с другом! До какой степени надо стремиться к этой дифференциации?

Как создать орфографию, объединяющую представителей разных говоров, нетрудную для них? И в то же время объединяющую дедов — отцов — внуков, разные поколения? Как создать письмо, не требующее трудных наблюдений над звуками, простое и доступное для всех? Как найти количество букв (или буквосочетаний), достаточное для передачи всех звуков языка?

Все они открыты одним ключом: фонемной орфографией.

Не пестрота, а единство

В нашей орфографии есть такие правила: чтобы определить, какую гласную писать, безударные проверяй ударными; в сочетании *чк, чн* мягкий знак не пишется; мягкость согласных обозначается только тогда, когда в измененном слове мягкий согласный может оказаться перед твердым; пишется *ча, ща,* не пишется *чя, щя*… Какая пестрота! Одно такое правило, другое этакое. С бору да с сосенки.

Вовсе не пестрота, а единство. Все эти правила фонемны.

Насчет гласных и мягких согласных — все ясно, мы уже говорили о них. А почему в сочетаниях *чк, чн* но пишется никогда мягкий знак? У нас есть фонема *Ч*; она одна. Нет слов, которые отличались бы только мягким [чь] — твердым [ч]. Твердым и мягким [т — ть] слова могут отличаться: *одет — одеть.* А твердым — мягким [ч — чь] слова не могут различаться: нет у нас твердого [ч]. Значит, незачем нам и обозначать его мягкость.

Ведь в фонемном письмо обозначаются только различительные звуковые особенности. Потому-то и не обозначаются позиционные мены, что они не помогают различать слова. Значит, нет надобности указывать мягкость [чь]: она неразличительна.

По этой причине после *ч* не пишется *я.* Буква *я* указывает, что предшествующий согласный произносится мягко. А *ч* не нуждается в этом обозначении.

Насквозь фонемна наша орфография. Поэтому-то и хороша. Поэтому и устойчива, экономна, проста… Почти во всем. Если не считать некоторых исключений… Позже о них поговорим.

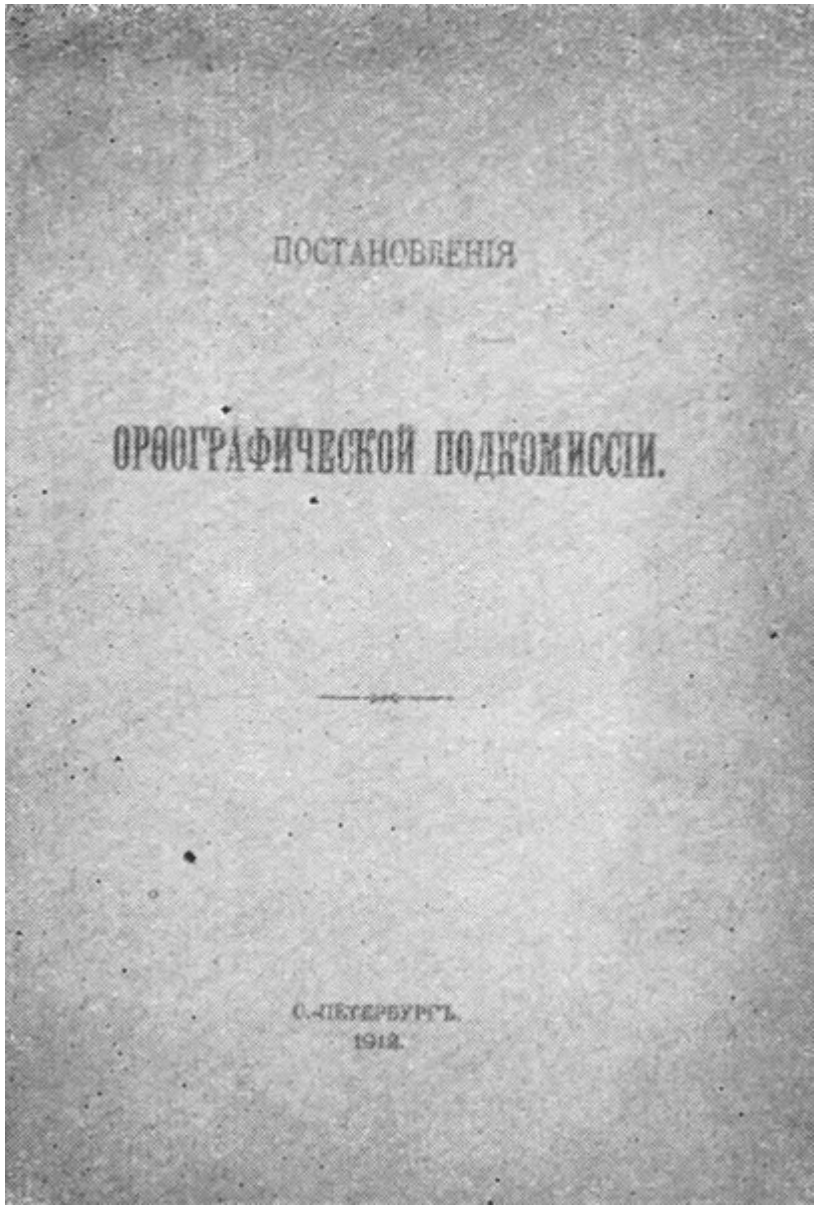
Как это получилось?

Фонетическое и традиционное письмо я показал на примерах. А фонемное? Какое оно? Ну, вот это; обычное наше письмо.

Как же оно сложилось? Стихийно? Или кто-нибудь его сознательно складывал, формировал? Было и то и другое. И стихийно складывалась фонемная основа нашего письма, и сознательно строилась.

Много думали о русской орфографии русские ученые, литераторы, общественные деятели. Белинский предлагал: выбросить буквы ять, ижица, фита, у прилагательных писать окончания *ова, ева (больнова, верхнева);* были у него и другие предложения — и все они фонемны.

Но в ту эпоху не было теории письма, не было и фонологии. Значит, Белинский просто интуитивно почувствовал, понял, что нужно для нашего правописания.


ПОСТАНОВЛЕНІЯ

ОРѲОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДКОМИССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Так скромно выглядели постановления орфографической комиссии, которые превратили наше письмо из традиционного в фонемное

Все же орфография наша была не полностью фонемной, а вместе с тем и традиционной. Помните, сколько традиционных написаний пришлось нам отметить точками?

Законодатель русского правописания Я. К. Грот писал: «Перевес этимологического элемента в нашем письме находит себе оправдание в истории…» Не было и мысли, что орфография

должна быть оправдана современностью, а не историей.

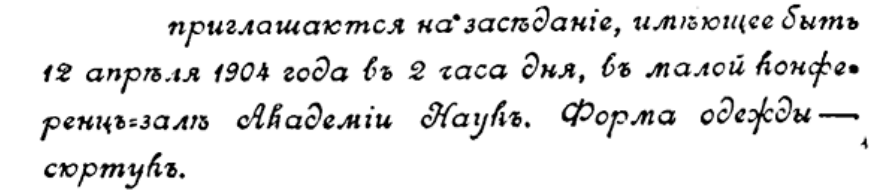
Настоящая битва с традиционностью в орфографии началась в начале нашего века[73].

Великая битва

Русская общественность давно уже настаивала на упрощении орфографии. Академия наук получала одно требование за другим: реформировать русское письмо.

В это время в Академии работали два замечательных русских языковеда: Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов. С их именами связана целая эпоха в развитии русского языкознания. Большая удача, что дело орфографической реформы попало к ним в руки. Вернее, они сами взяли его в свои руки; они-то и сделали наше письмо хорошим.

Много было истрачено энергии, настойчивости, упорства, чтобы наконец из канцелярии Академии наук разлетелись такие повестки: Господа Члены комиссии но вопросу о русском правописании


приглашаются на засѣданіе, имѣющее быть 12 апрѣля 1904 года въ 2 часа дня, въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ. Форма одежды — сюртукъ.

Такие приглашения получили высокопоставленные чиновники, владельцы некоторых газет и типографий, несколько писателей, ряд ученых-языковедов. В назначенный день, 12 апреля 1904 года, они собрались (в сюртуках), чтобы решить судьбу русского письма.

В комиссии было не так уж много людей, способных глубоко и верно судить о том, каким должно стать русское правописание, что в нем нужно изменить с пользой для дела. Поэтому Фортунатов постарался свести роль этой комиссии к минимуму. Комиссия должна была ответить на вопрос: следует ли изменять русское письмо и можно ли при этом пойти на изгнание из алфавита некоторых букв. Комиссия ответила: да, можно. Дальнейшая работа по настоянию Фортунатова была передана подкомиссии. Подкомиссия же состояла из специалистов, людей знающих и добросовестных.

Придворная знать, сановные лица, владельцы типографий больше не появлялись на заседаниях комиссии по реформе орфографии. Дело решали ученые. Были горячие споры, обсуждения; было желание дать народу легкое и ладное письмо. Фортунатов привлек к работе комиссии ученых, хорошо знавших нужды народной школы, людей демократических взглядов.

«Малые члены» подкомиссии (т. е. те, кто не был избран официально, а привлечен к делу лично Фортунатовым) были рады деловому и товарищескому тону заседаний. Но демократический дух в работе комиссии многим пришелся не по вкусу. Обсуждать нужды школы? Приглашать на заседания комиссии простого учителя? (А этот учитель, в будущем академик В. И. Чернышев, был уже и тогда автором многих ценных исследований по языкознанию.)

Сторонники академической чопорности, чинности, чиновничьего этикета, сюртучности демонстративно вышли из комиссии.

И. А. Бодуэн де Куртене

Черносотенная печать сразу же начала травить Фортунатова и Шахматова. Полились грязные газетные помои Суворина и других охранителей. Шахматов с горечью писал Фортунатову о реформе: «…громадное большинство против нее».

Большинство… Если не считать народа. Почти поголовно неграмотный, он, казалось, не подавал своего голоса. Неистовствовала буржуазная печать; против реформы было именно ее «большинство».

Впрочем, некоторые круги буржуазии стояли за реформу, и о мотивах своей поддержки писали весьма откровенно. Грамотный рабочий «толковее» неграмотного, писал один буржуазный публицист.

> Эта толковость при грамотности должна даваться школой, которою надлежит готовить нам… всю рабочую массу, способную идти в уровень с требованиями боевой конкуренции… Деревенский ребенок, которому книжка опротивела из-за трудностей школьной учебы, бросает всякое чтение после школы, почти все забывает, вступает в жизнь и полуграмотным и бестолковым! И таково большинство наших рабочих.

Трудно сказать, чего здесь больше: клеветы на рабочих или жадного стремления выжать из них все до последнего. Кончается послание плаксиво-сентиментально:

> Неужели, господа, это (т. е. малограмотность народа. — *М. П.)* маловажный факт, даже с нашей чисто утилитарной точки зрения, уж если мы не хотим по-человечески отнестись к напрасным слезам и страданиям миллионов детей…?[74]

Плаксивый тон весьма примечателен. Очевидно, мало было надежды, что большинство заводчиков посочувствует демократизации русского письма.

Но были и другие мнения. Фортунатов получил письмо, подписанное: «Ремесленники города Житомира». В письме говорилось, что простой рабочий человек не может полностью овладеть сложным русским письмом, с ятями, с сотнями разных каверзных написаний.

> Если же и есть счастливцы, кои говорят и пишут правильно, то это досталось им благодаря интеллигентной среде, среди которой выросли, воспитывались — имея при том достаточно средств, чтобы быть среди хорошо образованных воспитателей…

О врагах реформы сказано строго:

> Только такие, как Суворин, могут не сочувствовать предпринимаемой реформе, так как подобные люди рождаются, воспитываются и работают не ради добра на благо ближнему, а ради того, чтоб выделиться внешне из

среды, получить сладкий пирожок, и с высоты-мишурного величия, с гордым самообольщением презрительно взирать на обездоленную братию и в то же время читать лекции о добре — истине, о вредности сладкого пирожка для желудка[75]…

В печати стоял рев противников реформы. О чем писали они? О том, что традиционное русское письмо освящено историей. Что после реформы орфографии народ не сможет читать священное писание. Что без буквы *ять* не отличить образованного от невежды. Что надо беречь русский язык, а реформаторы хотят его испортить.

А. А. Шахматов

Последний довод поддерживался особенно ретиво. Это был прямой вздор; изменение письма — вовсе не изменение языка. Письмо — одежда, мундир языка. Говорят: рукава очень длинны, надо бы подрезать!…И в ответ — вопль: не позволим рубить руки!

Ремесленники из Житомира писали в своем письме: «Реформа касается внешности, правописания, а не живого языка, который реформируется временем и обществом, а не комиссией»… Фортунатов подчеркнул это место в письме и с

особым удовольствием доложил о нем орфографической подкомиссии. Прочесть целиком это послание житомирцев он не смог. Из-за резкости выражений, писал Фортунатов, оно «не могло быть доложено мною в полном виде» даже членам подкомиссии.

Предложения подкомиссии были глубоко продуманны, дельны, практичны. Почти все они имели фонемный характер. (В Комиссии участвовал и создатель фонологии И. А. Бодуэн де Куртене.) Все они были направлены против мертвых традиционных написаний. «Желательно, — говорил Фортунатов, — освободить русское правописание от всех тех орфографических правил, которые не основываются на фактах, существующих в языке».

Но от первоначального, последовательного плана пришлось не раз отступить. Ф. Е. Корш, участник комиссии, блестящий ученый-языковед, сторонник решительного облегчения русского письма, говорил, что положение подкомиссии можно обрисовать пословицей: и хочется, и колется, и маменька не велит… Маменька, и правда, не велела. Когда предложения ученых были вполне обдуманы и готовы, президент Академии великий князь Константин приказал все положить под сукно: верхи царской России сочли «орфографическую смуту» нежелательной.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции труд Фортунатова, Шахматова и их помощников получил признание и стал всеобщим орфографическим законом.

До введения этого закона орфография у нас была традиционной — но сквозь традиционность пробивался, еле брезжил фонемный принцип письма. А после введения нового правописания, у нас письмо фонемное — но с некоторыми, не всегда обоснованными остатками традиционности.

Иногда эти остатки стихийно уничтожаются. Практика письма постепенно заставляет их отменять. Например, писали: *пловучий.* Фонема в корне — *А;* вовсе не *О;* это видно по словам *плавать, вплавь* (где гласная фонема — под ударением, в своем основном виде). Она проявилась и при образовании сокращенных слов: *Плавсредства* (во время войны было такое учреждение в Ленинграде), *плавдок, плавсостав.* Конечно, *Плавсредства,* а не *Пловсредства:* это ясно каждому, говорящему по-русски. Затем стали писать и *плавучий;* это было узаконено. Фонематическое письмо здесь пробило себе путь, одолело традиционное написание корня.

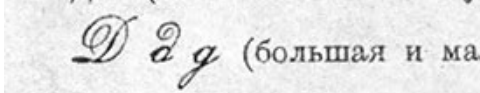
Еще одна традиционная окаменелость: *гарь, загар* — но *загореть, горелый.* Это прямой вызов фонематическому принципу: под ударением в корне всегда *а,* без ударения пишем всегда *о.*

Фонема-то *А*! Но вот что важно: в новых словах, которые появляются в наши дни, пишется уже *а* (в этом именно корне), например: *выгарки*.

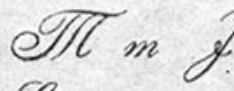
асоціаціи с одною и тою же групою произносительно-слуховых представленій (кинем и акусм), т.-е. или с отдѣльною фонемой, или с неполною фонемой, или же с цѣльною фонемой плюс какая-нибудь другая особенность. Достаточно указать на самыя разнообразныя начертанія, свойственныя русским графемам [д], [т], [е], [ѣ]:

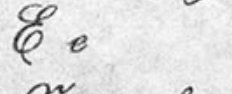
Д д (большая и малая буквы печатнаго устава),

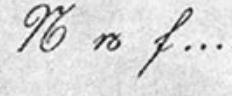
Д д (большая и малая буквы печатнаго курсива),



(большая и малая буквы рукописи)...

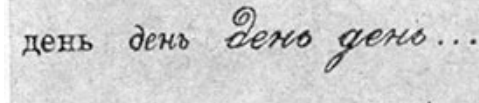
Т т *Т т* 

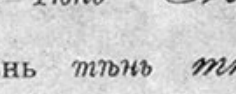
Е е *Е е* 

Ѣ ѣ *Ѣ ѣ* 

Благодаря этому, слова, напримѣр, *день* и *тѣнь* могут быть изображены на письмѣ самым разнообразным способом:

ДЕНЬ День *ДЕНЬ День*

день *день* 

ТѢНЬ Тѣнь *ТѢНЬ Тѣнь* 

Исторически, в глубинѣ вѣков, всѣ эти графическія видоизмѣненія одной и той же графемы сводятся к одному представленію:

Эта страница из книги Бодуэна де Куртене «Об отношении русского письма к русскому языку». Новаторская книга Бодуэна по-новому поставила многие вопросы теории письма. И напечатана она с некоторыми новшествами. Читателям резало глаз,

например, что нет еров в конце слов. (А вы бы, читатель, и не заметили их отсутствия, если бы я не *обратил на это вашего внимания)*

Да, нефонемные написания в нашем письме еще остались. Но основа заложена прочная: во всех основных чертах письмо наше фонемно. Помните пример традиционного письма? Там я отметил 144 традиционных написания. А если тот же текст переписать современной орфографией и посчитать, сколько сейчас в нем традиционных написаний, окажется — мало, очень мало. Всего только два *(выучишь, великого)*

Глава 5. Что можно улучшить?

«Орфографическая тайна»

Начиная свою деятельность, врачи обязуются хранить врачебную тайну. О болезни не все надо знать и самому больному, и его родным, знакомым, соседям.

Создается впечатление, что есть и орфографическая тайна. Строго хранят ее специалисты по теории письма. Не принято рассказывать непосвященным, в чем недостатки нашей орфографии.

И это понятно. Не все люди, пользующиеся орфографией, одинаково хороши. Встречаются отчаянные скандалисты. Не так давно вышла книга одного крупного специалиста по русскому письму. Предназначалась она для сравнительно узкого круга лиц; в ней обсуждались положительные и теневые стороны нашего письма. И редакции газет сразу же стали получать письма разгневанных читателей: профессор такой-то колеблет устои нашей орфографии! Рассуждает, как можно было бы писать некоторые слова! И это вместо того, чтобы укреплять ее, упрочивать…

Ну, попробуйте растолковать этим лицам, что стремиться улучшить правописание не значит его расшатывать.

Есть и другая причина, почему орфографисты не считают нужным выносить свои суждения на общий суд. И так-то мало ценят наше письмо, не замечают, не хотят замечать его больших достоинств, а тут еще подлипать масла в огонь. (В орнаментально-восточном стиле можно было бы сказать: подливать масла порицания в огонь недоброжелательства.) Каждый окажется не прочь посудачить о пашем правописании, дан только повод… И чем меньше знаком человек с теорией письма, тем с большей напористостью отстаивает он свои «деловые предложения» об «улучшении» орфографии.

Каждый, кто живот в многоэтажном доме, пользуется лифтом, знает, что это такое. Но если надо исправить лифт, зовут мастеров. Никто не кричит: «Подумаешь — мастер! Что я, сам что ли не знаю? Ткнул пальцем в кнопку и поехал! Вот и вся премудрость…» И хорошо, что не кричат, а ждут мастера.

Но сколько же есть охотников перекроить правописание, ничего в нем не понимая! Они чувствуют, что письмо, одежда нашего языка, не всюду хорошо скроена, где-то жмет — и готовы располосовать ее по всем швам. Дело-то простое… буквы… *а — бе — ве*… Всякому понятно. Подумаешь, какая-то наука о письме, какие-то специалисты… Я, может, на дню двадцать писем и отношений напишу — уж я ли не специалист по письму, уж мне

ли не знать?

Так, к сожалению, рассуждают многие. Поэтому-то и не принято обсуждать открыто, «для всех» недостатки нашей орфографии.

Даже в этой книжке — а в ней полтораста страниц — дается только азбука теории письма, самое простое, самое элементарное. И освещаются только некоторые, немногие разделы этой теории.

Врачи не боятся, что кто-нибудь прочитав популярную книжку о хирургии сердца, побежит к соседу, чтобы сделать ему небольшую операцию. А я боюсь. Боюсь, что разговор о том, какие операции было бы нужно провести в нашей орфографии, толкнет некоторых читателей к разным орфографическим самоуправствам.

Любое изменение письма лишь тогда пойдет на пользу, кода будет принято и узаконено всеми. А для этого оно должно быть провозглашено как закон. Строго официально. Мы с вами не можем, не имеем права изменять современное письмо. Но обсудить, какие изменения желательны, у нас право есть. Не вводить их самостийно, анархически, а серьезно обсудить.

И в этом даже есть необходимость. Многие хорошие предложения об улучшении орфографии, высказанные учеными, были «забаллотированы» только потому, что для общественности осталось неясным, зачем эти предложения, в чем их разумность, их необходимость. Часто вполне обоснованные и дельные предложения возбуждали активность тех, кто считает себя специалистами сразу во всех областях. Улучшение же орфографии нуждается в другой активности: в активности широких слоев нашего народа, в активности понимания и поддержки.

Дрожь, сидишь, настежь, отрежь

Я уже говорил, что в истории русского письма традиционные написания постепенно устранялись, фонемные — побеждали. По этому пути должно пойти и дальнейшее улучшение орфографии. Сохранился ряд традиционных написаний; они-то и вызывают наибольшее количество ошибок в диктантах, труднее всего усваиваются, требуют большого времени для заучивания их.

Вспомните правило о мягком знаке в конце слов после шипящих. Таких правил много. Пишется: *дрожь* (но *еж), тишь* (но *камыш), мощь* (но *хвощ), дичь* (но *клич)*… Зачем здесь мягкий знак? Ведь что пиши его, что не пиши — читается одинаково. Говорят: затем, чтобы узнать, где слова женского рода. Неужели мы потому знаем о женском роде, например слова *рожь,* что пишем его с мягким знаком? Разумеется, нет, как раз наоборот: знаем, что оно женского рода, и поэтому пишем в конце ь. И без этого будем знать, какого рода это слово, слыша ежедневно: поспела рожь, спелая рожь, тропка во ржи, пшеница с рожью и т. д. Ведь пишем же мы в множественном числе: *туч, рощ, кож, каш,* не отличая их, например, от *вельмож, чинуш.* Нет буквенного указания на род, и все без него обходятся.

Можно было бы ввести одно правило, охватывающее много разных случаев, сводящее целый рой наставлений и исключений к одному простому указанию. Вот какое это правило: после шипящих в конце слова никогда не ставится мягкий знак. Следовательно, конечные написания *жь, щь, чь* — запрещены. Везде, во всех словах.

Мы сразу избавимся от многих хлопот и затруднений. То приходилось зубрить и помнить наречия: *уж, замуж, невтерпеж, сплошь, вскачь, прочь, настежь*… А теперь просто не будет отдельного правила о правописании этих слов. Будет действовать общее правило…

Приходилось заучивать сочетания *чк, чн, щк* и другие — в них никогда не ставится мягкий знак… А теперь это частное правило поглощается нашим общим.

Почему-то многим кажется кощунственным менять написания *идешь, глядишь, живешь, читаешь*… Но можно ручаться, что новые написания: *идеш, глядиш, живеш, читает*… будут резать глаз только первые месяцы после введения нового правила. К мягкому знаку в этих формах мы очень привыкли, но и отвыкнуть недолго.

Надо будет и в формах повелительного наклонения писать: *отреж, отрежте* и т. д. Это тоже не страшно. Разумных возражений во всяком случае нет.

Говорят: как же останется необозначенным повелительное наклонение? А так и останется; никакой беды не будет. Пишем же мы форму *ляг* — и всем она понятна.

Оправдано ли фонологически наше нововведение? Конечно. Фонемы *Ш, Ж* в нашем языке всегда твердые. Нет таких же по качеству, но мягких. Напротив, фонемы *Ч, Щ* — всегда мягкие; нет таких же твердых. У этих фонем твердость и мягкость — неизбежные признаки. Как вы помните, именно поэтому их не следует обозначать. Мягкий знак не нужен.

Итак, одно новое правило снимает целый ряд орфографических затруднений (не для нас с вами — для учеников; для детей, но ведь это и важно. А нам придется переучиваться).

Не забудьте, что это новое правило никем не утверждено, не одобрено, значит — не правило. Пишите пока что по-старому: *лишь, уж, сплошь, настежь, рожь, отрежьте* и т. д.

Цыпленок, цыпочки, цыц, цыган

После *ц* пишется то *и,* то *ы.* Сейчас действуют такие правила: вообще после *ц* должно писаться *и.* Например, *цимбалы, станция, цинга, революция, цифра, музицировать, панцирь, цимлянское, специалист…*

Но и четырех корнях все же пишется *ы: цыпленок, цыпочки, цыц, цыган.*

И не только в этих слонах, но и во всех производных: *цыпушка, цыпочка, цыпленочек, цыкать, цыканье, цыкатель* и т. д.

Затем в окончаниях: *отцы, немцы, овцы…*

У прилагательных: *сестрицын, Лисицын, бледнолицый, куцый.*

В правописании слов с *цы — ци* много неустойчивого. Например, в школьном орфографическом словаре до 1944 года во всех изданиях требовали писать *цырюльник,* в издании 1944 года указано *цирюльник,* в следующих изданиях (до 1956 года) дозволены обе формы; в изданиях после 1956 года — *цирюльник.*

Буквенные сочетания *цы — ци* читаются одинаково. Между *цирюльником* и *цырюльником* разница только буквенная. Почему? Буква *ы* показывает, что согласную перед нею надо читать твердо; напротив, буква *и* на этом не настаивает. В слове *валы* букву *л* читаем твердо, в слове *вали* — мягко. Но русское *ц,* как правило, звук твердый, поэтому и безразлично, что писать после *ц: ы* и *и.* Читается одинаково…

«Вовсе не безразлично и не одинаково, — как-то возразил мне один студент. — Мы привыкли писать *панцирь;* теперь упорядочили, и надо писать *панцирь.* Просто неприятно смотреть. И толкает к неправильному произношению: пищать хочется». Сказано забавно; нетрудно объяснить, в чем причина недовольства.

У нас есть написания с *ци,* есть и с *цы.* И то и другое привычно, но в разных словах. Слово *панцырь* привыкли писать с буквой *ы.* И вдруг перемена… *Цы* отвергнуто в этом слове, но в сотне других случаев оно осталось *(цыц, отцы, куцый…).* Если бы *цы* изгнали изо всех слов и никогда бы не писали — как не пишем *жы, шы* — то не было бы конкуренции двух-одинаковых написаний *(цы* и *ци),* не было бы желания искусственно искать меж ними разницу. А здесь получилось так: старая орфограмма *панцырь* еще памятна, а надо писать *панцирь…* Вот и возникает стремление сочетание *ци* произнести как-то по-другому, не так, как старое. Старое *цы* произносилось с твердым *ц;* новое, значит, надо произнести с мягким (сравните: *ды — ди, сы — си, зы — зи…).* Правда, это желание вряд ли исполнимо: [ц] в нашей речи

очень редко бывает мягким[76].

Если же написание *цы* будет вовсе устранено, то исчезнет конкуренция между *цы* и *ци,* не будет желания искусственно противопоставить одно другому.

Этого и надо желать: всюду и везде писать *ци.* Слышу недоуменный вопрос: а почему по *цы?*

В современной орфографии написание *ци* преобладает, на него и надо ориентироваться. Меньше будет ломки.

Есть и более важное основание: написание *ци* отвечает фонемному характеру нашей орфографии. Они подобны написаниям *жи, ши…,* тоже строго фонемным. Написания же *цы, жы, шы* противоречат фонемному принципу.

Напоминаю: буква *ы* указывает твердость предыдущего согласного. Почему пишем: *разыскивать, разыгрывать?* Зачем здесь буква ы? Чтобы твердо прочесть з; напишем мы *разигрывать* — и появилось бы нелепое произношение с мягким [зь].

Но указывать твердость *ц, ж, ш* — излишний педантизм. Эти звуки не бывают мягкими. Подчеркивать их твердость было бы естественно в фонетической орфографии, которая отражает все особенности произношения. Иное дело — в орфографии фонемной. Она отражает только различительные признаки. А твердое *ц* нет никакого смысла отличать от *ц* мягкого: нет такого мягкого *ц.* Следовательно, подобно сочетаниям *жи, ши,* надо писать *ци.*

Положим, мы станем писать всюду *цы;* тогда надо писать все по произношению: *жы, шы, чя, щя.*

Сами буквы *ш, ж, ц* показывают твердый звук. Вдобавок еще подтверждать это буквой *ы* так же нелепо, как масло маслить маслом; толку от этого нет.

Написания *отци, сестрицин* будут резать глаз… несколько месяцев. А потом станут привычны. Несколько правил, бессмысленно разнообразных, будут заменены одним — простым, строго фонемным.

Чёлка и чокнулся

Буквы *о, ё* после шипящих у нас пишутся по особым правилам. Этих правил — несколько; одни — для корней, другие — для суффиксов и окончаний.

Корни пишем сейчас по такому правилу: «после шипящих в корне под ударением надо писать *е (ё),* если это *ё* чередуется с *е* в словах того же корня, и надо писать *о* тогда, когда нет такого чередования».

Сидит, значит, ученик и пишет что-то. Попалось ему слово *щётка,* а он и не знает, как писать: *що* или *щё.* Он должен перебрать все слова с тем же корнем: *щёточка, щёточкой, щётки, о щётках…* и, перебирая их, он обязан набрести на слово *щетина,* обязан понять, что слова эти однокорневые (а это тоже нелегко). Он теперь может заключить, что в корне слова *щётка* есть чередования и, значит, надо писать *щётка.*

Еще пример, не менее печальный. Попалось слово *чёлка.* Надо поискать да поискать в памяти, пока не вспомнишь слово чело… Не так даже трудно вспомнить, как догадаться, что по происхождению эти слова однокоренные. По происхождению! Ведь есть немало слов, которые были однокоренными, да перестали: давно их связь распалась, значения сильно разошлись, и теперь они уже слова с разными корнями. Вот так-то и слова *чело — чёлка*[77]. Надо знать, что они были однокоренными; и тогда ясно, как писать. (Если сопоставляются слова *чёлка — чело,* то чередование с *е* налицо, и писать надо, конечно, *чё-*.)

А как догадаться, что *чокаться* надо писать с о? Ищите, ищите все слова с этим корнем: *чоканье, чокающийся, чокнулся, перечокались, чокнулась, отчокался…* пока не переберете все их и не убедитесь, что в корне нет чередований — всегда [о]. Тогда и пишите *о.* Но только надо быть уверенным, что вы перебрали все слова с этим корнем и не обнаружили ни одного случая чередования…

Удивительно трудное правило! И трудность у него многоэтажная.

III. О написаніи ъ послѣ *ш* и *ж* въ концѣ словъ.

Слѣдствіемъ исключенія буквы *ъ* въ концѣ словъ является возможность не писать *ь* въ положеніи за конечной твердой согласной, а именно за *ж* и *ш*, гдѣ *ъ* пишется теперь (по требованію этимологіи) только въ силу того общаго правила, что конечная согласная въ словѣ должна сопровождаться въ письмѣ твердымъ или мягкимъ знакомъ. При сохраненіи вообще для *ъ* значенія 1) знака мягкости согласныхъ и 2) знака отдѣлительнаго не въ концѣ приставокъ (см. § II), подкомиссія неизбѣжно должна была признать излишнимъ написаніе этой буквы въ концѣ словъ за *ж* и *ш*, которыя въ господствующемъ произношеніи всегда тверды, напр., въ имен. и вин. пад. ед. ч. словъ женскаго рода (рож, плеш), во 2 л. ед. ч. наст. и будущ. вр. (ходиш, дашь), въ окончаніи нарѣчій и союзовъ (лиш, силош, настеж).

IV. О написаніи *ь* послѣ *ч* и *щ* въ концѣ словъ.

Имѣя въ виду, что звуки *ч*, *щ* въ господствующемъ произношеніи всегда мягки, и что мягкость эта по существующему правописанію не выражается буквой *ь* въ серединѣ словъ (*безупречный, овечка, мощный*), подкомиссія предположила не писать *ь* въ положеніи за *ч*, *щ* также и въ концѣ словъ, т. е. писать безъ *ь*: толоч, ноч, печ, реч, точ и точ, низнич, вещ, помощ.

V. О знакѣ *ь* послѣ *т* въ неопред. накл. передъ *ся*.

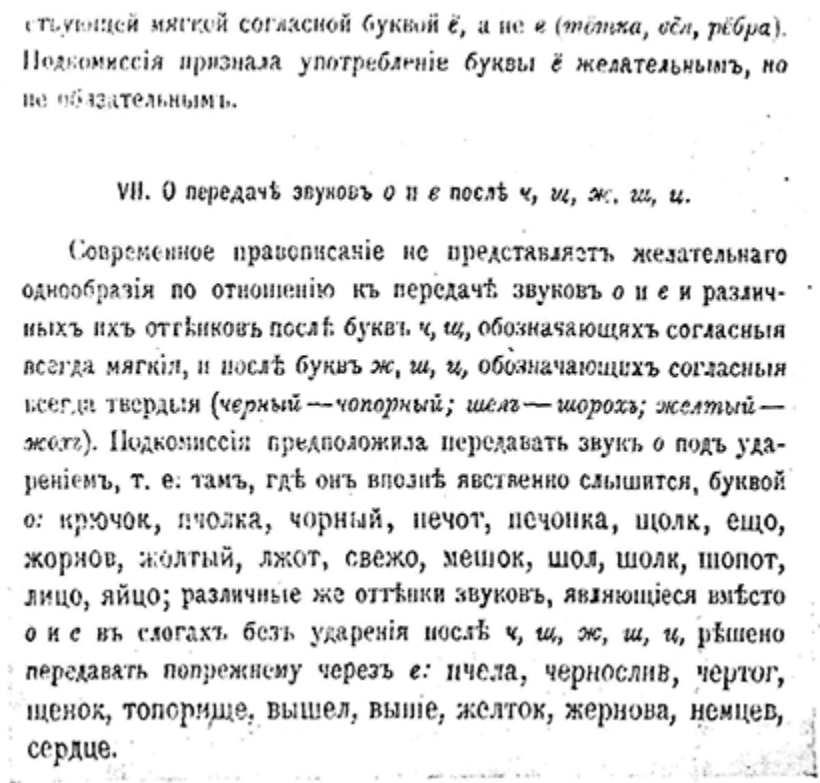
Передъ ся послѣ *т* въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ подкомиссія постановила сохранить написаніе *-ться*, какъ обнаруживающее связь этой формы съ формой неопредѣленнаго наклоненія на *-ть*, напр. делать — делаться, считать — считаться [1]).

VI. О буквѣ ѣ.

Исключеніе изъ алфавита буквы *ѣ* выдвинуло вопросъ о желательности обязательнаго обозначенія звука *е* послѣ предне-

---

1) Въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ толочся, увлечся, уберечся, *ь* не пишется такъ же, какъ въ толоч, леч, убереч (см. § IV).



стъ̀ующей мягкой согласной буквой ѣ, а не е (тѣтка, вѣл, рѣбра). Подкомиссія признала употребленіе буквы ѣ желательнымъ, но не обязательнымъ.

VII. О передачѣ звуковъ *о* и *е* послѣ ч, щ, ж, ш, ц.

Современное правописаніе не представляетъ желательнаго однообразія по отношенію къ передачѣ звуковъ *о* и *е* и различныхъ ихъ оттѣнковъ послѣ буквъ ч, щ, обозначающихъ согласныя всегда мягкія, и послѣ буквъ ж, ш, ц, обозначающихъ согласныя всегда твердыя (*черный — чопорный; шелъ — шорохъ; желтый — жолтъ*). Подкомиссія предположила передавать звукъ *о* подъ удареніемъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ вполнѣ явственно слышится, буквой *о*: крючок, пчолка, чорный, печот, печонка, щолк, ещо, жорнов, жолтый, лжот, свежо, мешок, шол, шолк, шопот, лицо, яйцо; различные же оттѣнки звуковъ, являющіеся вмѣсто *о* и *е* въ слогахъ безъ ударенія послѣ ч, щ, ж, ш, ц, рѣшено передавать попрежнему черезъ *е*: пчела, чернослив, чертог, щенок, топорище, вышел, выше, желток, жернова, немцев, сердце.

Несколько страниц из постановления орфографической подкомиссии 1904 года… Не правда ли, они весьма дельны»?

Во-первых, часто нелегко решить, относится ли это *о — ё* к корню. Ведь для корней правило совсем иное, чем для суффиксов. Возьмите слова *трущоба, трещотка, крыжовник;* корню или суффиксу принадлежат сочетания *що* и *жо?* Ученику часто такие вопросы решить не по силам, правописание многих слов поэтому приходится запоминать.

Во-вторых, пойди-ка реши, однокоренные слова или нет: *кошелка — кошелек, шорох — шероховатый, чело — чёлка…*

В-третьих, правило очень путанно и сложно. Именно: сложно перепутаны в нем звуки и буквы. Надо писать *щёлкать,* потому что есть слово *щелчок.* И надо писать *обжора,* хотя есть слово *обжираться;* надо писать слово *жом,* хотя есть слово *сжимать.* Но на слух ни в слове *щелчок,* ни в слове *обжираться,* ни в слове *сжимать* гласного [э] нет; слышится неопределенный звук, и надо еще решить, как его обозначать. Требуется сначала установить, что в слове *обжираться* не пишется буква *е;* значит, чередования звука [о] в слове *об[жо]ра* с буквой *е* нет; тогда в слове *обжора* пиши [жо].

Один из методистов русского языка пишет так:

> Соотнесение слов с ударным гласным *о* после шипящих с однокоренными словами в целях установления написания е может иногда оказаться неэффективным, так как в данном случае сопоставляются звуки с буквами, а не чередующиеся звуки *о* и *е.* Поэтому сопоставление, например, слова *шёлк* со словами *шелковистый,* или *шелка* будет неубедительным, так как в словах *шелковистый* или *шелка* после *ш* слышится не [е]… Написание же буквы *е* после *ш* в данных словах в свою очередь требует соответствующей проверки.

Сказано верно.

Но и наше во-первых, и во-вторых, и в-третьих — это еще не самое главное. Самое главное — в-четвертых и в-пятых.

У нас орфография фонемная. Мы на письме передаем фонему, т. е. звук в его самой независимой форме, без всяких влияний. На гласные очень сильно влияет безударное положение, оно мнет, искажает гласные звуки. Поэтому мы безударные гласные проверяем ударными. А здесь, когда пишем *о — ё* после шипящих, — как раз наоборот! Ударное положение «проверяем» безударным.

Такая «проверка» запутывает учеников; правило дается им с мучениями.

Это было в-четвертых. В-пятых, проверка гласных у нас обычно сводится к тому, чтобы найти хоть один случай когда гласный в данном корне стоит под ударением. Всего один случай нужен! Пишет ученик слово *водовоз;* не знает: *вод-* или *вад-;* вспомнил слово *водный* — и написал верно. Нет надобности перебирать все слова с этим корнем. А ведь для того, чтобы написать *чокнулся,* надо перебрать все корни и убедиться, что чередования нет; чтобы правильно написать *чётный,* надо перебирать слова до тех пор, пока не найдешь слово *нечет.* А ведь можно и не отыскать его, пропустить!

Да, славное правило. Все в нем шиворот-навыворот. В конце концов все слова с гласным [о] после шипящих приходится заучивать механически.

Орфографическая комиссия Фортунатова предлагала простейшее решение: под ударением всегда писать *чо, що, шо, жо* (значит, никогда не писать *чё, щё, шё, же);* без ударения же писать *че, ще, ше, же.* Получилось бы очень простое и легкое правило. Конечно, при этом пришлось бы привыкать к некоторым новым написаниям: *шорох, пришел, бечовка, о чом-нибудь, ещо, щолкать,*

пчолка, бережот, печот… Сначала мы на них будем спотыкаться, читая новые книги, но недолго.

Главное — очень облегчится обучение в школе; до сих пор написания с *чё — чо, щё — що, щё — що, же — жо* остаются бичом и для учителей и для учеников.

Какие же возражения вызвало это правило, предложенное орфографической подкомиссией почти 60 лет назад? Оказывается очень пугает, что придется писать:

чертей — но *чорт*

чего — но о *чом;*

вышел — но *пришол;*

щелчок — но *щолкать;*

В одном и том же корне то *е,* то *о*. А у нас-де правописание морфологическое: корень мы всегда пишем одинаково. Это неверно. Здесь-то и обнаруживается, как важно правильно определить принцип, основное правило орфографии, как важно исходить из точного определения этого принципа. Наше письмо вовсе не морфологическое. Оно фонемное. Нет никакой надобности добиваться, чтобы корни всегда писались одинаково; достаточно, чтобы правильно передавались фонемы.

Фонемные сочетания *ЧО, ЩО, ШО, ЖО* и передавать надо буквами *чо, що, шо, жо.* Это легко можно сделать, когда пишем ударные слоги. В безударных слогах, чтобы не допускать очень большую ломку орфографии, лучше всего оставить написания *че, ще, ше, же;* они тоже в принципе не противоречат фонемному письму[78].

Тогда правописание корней подчинится тому же правилу, что и правописание суффиксов, окончаний. Мы пишем так:

крючок — внучек

речонка — реченька

свечой — ношей

чужого — свежего

ножом — сторожем

холщовый — плюшевый…

Под ударением так, без ударения по-другому. Это правило мы и могли бы распространить на правописание корней. Оно станет всеобщим. Вместо многих частных правил, некоторые из которых противоречат всем нашим орфографическим привычкам, получим одно, очень легкое. (А пока это правило не введено, все-таки пишем по-старому *чёрт, о чем, щёлкать, бечёвка* — и т. д.)

Сине-зеленый, железнодорожный…

Студент-химик рассказывал:

— Готовился я к экзамену по органической химии. Свойства полигексаметиленпиразиндиацетамида или полигексаметиленфенилендипропионамида (ну, и других…) я и раньше знал. В течение года учил. А многое мне просто внови: читаю об изоамилоксалилцеллюлозе, о сульфоамидоформальдегидной смоле — будто никогда и не слышал о них.

Прихожу на экзамен. Григорий ходит мрачный: получил двойку. Спросили его о полидекаметиленундекандикарбониде, а он спутал и написал формулу полидекаметиленфенилендиацетамида. Ужасно!

Иду на экзамен. «Напишите формулу полипентаметилендодекандикарбонамида»… Пишу. И слышу: «Нет, неверно. Это формула полипснтаметилентстрадекандикар-бонамида. Ну-с, каковы свойства политетраметиленгидрохинондигликолята… Нет, неверно…» Говорю я — сам не знаю что… Другие в минуту растерянности шепчут: боже мой, боже мой… А я стою и только лепечу: винилэтилметилкарбонол… винилэтилметилкарбонол… Засыпался.

Заметили, как трудно читать длинные слова? Глаз не схватывает слово целиком, а границы его частей не указаны. Было бы гораздо легче, если бы печатали так: *винил-этил-метил-карбонол, поли-тетра-метилен-гидро-хинон-дигликолят* (или даже: *ди-гликолят)*.

Не только у химиков есть длинные слова. И у нас встречаются крайне долговязые сложные прилагательные: *малоупотребительный, народнохозяйственный, естественнонаучный*… Маяковский про вереницу облаков сказал: Эскадра *верблюдокорабледраконья*…

Беда не только в том, что они длинны, но и в том, что их приходится отличать от прилагательных, которые пишутся через дефис (черточку): *беспроцентно-выигрышный, русско-немецко-французский*…

Было бы большим облегчением для пишущих (и облегчением для читающих)[79] писать все сложные прилагательные через черточку. (Я имею в виду такие прилагательные, которые сейчас, в современном языке, остаются сложными; *благодетельный* — уже не сложное прилагательное.)

Возможно такое возражение. Прилагательное

народнохозяйственный и *русско-немецкий* — не одно и то же, они различны по своему характеру. Одно связано с сочетанием *народное хозяйство,* другое — с сочетанием *русский* и *немецкий.* Слова *русский* и *немецкий* равноправны, это и подчеркивает дефис в прилагательном *русско-немецкий.* А слова *народное* и *хозяйство* — неравноправны, и никакого дефиса быть не может.

Возражение очень характерно. Оно построено так: то-то и то-то не совсем одинаково (строение разное или смысл не тождественный). Значит, надо писать по-разному. Рассуждения такого типа очень шатки.

Хорошо, разница есть, по надо ли ее отражать на письме? Разве мало отличии в строении слов, в их смысле остаются не отраженными в нашем письме? Слова *заставить* (всю комнату шкафами) и *заставить* (кого-то выполнить задание) имеют разный смысл и разное строение. *Заставить* чем-нибудь — это глагол с приставкой *за-*. Ведь он связан по смыслу с глаголом *ставить,* у них общий корень *став-,* значит, *за-* приставка. У глагола *заставить* в смысле «принудить» нет приставки. Ведь с глаголом *ставить* никакой связи нет; не выделяется корень *став-,* значит не выделяется и приставка. Корень здесь *застав.* Разные слова, разный смысл у них, разное строение, разные связи с другими словами — а пишутся одинаково.

Не будет ничего плохого, если не совсем одинаковые по строению слова *народно-поэтический* (и все другие того же типа) и *народнохозяйственный* (и все его товарищи) станут писаться одинаково: через дефис. Вместо нескольких правил будет одно[80].

Из-под мышек, в обнимку, до зарезу

Я выписал несколько наречий, в некоторых из них сделал ошибки, найдите-ка их:

разбил в дребезги
говорил без умолку
крикнул ему вдогонку
платье в обтяжку
схватил в охапку
брюки на выпуск
времени вобрез
положили дело под спуд
работали группами по двое
спит беспросыпу
работали водиночку
несется безудержу
вино продается на вынос и распивочно
говорит без умолку
танцевали до упаду
работали по одиночке
отказался наотрез
спросил в упор
пять суток кряду
выкупались наславу
купили арбуз на вырез
промчались на рысях
стояли на смерть
проехал навесу
пишет в разбивку…
нужно дозарезу

Кажется достаточно. Уверен, читатель, что вы человек совершенно грамотный. И уверен, что в этих наречиях вы сделали несколько ошибок[81]. Правописание наречий настолько прихотливо, что трудно не сделать в них ошибку.

Правило о слитном и раздельном написании таких слов сейчас, пожалуй, занимает место старого правила о букве Ь — так же надо запомнить несколько сотен слов, правописание которых по существу современным языком не мотивировано. Да, несколько сотен: в «Правилах русской орфографии и пунктуации», которые сейчас являются законом для всех, перечисляется более 300 наречий, и список кончается минорной нотой: «В случаях затруднений в правописании наречий,

образованных соединением предлога с именами существительными, следует обращаться к орфографическому словарю».

В известном смысле, правописание слов с буквой Ь было даже легче: очень часто надо было запомнить корень или окончание — и они во всех словах писались одинаково. *лѣсъ, лѣсной, лѣсник, лѣсничатъ, лѣший, лѣсовикъ, лѣсоватъ, облѣсить* и т. д. Запомни правописание корня — и десятки слов пиши без труда. Или то же в окончаниях: *о лесЬ, о домЬ, о ПетрЬ, о водЬ, о травЬ, об АннЬ…*

А здесь не то. Здесь приходится запоминать каждое слово: *до отказа,* но *доверху; вповалку,* но *в обнимку; исподлобья, исподтишка,* но *из-под мышек; спросонок,* но с *разгона* и т. д.

Единственное утешение, что наречия эти не так уж часто встречаются в речи (хотя они и не редки). Но это вместе с тем и плохо: встречаются не часто, и, значит, трудно запомнить их по мере употребления, незаметно для себя. Зубрежки — и какой трудной — не избежать. Поэтому-то, по правде говоря, никто и не знает, как их писать.

Может быть, есть объяснения почему наречия пустились в такой хоровод? Объяснения всегда есть; но для людей старше двенадцати лет они не очень убедительны.

Например: почему пишется *положить под спуд, находиться под спудом!* Потому, что *спуд* встречается с разными окончаниями. Это ведь свойство существительного: сочетаться с разными окончаниями… Так отвечают на наш вопрос. Но помилуйте: существительное всегда имеет свое значение. Нет бессмысленных существительных…

Бессмысленным может быть только кусок слова, механически вырезанный из него. Если из слова *кукуруза* вырезать кусок *у кур* — он окажется бессмысленным. В слове *впопыхах* кусок *попых* не имеет смысла; значит, это действительно только кусок слова. Вот такой бессмысленный кусок и *спуд;* нет у него никакого значения (когда-то было, но очень давно. У нас-то речь идет о современном русском языке и о нашей орфографии). И этот бессмысленный кусок, просто сочетание звуков и только, делает вид, что он — существительное! Особое слово! Вот уж подлинное самозванство.

Удивительно и объяснение, что это «существительное» соединяется с окончаниями (и предлогами). А как же быть со словами *вверх, вверху, наверх, сверху? Сбоку, набок, вбок? Ввек, вовек, вовеки, навек!* Уж их-то на тех же основаниях надо писать врозь, в два слова: *посмотрим в верх…* Тем более, что слова *верх, бок, век,* в отличие от слова *спуд,* действительно существуют.

Оказывается, это правило придумано только для явно бессмысленных «существительных»: *спуд, карачки…*

Сейчас мы должны писать: *под мышку, под мышкой, под мышки.* Видите ли, слово склоняется. Значит, существительное. А что здесь значит это *мышкой, мышки?* Конечно, имеется в виду не та мышка, что скребет под полом.

Исторически это слово в ближайшем родстве со словом *мышца.* Но разве говорящие сейчас сознают эту связь? Говоря: *несу книгу под мышкой,* — разве хотят сообщить, что книга у них «под мышцей»? В этих выражениях сочетание звуков *мышкой, мышки,* потеряло самостоятельное значение; значит — уже не слово, просто обрубок, входящий в другое подлинное слово.

А как же: склоняется? Ничуть оно не склоняется. Когда-то склонялось и было существительным, а теперь стало частью единого слова: *подмышкой,* или *подмышку.* Так бы и писать… Нет, действующие правила не велят.

Иногда мотивировки бывают и другого рода. Как вы думаете, почему *до зарезу, до упаду, в тупик* пишутся раздельно? Да-да: *стать в тупик.* Почему? Отвечают: чтобы подновить метафору.

Выражения эти и впрямь метафоричны: *танцевать до упаду* не значит в самом деле упасть от усталости. Смысл здесь переносный. Но метафора стерлась, побледнела; большей частью она не нужна говорящим.

Это постоянный процесс в языке: ходовые, стандартные метафоры, закрепленные в словах, постепенно бледнеют и перестают восприниматься. На смену им возникают новые метафоры. Надо ли стремиться подновить стертую метафору — притом путем орфографического вмешательства? Орфография бессильна это сделать. Да и не нужно…

Л. Ф. Кони в своих воспоминаниях рассказывает про одно судебное дело. Защитник в своей речи упомянул, что обвиняемому — убийце очень были нужны деньги. Прокурор, отвечая защитнику, вдруг замолчал, запнулся и долго не мог снова начать свою речь. После суда его спрашивают: что с ним случилось? «Мне пришло в голову, что подсудимому действительно были нужны деньги до зарезу… Это чуть было не рассмешило меня в самом неподходящем месте речи…». Здесь метафоричность слова *до зарезу* сама собой оказалась подновленной — и это вышло крайне неуместно и нелепо. Когда мы просили у кого-нибудь: «Дай мне книгу, нужно до зарезу» — разве в наш расчет входит, чтобы метафорический смысл был подновлен, подчеркнут?

Вообще это детская затея — стать на пути языкового закономерного процесса с запретом: ни-ни, не смей! Никакие орфографические правила здесь не помогут. Стертые метафоры будут постепенно полностью утрачивать свою метафоричность,

становиться прямым и простым указанием, как их ни пиши!

Есть еще два правила; одно вполне обосновано: пишутся слитно наречия типа *вкрутую, вплотную, врукопашную, зачастую, напропалую, наудалую* и другие подобные.

Другое совершенно бессмысленное: наречия типа *в обрез, в одиночку, в упор, в охапку* и т. д., у которых после приставки следует гласная буква, пишутся раздельно. Разумного основания для этого правила никто не пытался придумать, да это и невозможно.

Теперь надо решить, как же надо писать: *воткрытую* (по первому правилу) или *в открытую* (по второму)? Пишется по бессмысленному правилу: *в открытую.* И это, пожалуй, резонно. Если сталкиваются правила, обоснованное и нелепое, то всегда спор надо решать в пользу нелепого. Разумное правило крепко держится на ногах, оно себя отстоит. *Вкрутую, напропалую* надо писать слитно, ведь предлог может относится только к существительному, а *крутую, прошлую* даже с большой натяжкой нельзя признать существительными. Правило: пиши такие наречия вместе — разумно, оно не нуждается в особой протекции и поддержке.

А нелепое правило требует всяческой помощи и защиты. Если из него, из нелепого, будут еще всякие исключения, то ему не устоять. Простая, последовательная нелепость может удержаться, но путаная и сложная — вряд ли. Вот и пришлось при столкновении двух правил дать предпочтение нелепому.

Но возможен и другой выход: освободить правописание наречий от всяких произвольных правил и свести его к небольшому количеству правил естественных и обоснованных… Это и надо сделать.

Коротко обо всем остальном

Возможны некоторые другие упрощения. Частицы *же, ли, бы* пишутся отдельно, остальные — через дефис. Можно ввести общее правило: все они пишутся отдельно. И частицу *то?* Да, и ее. А как же тогда отличить, например, такие написания: *То то случится, то это* и *То-то я и вижу, что он пригорюнился…* Ну что ж, читатель, подумайте: как отличить и надо ли отличать.

Может быть упрощено правописание суффиксов — *нн-* и — *н-* в причастиях и некоторых прилагательных; правописание частицы *не* с причастиями и с краткими прилагательными.

Многие заимствованные слова пишутся с удвоенными согласными: *аксессуар, перрон…* Это написания традиционные; их надо заучивать по словечку. И неустойчивы они очень. В школьном словаре 1940 г. указано, что надо писать:

аксесуар
диференциальный
индиферентный
коэфициент
перон
сетер
стрептокок

После 1944 г. снова вернулись к удвоению согласных:

акси**сс**уар
ди**фф**еренциальный
инди**фф**ерентный
коэ**фф**ициент
пе**рр**он
се**тт**ер
стрептоко**кк**

Так и сейчас пишем.

История русского письма говорит, что общее число таких орфограмм медленно уменьшается. Когда-то писали *граммота, оффицер, аррест, баттарея, коммиссия* и т. д. Написания такого типа постепенно упрощаются — медленным, мучительным путем, путем многолетних колебаний, неустойчивости, разнобоя.

В нашем письме, говорил Шереметевский, «такие слова, как *адресс, окказия, аккуратно, коммиссия…* предстанут перед вами в двоякой форме, и даже троякой, как слово *коммиссия:* 1) *коммиссия* (самая, так сказать, официальная парадная форма, застегнутая на все пуговицы),

2) *комисия* (ей противоположная: домашнее дезабилье),

3) коммисия (нечто среднее — между 2-мя крайностями). Не

невозможна и 4-я: *комиссия».* (Эта «не невозможная» форма сейчас и считается единственно законной.)

Говорят, что такое письмо позволяет нам сохранять единство с написаниями в других европейских языках…

Казалось бы, если уж говорить о сохранении единства, сходстве написания, то надо в первую очередь позаботиться о создании такого единства меж родственными, славянскими языками. Вот как эти слова пишутся по-украински:

диференціальний
індиферентний
коефіцієнт
перон
стрептокок;
по-чешски:
difereniální
indiferentní
koeficíent
streptokok
по-польски:
dyferencjalny
indyferentiiy
koeficijent
peron
streptokok.

Все славянские письменности давно избавились от удвоения согласных в заимствованных словах. Пора и нам последовать этому примеру. Тогда и будет единство — с родственными языками, с письмом на этих языках.

Рубить с плеча, конечно, не стоит: слова *сумма, ванна* произносятся с долгими согласными, пусть останется старое написание. Но таких слов немного, а основная масса требует упрощения.

Странная рифма

Можно кое-что упростить в русской орфографии. Но не везде упрощение пойдет на пользу.

Часто встречаешь людей, сердитых на частицы *не* и *ни.* Они путают эти частицы, вот и сердиты.

Сравните несколько фраз:

Что он ни скажет, все невпопад. Я ручаюсь, что он не скажет.

Всюду, куда ни пойду, встречают радушно. Куда не пойду, туда и ты не ходи.

Что бы он ни говорил, не верю я ему.

Посоветуй ему, чтобы он не говорил так много…

Разница между *не — ни* всюду смысловая, и ее нетрудно понять.

И все же частицы эти путают. У одного поэта читаю:

Кем бы я ни стал и кем бы ни был —
Вечен мир под этим вечным небом:
Если стану я водой зеленой —
Зазвенит она одушевленно.

У другого такая же странная рифма:

Отпылали бои,
Мирно поют соловьи,
И любуются небом глаза мои,
Где бы я ни был…
Как мне понятна запись твоя,
Делакруа:
«Вечером долгий восторг
Перед звездным небом».

И у третьего тоже:

В каких, друзья, ни хаживал краях,
В каких бы городах, районах ни был,
Что сер лицом и синь глазами я,
Помогут мне узнать земля и небо.

И еще такая же рифма:

И молодость широкую, как небо…
Но как бы ласков бы и нежен ни был…

Добро бы поэты эти любили консонансы и рифмовали так: *пламя — племя, слава — слово*[82]. Тогда была бы уместна и рифма *ни был — небо.* Но рифма у этих поэтов точная или близкая к точной.

Очевидно, они рифмовали *не был — небо,* а редактор исправил, по требованию грамматики и орфографии, на *ни был — небо,*

Иногда такое исправление можно заметить по косвенным приметам. Прочтите отрывок:

Из каких бы ни пили мы рек,
Где бы ни встречали мы закаты,
Нам с тобой не позабыть вовек
Свежий запах конопли и мяты.

Ясно, что и здесь за грамматику с орфографией вступился редактор. Выражение *не пил* произносится с ударением на не[83], но *ни пил* никогда никому не придет в голову произнести. Ритм стиха здесь требует именно ударения *не пил;* редактор заменил *не* на *ни,* получилось нелепое *ни пил.*

Итак, даже весьма книжные люди путают *не* и *ни.* Не упростить ли? Не ввести ли одно написание вместо двух?

Этого сделать нельзя. Никак! Эти *не* и *ни* имеют разный смысл, помогают выражать различные мысли. В «Пионерской правде» был напечатан такой рассказ: «Наташа все еще болела. Вера часто ее навещала. Однажды Вера не могла пойти к больной подруге и написала Марусе Черновой такую записку: «Сегодня у Наташи не буду. Как к ней ни придешь, она недовольна. Сходи ты». «Наверно, Наташа и Вера поссорились, — подумала Маруся. — Надо их помирить». Но, побывав у Наташи, она поняла, что подруги и не думали ссориться. Тогда Маруся рассказала Наташе о своих подозрениях и показала ей записку Веры.

— Ошибку сделала Вера! — сказала Наташа.

— Какую?»

Рассказчик очень наглядно показывает различительный характер двух частиц. Вот еще пример:

Легко садиться в дальний поезд,
Легко и в трудном быть пути

Когда тебе семнадцать, то есть
Чему ни быть — все впереди!

Стихи очень плохие, но не в этом дело: пример опять показывает, что различием между *не* и *ни* нельзя пренебрегать. Попробуйте здесь вместо *ни* поставить *не* — все четверостишие приобретет иной смысл (вернее, иную бессмыслицу).

И фонемный принцип не допускает здесь никаких упрощений. Сравните: *Кто ни был здесь, все хвалили. Кто не был здесь, тот только не хвалил.* Фонемы *И* — *Э* под ударением, никто на них не влияет, они разные сами по себе; значит и писать их надо по-разному. А безударные случаи должны ориентироваться на ударный…

Часто ошибка становится распространенной, но переставая быть ошибкой, сказал один из современных ученых-языковедов. Путаница с *не* — *ни* — как раз такой случай.

Почему учителям и ученикам иногда солоно приходится от этих *не* и *ни?* На уроках русского языка много часов уходит на изучение мертвых, традиционных написаний. Не остается времени, чтобы учить детей понимать текст, вдумываться в смысл. Ведь ошибки с *не* — *ни* — всегда смысловые ошибки. А учить пониманию текста надо. И это станет возможно, если будет меньше зубрежки традиционных правил.

Нужны ли большие буквы

У больших (прописных) букв много есть недоброжелателей. Недоброжелатели энергичны: не раз уже выступали в печати, непрестанно осаждают своими письмами редакции газет и научные учреждения…

Надо понять их выводы. Начало нового предложения у нас в середине текста обозначается сразу двумя способами: точкой и большой буквой после нее. Положим, нашли вы какой-то обрывок бумаги, и на нем уцелело только вот что:

ла. Пр

к. Сп

Сколько было предложений в этой записке? По всей вероятности, не меньше двух: два раза после точки идет большая буква.

А нельзя ли упростить дело: проще, экономнее обозначать границу между предложениями?

Есть где-то большой парк, окруженный полем. Смотритель парка на тропинке, огибающей этот парк, расставил столбы с надписями. По одну сторону тропки: «Начало парка». По другую сторону — другие надписи: «конец парка». Не чудак ли? Он напрасно удвоил себе работу.

Мы постоянно поступаем так же, как этот парковый смотритель. Точкой обозначили: кончилось предложение. Большой буквой показываем: началось следующее. Явное излишество!

Так рассуждают противники больших букв. С их точки зрения достаточно было бы использовать точку, чтобы показать границу между предложениями. Правы ли они? Шахматист А. И. Нимцович ввел в теорию шахмат понятие избыточной защиты:

> …если на какую-нибудь фигуру, пешку, или вообще на какой-нибудь пункт (квадратик доски) направлено два нападения, нам необходимы две защиты (двумя пешками, пешкой и фигурой, или двумя фигурами), — такая защита будет достаточной; если при тех же двух нападениях наш пункт защищен один раз (одной пешкой или одной фигурой), это будет защита недостаточная; если он защищен трижды (фигурами или пешками), это будет избыточная защита.

Понятия избыточной и достаточной защиты были перенесены в полиграфию, и здесь оказались очень нужными. В книгах часто

бывает нужно что-то выделить, разграничить: основной текст и сноски внизу страницы, названия глав и названия частей книги и т. д. Как это сделать? Можно примечания печатать более мелким шрифтом — это будет достаточно, чтобы читатель различил, где основной текст и где сноски. Или можно печатать тем же шрифтом, но строчки в примечаниях сдвинуть вправо; тоже все будет ясно. Но если используем и то и то — и шрифт возьмем мельче, и отступление вправо сделаем, то мы явно перестараемся. Отличие примечаний от основного текста мы будем защищать сразу двумя способами, а такое усердие не нужно. Это избыточная защита[84].

Из полиграфии понятие избыточной защиты перекочевало и в орфографию, в пунктуацию, и здесь оказалось полезным. Граница между предложениями отмечена точкой; точка — вполне достаточный защитник этой границы. Большая буква, как будто, избыточная защита. Значит, она не нужна.

Таким образом мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин „защита" а также прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А. И. Нимцовича „Моя система".

Таким образом мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин „защита", а также прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А. И. Нимцовича „Моя система".

Таким образом различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин „защита", а также и прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А. И. Нимцовича „Моя система".

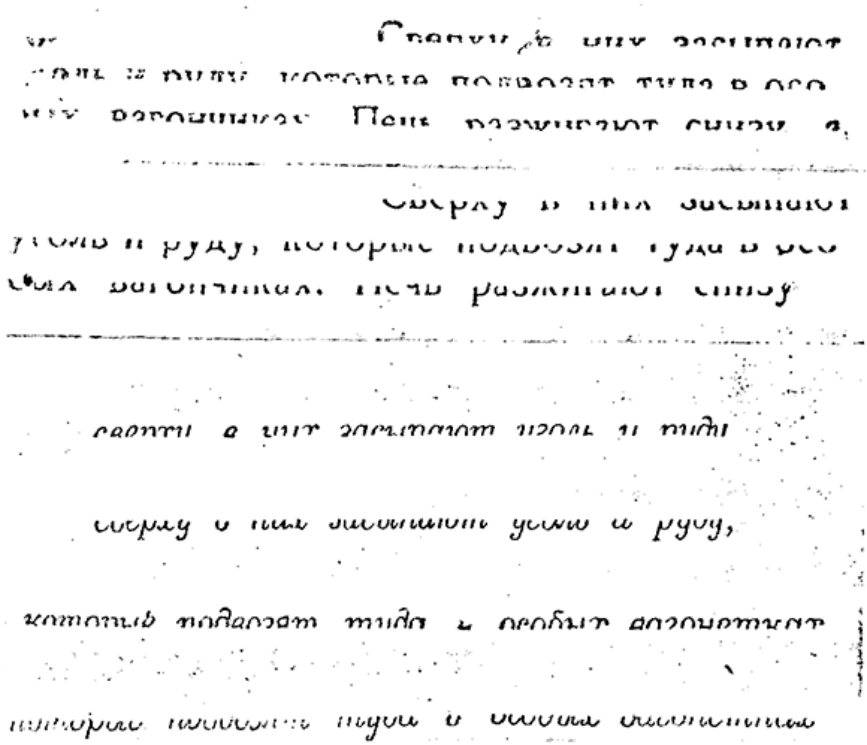
Таким образом мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин „защита", а также и прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А. И. Нимцовича „Моя система".

Таким образом мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин „защита", а также и прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А. И. Нимцовича „Моя система".

Примечание, конечно, должно быть выделено, отграничено от остального текста. Найдите здесь примеры, когда это выделение обеспечено защитами: недостаточной, достаточной и избыточной



Проверьте сами, как легче читать, как легче угадывать слова — по *верхней части строчки или по нижней*

Рассуждение это неверно по двум причинам. Сочетание точка — большая буква вовсе не избыточно для обозначения границы между предложениями. Ведь мы то и дело встречаем в брошюрах, книгах, журналах и т. д. случаи, когда после точки идет малая буква, а предложение все то же, не новое (вот только что, строчкой выше был такой случай). Если будет принято правило — не писать больших букв, то появятся затруднения в чтении и понимании таких, скажем, фраз: *Он детально изучил крестьянские войны XVII в. после введения нового цензурного устава труд его, наконец, появился в печати.*

Но даже не это главное. И не то, что большие буквы помогают различать слова *Орел — орел, Любовь — любовь.* Как-нибудь и без них смогли бы разобраться, где город и где птица.

Важнее другое: утомление при чтении резко возросло бы. Мы не одинаково, не в равной степени четко воспринимаем нижнюю и верхнюю половину строки. Проверим это. Разделим строчку на две половинки; попробуем отдельно прочесть нижнюю и верхнюю. Чтение нижней дается труднее; верхняя читается сравнительно легко (смотрите рисунок на предыдущей странице).

Глаз при чтении движется у нас по верхней половине строки;

мы ее лучше схватываем и воспринимаем.

Точка стоит внизу; большие буквы возвышаются над строкой. Стоит нам отказаться от больших букв, и чтение станет труднее: глаз невольно придется вести понизу, где точки, а нижняя часть строки — вы сами убедились — менее различительна, чем верхняя. Труднее будет узнавать и разграничивать слова при чтении.

> Точка (самый «маленький» пунктуационный знак по форме и самый «большой» по значению) является слишком незаметной опорой для читающего, и прописная буква, следующая за точкой, является своего рода графическим «рупором» этой точки, ее «усилителем» и служит опорной вехой в процессе чтения. [85]

Пример с большими буквами поучителен: он показывает, насколько сложны вопросы, связанные с улучшением орфографии. Когда решаются вопросы письма, когда думают о его изменении, нужны многочисленные наблюдения, опыты, статистические подсчеты; нужны всесторонне обдуманные заключения языковедов. А языковедам часто необходима помощь психологов, специалистов по полиграфии, физиологов, невропатологов, методистов, квалифицированных педагогов. Их рекомендации должны быть официально утверждены и превращены в орфографическое правило — только тогда надо следовать письменному новшеству. Помните об этом!

* * *

О русской орфографии можно рассказать во сто раз больше, чем рассказано здесь.

Я же хотел показать одно: русская орфография хороша, а может быть еще лучше. Беречь ее надо — и осторожно, с толком улучшать.

Книга написана… По пока она печаталась, время шло. По постановлению президиума Академии наук СССР совсем недавно образована Орфографическая комиссия; ее задача — улучшить наше письмо, освободить его от недостатков. Доброго ей успеха!

notes

Примечания

1

Об этой поре Маяковский так пишет в автобиографии: «905-й год. Не до учения. Пошли двойки» («Я сам»).

2

Р. Ф. Брандт. Демократизация русской орфографии. Пг., 1918, стр. 11.

3

Раньше надо было писать: *хлѣбъ, снѣгъ, безпричинный*.

4

Л. В. Щерба. Безграмотность и ее причины. См. его «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 56–57. Вот иллюстрация к словам Щербы. В это же время один из публицистов писал: «Школа и печать должны провозгласить свободу орфографии. Школа должна перестать обучать орфографии, а печать справляться в орфографических словарях».

5

Интересно, что целый ряд очень авторитетных специалистов предлагал изменить наше правописание и писать эту приставку через о: *розбежался, ростекся* и т. д. Основания для такого предложения действительно есть (см. дальше об этом.)

6

Рифма часто подсказывает, что слова, написанные по-разному, произносятся одинаково. У Пушкина встречаются такие рифмы: *хорош — похож, тетрадь — читать, строф — с берегов, приезд — присест, беседки — ветки, коляска — сказка…* Конечно, все это точные рифмы, хотя слова и пишутся по-разному.

7

Впрочем, ошибки при чтении в Какографополе неизбежны, как бы ни был опытен чтец. В одном старом журнале, который коллекционировал всякие курьезы, приведена такая надпись на вывеске: «Рещик пакости и падереву. Игнатьев» («Словцо», 1899–1900, № 18, стр. 4). В Какографополе подобные вывески оказались бы вполне законными. Поэтому чтение там неизбежно превращается в ряд «проб и ошибок».

8

Больше! Надо еще учесть, что все эти 6336 вариантов могут писаться в Какографополе с большой буквы! Прописные и строчные буквы читаются одинаково, значит…

9

Л. М. Шварц. Психология навыка чтения. М., 1941, стр. 55–56.

10

К. Г. Житомирский. Молох XX века (Правописание). М., 1915, стр. 27.

11

Опять таки никакого преувеличения. В русском тексте стояло: *Гейслер* (фамилия). При переводе текста на немецкий язык возможно одно из 12 начертании: *Häusler, Häußler, Heusler, Heußler, Heisler, Heysler, Heißler, Heyßier, Geisler, Geysler, Geißler, Geyßler.* Все они передают русское написание *Гейслер…* Фамилию *Верман,* встреченную в русской книге, переводчик-немец может передать так: *Beerman, Behrman, Bärman, Baerman, Bermann, Berman.* Так-то и по-какографопольски фамилия *Разделин* передается на много разных ладов (пожалуй, около двухсот).

12

Я пытался здесь воспроизвести типичное для Какографополя письмо. Это еще не крайний случай. Сравните более насыщенный неорфографизмами текст в книге: М. С. Бунина и др. Современный русский язык. Сборник упражнений. М., 1961, стр. 94–95.

13

Читатель, сочувствуя какографопольцам, может быть, предложит: пусть читают издания соседнего города, Орфографополя. Но в том-то и дело, что для жителей этого несчастного города издания соседей ничуть не лучше их собственных: в их памяти нет стандартных написаний… Написано *есть* или *езьдь* — им безразлично; и то и другое представляет известную неожиданность и требует побуквенного анализа при чтении.

Произношение этого слова интересно обыгрывается в поэме одного современного поэта. Золушка, героиня этой поэмы, должна отгадать загадку, и лишь тогда ее пропустят заколдованные ворота:

— Три звука во мне,
а нас двое —
что такое?
Пальцем трет у виска,
— Скажем, три звука — ска,
а двое —
ска и ска,
ах, поняла:
ска — ска,
всякой петле развязка;
откройтесь, ворота —
Сказка!

Действительно: *сказка* = [ска] + [ска]. Золушка восклицает: «Ах, поняла!», сама удивляясь своей отгадке. Сочетание букв *с-к-а-з-к-а* всем понятно, потому что привычно для всех. А что скрывается за сочетанием *с-к-а-с-к-а?* Какое слово? Это надо отгадать, и отгадка неожиданна.

15

Поэт А. В. Кольцов записывал народные пословицы с предельной орфографической свободой. Вот несколько его записей: думаю, что некоторые слова застанут вас врасплох: «Дурной гласъ на осину взглянитъ, осина завянитъ». — (Ѣжъ, конь, сѣно; поминай, конь, лѣто». — «Всѣмъ дѣвка, да нога».

16

Л. М. Шварц. Психология навыка чтения. М., 1941, стр. 41.

17

Д. Н. Ушаков рассказывает, что одна девочка как-то спросила его: «Как пишется слово рисовать»?» и написала: рисоватъ и рисаготъ. Сравните прежние написания: слепаго, толстого и т. д. (Д. Н. Ушаков. Русское правописание, М., 1911, стр. 67).

18

В Какографополе как раз не существовало малограмотных, именно потому, что не было орфографии. (Очевидно, самое название Какографополь — «город, где пишут с ошибками»— было дано соседями. Это у них орфография противопоставлялась какографии).

19

Объясняется это тем, что население деревни было переселено в XIX веке из-под Москвы (помещик продал). Вот и возникла деревня с московским, акающим произношением среди окающих соседей.

Но не по опискам! Если кто-то по рассеянности вместо *окно* написал *окро* или *окго,* то такая описка ни о каких языковых фактах не говорит. Специалисты, изучающие рукописи, умеют отличать описки от ошибок.

21

Д. В. Аннинский. Несколько слов о русском правописании. «Филологические записки». 1879, вып. I, Воронеж, стр. 2.

22

К. Былинский, М. Уаров. О правилах единой орфографии и пунктуации. «Большевистская печать». 1940, № 3, стр. 35.

23

Замечу мимоходом, что малограмотные очень часто создают себе свою орфографию, даже не подозревая, что она их собственная. Языковед В. А. Богородицкий рассказывает об одной старушке-«грамотнице», которая сама придумала правило, как употребляется буква Ь. Ей казалось, что *тебЬ* пишется с Ь в конце, а *мне* — через букву *е* (на самом деле в обоих случаях нужна была буква Ь*)*. Поэтому, она писала: *велелъ мне,* по *вЬлЬл тЬбЬ,* т. е. «согласовала» правописание глагола с правописанием местоимения. Такое стремление к орфографической самодеятельности очень характерно для малограмотных.

24

В нашей печати слово *ас,* заимствованное из немецкого языка (немецкое *as* «летчик высшего класса»), стали писать с двумя *сс.* Тоже, очевидно, «для ради красоты». Следует писать *ас.*

25

С. Волконский. Выразительное слово. СПб., 1913, стр. 55.

26

Вообще *ю,* как вы знаете, обозначает [у] после мягких согласных: *коню = коньу, позволю = позвольу*. Но *[ч]* всегда мягкое, твердого в русском языке не бывает. Значит, мягкость его обозначать нет необходимости, сама буква *ч* ее показывает. Поэтому и не пишется никогда *чю,* а только *чу*. Если же написано *чю,* то мягкость обозначена дважды: и буквой ч, и буквой *ю*. Это может создавать впечатление особой нарочитости, манерности.

27

Смотрите описание этого произношения в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (издания 1954 и 1958 гг.).

28

Те же слова в обычной орфографической передаче: *несла, дела, пряла, песка; летела, к стене, глядела, в песке; за селом, снежок, он рябой, песок; сестрица, лесник, тяни, пески*.

29

Напоминаю, что буква *я* обозначает гласный [а] после мягкого согласного:

сяду = сʲаду; лягу = лʲагу…

Значит, *сястрица* равняется *сʲастрица*

Или [у]; звук [у] возможен в любых условиях. Я ради простоты забываю о нем, когда объясняю яканье. Вообще мое объяснение очень упрощено и неполно; но если бы объяснить полнее и точнее, открылась бы еще большая строгость и закономерность.

31

Напоминаю: это не касается звука [у], который всегда остается неизменным, независимо от того, что стоит после него в ударном слоге, и такого [и], которое чередуется (в других словах) с [и], под ударением. Такое [и] тоже неизменно.

Не объясняю всех этих терминов; читатель поверит мне, что каждый из них обозначает определенную, строго закономерную особенность произношения.

Это суджанский тип диссимилятивного яканья.

34

См. книгу: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954 (1958).

При этом не обязательно было написать значок [ə] в вашей записи; хорошо, если вместо него отметили [ы] или просто задумались: какой-то странный звук… ни то, ни это. Значит, вы его услышали, не спутали с другим.

Я говорю только о русской речи. По-немецки, например, в словах *ausdenken, ausdrucken* произносится [sd] (русскими буквами: [сд]).

37

Смогут те, кто безупречно владеет украинским, или французским, или английским языком. В некоторых русских говорах тоже произносят [дуб], [зуб].

Эти факты описаны во многих книгах по психологии. Недавно напечатана интересная статья на эту же тему: Н. Д. Нюберг. Парадоксы цветного зрения. «Природа». 1960, № 8, стр. 53–60.

39

Звук [в] занимает особое положение. Сам он может стоять только перед звонкими, но перед собой допускает и звонкие, и глухие (сравните: *свой, звон* …). Это объясняется тем, что когда-то звук типа [в] принадлежал не к звонким согласным, а к группе неслоговых гласных.

Некоторые другие зубные не указываю, так как они мне сейчас не нужны.

41

Звук [э] после мягких согласных обозначается буквой е, таков закон нашего письма. Например: стране = [страньэ]; жалеть = [жальэть] и т. д.

В некоторых говорах встречается произношение звонких на конце слов, по такие говоры большая редкость.

43

А может быть: «в ылфавит»?

Поэтому гимназисты это правило называли «правилом покатухи».

45

Разве по описке. Описка отличается от орфографической ошибки, и очень резко. Если человек сделал ошибку, то он может десятки раз спокойно перечитать текст, видеть свою ошибку — и все же ее пе заметить и не исправить. Или исправить, лишь припомнив орфографическое правило, иногда с трудом. Описку при внимательном чтении сам пишущий замечает без всяких правил…

Сохранилось в некоторых говорах.

47

Онѣ, однѣ, однѣхъ… (ж. р.) произносится *они, одни, одних* и т. д.

48

«Родит. падежъ ед. ч. личного местоим. *она* пишется *ея*, произносится *ее*». (Я. К. Грот. Русское правописание. СПб., 1912, стр. 23).

49

«Во всѣх трѣх родахъ принято писать: *эти, этихъ* и т. д. вместо *этѣ, этѣхъ*» (Я. К. Грот. Русское правописание. СПб., 1912, стр. 38).

Некоторые случаи традиционных написаний, сложные для объяснения, я не отмечал.

Н. Ф. Яковлев. Ингуши. М. — Л., 1925, стр. 33–34.

Сам-то Марр считал эти значки особым достоинством алфавита: с помощью их он хотел указать все качества звука. Поэтому алфавит и назывался аналитическим: звуки подвергнуты анализу, разложены на отдельные признаки.

53

Л. М. Каменецкий. Техника корректуры. М., 1954, стр. 40. Интересно, заметили ли вы, как в названии этой главки напечатано слово *промышленность*.

54

Баснописец в древнем Риме.

55

Особое благовонное масло.

Эту сторону традиционной орфографии подчеркивал (в беседе с корреспондентом) Л. Н. Толстой. Он сказал: «Мы берем слово сразу нашим взглядом, не разбивая его на слога; и потому для всякого читающего каждое слово, обладая своеобразным написанием, имеет свою особую физиономию, которую ей создают именно эти Ь и *э*… Благодаря таким «личным» признакам, которыми одарены слова при современном правописании, я получаю возможность читать быстро. Если же написание станет однообразным, т. е. каждое слово лишится своих личных признаков, то узнавать мне это будет труднее, и, конечно, читать я буду медленнее…

Дело привычки, говорите вы?.. Привыкнуть к этому, действительно, можно и не трудно, но что процесс чтения от этого сделается медленнее, так это тоже очевидно… А это было бы очень печально».

57

«Русский филологический вестник», 1904, № 1–2, Пед. отдел, стр. 19.

Я. Грот. Филологические разыскания, т. II. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876, стр. 376.

Т. о. разных слов, одинаково звучащих.

60

Я. К. Грот и А. И. Кирпичников — авторы орфографических руководств.

61

А. Р. Лурия. Очерки психофизиологии письма. М., 1950, стр. 50–51.

Там же, стр. 55–56.

Точнее: с фонетическими и фонемными. Это дальше объясняется в IV главе.

64

А. Р. Лурия. Очерки психофизиологии письма, стр. 62–64. Напротив, если расстроен слуховой анализ, но работоспособен зрительный, то больной легко пишет слова, которые для него стали целостными, нерасчлененными иероглифами; он, например, без труда подписывает свою фамилию. Не затрудняет его и чтение зрительно привычных слов: СССР, Москва… Но стоит дать менее привычное слово, как больной не может его написать без зрительного образца или прочесть. (Больному показывают слово *треск* и просят читать. Его реакция: «Нет, не знаю… звуков нет»…) См. А. Р. Лурия. Травматическая афазия. М., 1947, стр. 256.

65

Звук, обозначенный здесь буквой ə,— это [ы], склонное к [а] (или [а], склонное к [ы]). У нас в алфавите нет буквы для этого звука; в транскрипции его знак — [ə]; вы ведь помните об этом…

66

Р. Ф. Брандт. О лжепаучности нашего правописания. (Публичная лекция). «Филологические записки», 1901, № 1, стр. 9.

67

Хуа Ган. История революционной войны тайпинского государства. М., 1952, стр. 137 и след. Текст мною сокращен, устранены некоторые детали рассказа.

Заметьте: во всех словесных парах во французских словах гласные [э] — [ӭ] обозначаются разными графическими средствами.

«Грамматика русского языка» под редакцией Л. В. Щербы.

70

Письмо опубликовано в книге: Г. П. Фирсов. Изучение фонетики в пятом классе. М., 1957, стр. 48.

71

Там же, стр. 46–47.

«Молодая гвардия», 1956, № 3, стр. 215.

73

Напомню, в каком смысле я всюду употребляю термин традиционность. Традиционные написания — это не значит старинные написания. Они традиционны потому, что не находят оправдания в современном языке. В этом смысле местоимение *та* пишется нетрадиционно (хотя так же писалось восемь-девять веков назад): оно оправдано современным произношением слова *та*. Напротив, написание *міръ* всегда было традиционным, с самого своего появления.

Приложение к «Тверской газете» (22 апреля 1912, № 37). «Доклад обществу для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности». (В некоторых случаях сохраняю орфографию подлинника.)

75

Архив АН СССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 11; лл. 12 об — 14. Орфографию, очень своеобразную, не передаю.

Только в одном корне: цвет, да и то не у всех говорящих по-русски.

А если надо знать прошлые связи этих слов, чтобы правильно их писать, то, выходит, эти орфограммы традиционны. Они не обоснованы современными связями слов.

78

Сравните написания: *нёс — несу, мёл — мету, вёдра* — нет *ведра.* Под ударением — *ё,* без ударения — *е. А* после согласных, непарных по твердости — мягкости, надо, конечно, писать не *ё,* а *о* (по тем же причинам, по каким надо писать *и,* а не ы.)

79

По наблюдениям специалистов, корректоры значительно чаще пропускают опечатки в длинных словах, чем в коротких. Верная примета того, что длинное, многобуквенное читается хуже, труднее, чем короткое.

Можно доказать, что такое написание будет строго фонемным (а современное написание — не фонемно), но в популярной книжке это сделать трудно.

81

Проверьте себя, писать надо так: вдребезги, вдогонку, в охапку, в обрез, по двое, в одиночку, навынос, поодиночке, в упор, на славу, на рысях, на весу, до зарезу, без умолку, в обтяжку, навыпуск, под спуд, без просыпу, без удержу, без умолку, до упаду, наотрез, кряду, навырез, насмерть, вразбивку.

Так иногда рифмовал Маяковский:

Было: социализм — восторженное слово!
С флагом, с песней становились слева,
И сама на головы спускалась слава.

Например, в стихе у В. Хлебникова:

Он сделался скоро темней и смуглей,
Он сделался черен, как пепел.
Три дня он лежал па цветах из углей.
Три дня он из клюва колибрина не пил

См.: А. А. Реформатский. Техническая редакция книги. М., 1933, стр. 114, и след. Читатель, может быть, наметит, что в понятиях «избыточной» и «достаточной» защиты были предвосхищены некоторые положения теории информации.

85

А. А. Реформатский. Упорядочение русского правописания (статья третья). «Русский язык в школе», 1938, № 1, стр. 95.